

1603

ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ и ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА РАННЕФЕОДАЛЬНЫХ СЛАВЯНСКИХ ГОСУДАРСТВ и НАРОДНОСТЕЙ

• НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт славяноведения и балканистики

ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ
и
ПОЛИТИЧЕСКАЯ
СТРУКТУРА
РАННЕФЕОДАЛЬНЫХ
СЛАВЯНСКИХ
ГОСУДАРСТВ
и
НАРОДНОСТЕЙ

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Г. Г. ЛИТАВРИН

МОСКВА «НАУКА» 1987

Издание — совместный труд советских и зарубежных ученых, посвященный наиболее раннему этапу формирования государств и народностей западных и южных славян. В книге рассмотрены характер расселения славянских племен в Центральной и Юго-Восточной Европе, формы этнической и политической общности в догосударственный период, развитие отдельных социальных слоев, дипломатических и торговых связей раннефеодальных государств.

Для этнографов, историков.

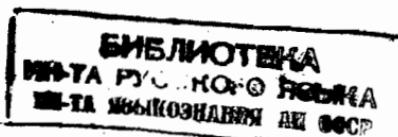
Редакционная коллегия:

Д. АНГЕЛОВ (НРБ), И. ЖЕМЛИЧКА (ЧССР),
Г. Г. ЛИТАВРИН (ответственный редактор, СССР),
В. К. РОНИН (ответственный секретарь, СССР),
Д. ТРЖЕШТИК (ЧССР), В. ТЫПКОВА-ЗАИМОВА (НРБ),
Б. Н. ФЛОРЯ (СССР)

Рецензенты:

Л. В. ГОРИНА, В. И. ФРЕЙДЗОН

9
Э-91

82067

0303000000—098
9—042(02)—87 16—87—II

© Издательство «Наука», 1987 г.

ВВЕДЕНИЕ

В последние десять лет вопросы формирования раннефеодальных государств и народностей не только не утратили своей актуальности в мировой историографии, но стали поистине одной из центральных, ведущих проблем медиевистики. В отличие от предшествующего периода, когда внимание исследователей было сконцентрировано главным образом или почти исключительно на уяснении этапов социально-экономического развития разлагающегося позднеримского рабовладельческого строя и общественно-го устройства у «варваров» на заре средневековья, а также на изучении характера синтеза институтов того и другого общества, в новейшей литературе существенное значение приобрел ряд новых аспектов исследования названной проблемы и были разработаны некоторые новые методы ее рассмотрения.

Так, например, в современной марксистской историографии вопросы становления государств и народностей в раннефеодальную эпоху стали исследоваться как две разные, но взаимообусловленные стороны единого исторического процесса. Темпы и интенсивность консолидации феодальных народностей хотя и зависели непосредственно от особенностей процесса социально-экономического и государственного развития раннефеодального общества, оказывали, в свою очередь, существенное воздействие на этот процесс, в частности — на стабильность и формы организации первых государственных объединений. В настоящее время уже имеются достаточные основания для утверждения, что среди факторов, содействовавших упрочению раннефеодальных государств, имели значение не только единство власти и вероисповедания, но и этническая общность нового типа, само оформление которой совершилось при активном влиянии государства и подчиненных ему учреждений религиозного (христианского) культа.

Этот новый аспект изучения важнейших процессов истории раннего средневековья позволяет, вне всякого сомнения, гораздо более полноценно и многогранно проследить ход развития феодальной формации на ее начальном этапе. Вопросы социально-экономической и общественно-политической истории южных и западных славян в тесной связи с их этнокультурной эволюцией в средние века были поставлены в нескольких монографических и коллективных исследованиях, вышедших в свет в течение последних 10—15 лет в социалистических странах Европы.

При всем разнообразии этих трудов и отличиях в территориальных и хронологических рамках рассмотрения проблемы им присущи две общие важные особенности. Прежде всего — проблема синтеза позднерабовладельческих и «варварских» институтов, т. е. учреждений восточноримского (ранневизантийского) и славянского обществ (или проблема континуитета и дисkontинуитета), как аспект, в равной степени важный для понимания даль-

нейших исторических судеб обеих взаимодействующих сторон, рассматривается теперь не только применительно к социальнно-экономическим отношениям, но и к государственно-политическому и этнокультурному развитию. Такой подход позволяет, как кажется, более точно установить, а может быть, и увеличить число важнейших критериев, используемых ныне для типологизации процессов феодализации и форм феодализма в странах Европы. Упомянем в связи с этим хотя бы тот факт, что среди историков-марксистов все более широкое признание получает положение о чрезвычайно важной роли условий формирования и форм организации власти в консолидирующихся раннефеодальных государствах для завершения самого процесса классообразования и характера эксплуатации на начальных этапах развития феодальных отношений.

Кроме того, во всех упомянутых выше марксистских исследованиях, хотя и в разной степени, наряду с историко-сравнительным методом, без применения которого вообще немыслима какая бы то ни была типологизация исторических процессов и явлений, все более важную роль приобретает комплексный, междисциплинарный подход, заключающийся в использовании данных смежных наук, в первую очередь — археологии, лингвистики и этнологии.

Хотя исследования проблем раннефеодальной государственности и народности, получившие в данное время новый стимул, еще не привели к созданию широких, развернутых концепций и обобщающих теоретических трудов и хотя медиевисты социалистических стран имели и в истекший период возможности обсуждения в своей среде результатов работы по названной проблематике, в последние годы ощущалась потребность в рамках более тесной кооперации еще раз обменяться по важнейшим вопросам новыми наблюдениями и заключениями, которые были получены в пределах национальных школ медиевистов-славистов, теоретически осмыслить некоторые новые итоги и определить наиболее перспективные направления дальнейших разысканий.

Сотрудничество медиевистов социалистических стран Европы опирается на давние и прочные традиции. Вначале оно имело по преимуществу двусторонний характер. В настоящее время оно все чаще становится многосторонним и осуществляется во все более разнообразных формах. Одной из конкретных форм многостороннего сотрудничества, в соответствии с программой совместной научной деятельности академий социалистических стран в области общественных наук, является соглашение о коллективной разработке проблемы «Образование и развитие славянских раннефеодальных государств и народностей в Центральной и Юго-Восточной Европе». Указанное соглашение заключено на 1983—1986 гг. между Институтом балканстики БАН, Институтом чехословацкой и всеобщей истории ЧСАН, Институтом славяноведения и балканстики АН СССР и Институтом исторических наук Словацкой АН. Оно предусматривает, кроме того, возможность

для каждой из сотрудничающих сторон привлекать к участию в разработке названной темы специалистов и из других академических и неакадемических научных учреждений. Оно не исключает также вероятности включения в совместную работу ученых из других социалистических стран, если с их стороны будет высказана заинтересованность в этом.

Ориентировочный план работы над названной тематикой был составлен и путем взаимных консультаций согласован в течение 1983 г. Согласно этому плану, на первом этапе предполагалось уделить основное внимание рассмотрению социально-экономических и этнополитических аспектов формирования государств и народностей у южных и западных славян и особенностей этих процессов в ходе их дальнейшего развития вплоть до эпохи зрелого феодализма, т. е. примерно с V—VI до XI—XII вв.

На следующем этапе предусматривалось рассмотреть вопрос о месте и значении идеологии и культуры в истории раннефеодальных государств и соответствующих этнических общностей, а на третьем, заключительном — одновременно с целенаправленным обсуждением государственных систем у южных и западных славян в эпоху раннего средневековья и специфики сложившихся у них феодальных народностей — попытаться синтезировать наиболее общие итоги совместной разработки темы в целом, выделить и теоретически осмыслить общее и особенное как в пределах каждого из славянских ареалов (в Центральноевропейском и в Балканском регионах), так и между самими этими ареалами и определить типологически место раннефеодальных государств и народностей южных и западных славян в государственно-политической и этнокультурной системе Европы в эпоху раннего средневековья.

Результаты работы над вопросами, предусмотренными для первого этапа рассмотрения запланированной темы, были подведены 13—15 марта 1984 г. на международном симпозиуме, состоявшемся в Москве на базе сектора древней и средневековой истории Института славяноведения и балканистики АН СССР. Тема проведенного симпозиума — «Социальная и этническая структура и ее эволюция в процессе зарождения и становления раннефеодальной государственности и раннефеодальной народности у южных и западных славян».

Из НРБ непосредственное участие в работе приняли пять историков (глава делегации проф. В. Тыпкова-Заимова), из ЧССР — три специалиста (глава делегации — д-р Й. Жемличка). Все иностранные коллеги выступили с докладами. Кроме того, на симпозиуме были зачитаны доклады в отсутствие авторов Д. Ангелова (НРБ) и П. Ангелова (НРБ). Ознакомились участники симпозиума также с тезисами докладов А. Авенариуса (ЧССР) и П. Петрова (НРБ), не присутствовавших на симпозиуме. С советской стороны с докладами выступили 8 специалистов (7 сотрудников Института славяноведения и балканистики АН СССР и 1 — из Института археологии АН СССР).

Следует особо отметить, что среди докладчиков на симпозиуме, помимо историков, были археологи П. Соммер (ЧССР) и В. В. Седов (СССР) и лингвист Л. А. Гиндин (СССР). Кроме историков, в обсуждении участвовали этнологи, археологи, лингвисты.

На научных заседаниях присутствовало до 45 человек, главным образом — из московских научных учреждений: помимо сотрудников Института славяноведения и балканстики, также специалисты из других академических институтов (археологии, истории СССР, всеобщей истории, этнографии, научной информации по общественным наукам), с Исторического факультета МГУ, из Государственного историко-архивного института, Государственного заочного педагогического института, Сыктывкарского университета. В дискуссиях приняли участие около 25 человек. Примечателен большой интерес, проявленный к симпозиуму со стороны молодых ученых.

Предлагаемый вниманию научной общественности и специалистов выпуск представляет собой публикацию материалов симпозиума, т. е. прежде всего все прочитанные на симпозиуме доклады, тексты которых в общем и целом оставлены авторами без изменений. В особые статьи развернуты представленные на симпозиум тезисы П. Петрова (НРБ) и А. Авенариуса (ЧССР). В выпуск включены также полученные с запозданием доклады — статьи Э. Кланицы (ЧССР) и Г. Э. Санчука (СССР). Некоторые общие итоги симпозиума рассмотрены в заключении к выпуску.

На рабочем заседании представителей академических институтов НРБ, СССР и ЧССР, сотрудничающих в выполнении запланированного исследования (заседание состоялось после окончания работы симпозиума), были уточнены темы следующих симпозиумов, а также время и место их проведения. Следующий симпозиум — на тему «Общественно-политическая мысль, идеология и культура в раннефеодальных славянских государствах» — состоялся в 1985 г. в Болгарии. Подготовка к печати и издание его материалов будут осуществлены сотрудниками Института балканстики БАН, на базе которого состоялось очередное научное заседание. На 1986 г. местом заключительного симпозиума на тему «Структура власти: раннефеодальные государства южных и западных славян в политической системе Европы» стал г. Прага — при организующей роли Института чехословацкой и всеобщей истории ЧСАН и Института истории Словацкой АН и в проведении научной встречи, и в последующей публикации итоговых материалов.

* * *

В научно-организационной и редакционно-технической работе принимали участие: Н. С. Захарьина, С. А. Иванов, О. В. Иванова, В. К. Ронин.

Г. Г. Литаврин

Д. Ангелов

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРИОДА НА ТЕРРИТОРИИ БУДУЩЕГО БОЛГАРСКОГО ГОСУДАРСТВА

Проблемы предгосударственного периода на территории будущего болгарского государства — это по сути дела проблемы, которые касаются не только данного района, но и обширной территории к северу от Дуная, где на протяжении столетий проживали южные славяне, а также территории сегодняшней Украины, где находилось главное этническое ядро протоболгар. Это проблемы, связанные с развитием и изменениями социально-экономической структуры двух народов в период разложения общинно-родовых отношений в их последней фазе — фазе «военной демократии».

Сведения о догосударственном периоде истории южных славян, начиная с 30-х годов VI в., сравнительно полны благодаря ряду данных, сохранившихся в сочинениях византийских писателей. В то время славяне, как известно, занимали обширную территорию к северу от Дуная, простирающуюся на восток почти до Днестра, а на западе — до Тисы¹. Они разделялись на множество племен, которыми правили отдельные вожди (регес, архонтес, хегемонес, эзархой). Общественный строй славян представлял собой заключительную fazu развития первобытно-родовых отношений, известную как военная демократия. Уже существовало довольно развитое разделение труда, была известна частная собственность на землю, имелось и имущественное неравенство. Уже выдвинулась влиятельная военно-племенная верхушка, в которую входили богатейшие представители отдельных родов соответствующего племени и из среды которой избирался вождь племени. Именно эта верхушка стремилась к большим благам и богатствам, к укреплению своего экономического и политического господства. Характерно для периода «военной демократии», однако, то, что все еще не существовало необходимых предпосылок для внутренней эксплуатации, т. е. для приобретения богатств и благ руководящими слоями за счет простого населения путем его обложения налогами, изъятия земель и т. п. Все еще царило относительное народовластие, о котором упоминается в сочинении Прокопия Кесарийского². Все еще отсутствовал аппарат принуждения, который использовался бы в интересах влиятельных в имущественном и политическом отношении слоев, не было сборщиков налогов и податей, не существовало органов правосудия, судов и тюрем. Очевидно, что при наличии такого социального механизма, в котором не существовало специальных институтов с админист-

ративными, финансовыми и юридическими прерогативами, не представлялось возможным осуществлять в широких масштабах и организованно эксплуатацию одних членов общества другими, т. е. осуществлять один из главных видов деятельности, связанный с функциями и ролью государства. При этом следует отметить, что сами условия, в которых жили славяне на своих землях к северу от Дуная, не предоставляли особенно широких возможностей, даже при наличии аппарата принуждения, для удовлетворения растущих потребностей поднявшегося над уровнем простого населения слоя аристократии. Пахотных и плодородных земель было мало, а развитие кустарного производства все еще не достигло уровня, который мог бы удовлетворить потребность в предметах роскоши. В таких условиях взгляды военно-племенной верхушки обращались на чужую территорию, и внешняя экспансия намечалась как единственный возможный путь к удовлетворению ее стремлений. И по-прежнему, как и для других варварских народов, самым соблазнительным объектом экспансии оказалась соседняя Византийская империя. Война и связанные с ней грабежи и обогащение превратились в своего рода «профессию» — явление, присущее «военной демократии» как определенному этапу общественного строя не только у славян, но и у других племен и племенных общностей в эпоху раннего средневековья. Так начались непрерывные вторжения южных славян, кончившиеся к середине VII в. захватом обширных областей Балканского полуострова³. Начался новый и очень важный этап в развитии славянского общества — этап, который можно назвать своеобразным переходом от догосударственного периода к новому периоду постепенного создания государства.

Во время заселения Балканского полуострова, насколько можно судить по данным источников, в основных чертах сохранилась характерная для славян родо-племенная организация. Занятая территория распределялась в соответствии с племенным принципом, что было обычно для распределения земель славянами за Дунаем. Каждое племя получало собственную область, где обосновывалось и создавало свои селения. Несомненно, однако, и то, что в ходе этого большого перемещения славянских масс, которые различными путями попадали на Балканский полуостров, произошли значительные перемещения отдельных племен и могло случиться так, что в одной и той же области обосновывались группы различных племен, т. е. родо-племенной принцип уступил место территориальному. Этим объясняется тот факт, что имена некоторых из обосновавшихся на балканских землях славянских племен являются новыми по происхождению. Они связаны не с именем какого-нибудь родоначальника, а с местным названием. Так, например, новым является название «стримонцы», которое, очевидно, получено от названия р. Струма (Стримон). То же относится и к названию племени тимочан, данному им по имени р. Тимок, к названию племени ринхинов — по р. Ринхина и др.

В византийских источниках VII—VIII вв. занятая каждым отдельным племенем область обычно носит название «славиния», что имеет этнически-обобщающий смысл. На балканских землях появилось большое количество славиний, численно соответствующее обосновавшимся там славянским племенам. Наряду с общим названием «славиния» отдельные¹ славинии имели и свои специфические названия, соответствующие имени населявшего их племени². В VII—VIII вв. мы встречаем наименование «Берзития», употребляемое для обозначения области, занятой берзитами в Македонии, и наименование «Вельзития» (на землях в Фессалии, занятых велегезитами). Из более поздних византийских источников можно заключить о существовании славинии «Друговития» (т. е. область друговитов) и «Ваюнития» (область ваюнитов — Эпир).

Во главе отдельных племен, т. е. отдельных славиний, продолжал стоять племенной вождь, обозначаемый в византийских источниках различными названиями: рекс (*ρέξ*), архонт (*ἀρχων*), экзарх (*ἐξαρχος*). Налицо та же терминологическая пестрота, характерная и для предыдущего столетия. Известны имена Хацона, вождя группы славянских племен, осаждавших в 620 г. Салоники, Пребунда, вождя славянского племени ринхипов, Акамира, вождя славинии «Вельзития»³.

Надо отметить, что захват обширных областей к югу от Дуная повлек за собой серьезные изменения социальной структуры славянских племен. Умножает свои богатства в первую очередь военно-племенная верхушка, в чьи руки попадает львиная доля добычи — рабы, оружие, скот, драгоценности. Притом она становилась владельцем и самых плодородных земель па захваченной территории. В результате переселения был дан новый толчок процессу имущественно-социального расслоения и классовым конфликтам. А это, по существу, означало шаг в сторону государственной организации.

Другое весьма существенное следствие разыгравшихся событий заключалось в том, что с захватом балканских земель славяне не только стали владеть новыми территориями, но получили власть и над обитавшим на них населением. В частности, в Мизии, Фракии и Македонии, где осели славяне болгарской группы, основную часть населения, оказавшегося под их властью, составляли фракийцы — либо романизованные, либо эллинизированные, либо сохранившие свою этническую и культурную самобытность. Между славянами и местными жителями складывались отношения владетелей и подчиненных. Возникла новая, неизвестная до селе в истории южнославянских племен форма подданства, при которой покоренное население обязывалось платить дань (практика, засвидетельствованная в сочинении Михаила Сирийца)⁴. Такие новые отношения вели к существенным изменениям социального механизма славянского общества. Элемент принуждения, все еще сравнительно слабый в условиях рода-племенного строя, стал уже необходимым. Завоевателям, сломившим сопро-

тивление Византийской империи и овладевшим обширными территориями, надо было утвердить свою власть над местным населением, заставить его выплачивать установленную дань, нести определенные повинности, участвовать вместе с ними в защите занятой земли и т. д. А это также означало шаг к перестройке рода-племенного механизма и к образованию государства.

И наконец, процесс, толкавший южнославянские племена к созданию государства, обусловливался и опасностью, грозившей извне, и прежде всего — со стороны Византийской империи, не примирившейся с потерями на Балканском полуострове и стремившейся возвратить себе захваченные у нее области. Угроза со стороны Византии вынуждала славянские племена, заселившие ее бывшие владения, объединиться в союзы, образовывать племенные объединения. Это новый, очень важный этап в развитии славянского общества. Целью этих племенных союзов являлась прежде всего защита от византийцев и, по возможности, захват новых земель у империи. Союз с наступательными целями возник, как известно из «Чудес Димитрия Солунского», к 20-м годам VII в. среди болгарских славян Македонии, Эпира и Фессалии. В него входило, по словам агиографа, великое множество друговитов, велегезитов, верзитов и других племен⁷. Новое объединение болгарских славян в Македонии с целью борьбы против Византии образовалось во второй половине VII в., и его инициатором, как можно заключить из соответствующего рассказа в «Чудесах Димитрия Солунского», был вождь племени ринхинов (в бассейне нижнего течения Струмы)⁸. Последовавшие за этим события хорошо известны, и я не буду их повторять.

Тенденции к образованию племенных союзов имелись не только среди болгарских славян в Македонии, но и среди славян в Мизии. Хорошо известен из сведений летописца Феофана племенный союз, возникший, вероятно, во второй половине VII в. на землях к северу от Стара-Планины, в который вступили восемь славянских племен. Все еще существуют разногласия относительно числа племен, а также охвата занимаемой ими территории. С уверенностью можно утверждать, однако, что это было весьма сильное племенное объединение, созданное главным образом в целях защиты от Византийской империи и Аварского хаганата⁹.

Когда, таким образом, наметилась устойчивая тенденция к сплочению славянских племен на Балканском полуострове, там появились протоболгары — это событие положило начало общему славяно-болгарскому государству.

В IV—VI вв., как известно, протоболгары вместе с другими этническими группами населяли область к северу от Кавказа¹⁰. В то время у них господствовал родо-племенной строй; как и у славян, у болгар во главе каждого племени стоял вождь (рекс, архонт, гегемон в византийских источниках, хан — у самих протоболгар). Родо-племенной строй протоболгар был тесно связан с военной организацией. Во время войн отдельные роды и племена продолжали жить обособленно вплоть до вступления в бой.

Независимо от своей политической раздробленности протоболгары в условиях рода-племенной организации обладали определенным сознанием своего этнического единства и существовавшей между отдельными племенами языковой и культурно-бытовой общности. Это ясно проявляется в словах вождя утигуров Сандилха в ответ на требование византийского императора Юстиниана I, который приказал ему напасть со своим войском на соседей утигуров — кутригиров (котрагиров) и полностью разгромить их. Не отвергая целиком этого требования Юстиниана, с которым вождь утигуров желал бы сохранить союз, Сандилх отвечал следующим образом: «Несправедливо, а также неприлично совсем уничтожить наших соплеменников, которые не только говорят на языке, одинаковом с нашим, соседствуют с нами и имеют такую же одежду и образ жизни, но и являются нашими собратьями, хоть и подвластными некоторым другим вождям. При всем этом (коль скоро Юстиниан приказал) я тотчас отниму коней котрагиров и присвою их, чтобы им не на чем было ездить и наносить вред ромеям»¹¹. Как видно, наличие общего языка и одинакового быта, т. е. наличие двух главных этнических признаков, порождало соответствующее сознание большой близости между отдельными протоболгарскими племенами даже на той ранней стадии их истории, когда политическая раздробленность была все еще весьма сильной и государство как объединяющий фактор отсутствовало.

В отличие от славян, которые в V—VI вв. на землях за Дунаем предстают как вполне оседлое население, занимающееся преимущественно земледелием, протоболгары в VI—VII вв. все еще практиковали столь характерный для nomadских племен кочевой образ жизни с присущим ему частым перемещением с места на место в поисках пастищ для скота. Это означало и перемещение жилищ, т. е. легко переносимых юрт, характерных для быта не только протоболгар, но и других сродных им тюркских этнических общинностей. Особенно важную роль в этом кочевом образе жизни играл конь, который считался одним из основных и наиболее ценных домашних животных. Одновременно с кочевничеством, однако, все большую роль в жизни протоболгар начинал играть и оседлый образ жизни, связанный с развитием земледельческого хозяйства и созданием постоянных поселений. На основе данных письменных источников, подтверждаемых материалами археологических исследований, можно заключить, что в рассматриваемый период (VI—VII вв.) только часть племени передвигалась с места на место, в то время как остальные члены его уже постоянно осели на определенной территории и занимались земледелием или ремеслами. Это так называемая пастушеская культура, практиковавшаяся протоболгарами-кутригарами¹². Следовательно, можно говорить о наличии у протоболгар полукочевого хозяйства, т. е. об одновременном существовании двух образов жизни — кочевого и оседлого. А это создавало условия для возникновения прочной привязанности к обитаемой

области, для появления сознания отцовской, родной земли, передаваемой от дедов и прадедов, которую необходимо защищать. В этом смысле интересные данные можно извлечь из тех пассажей сочинения византийского писателя Прокопия, в которых рассказывается о политике Юстиниана в отношении кутригуртов и утигуров во второй половине VI в. и о разгоревшейся между двумя племенами вражде, когда каждое из них имело свою собственную землю. Об оседлости как характерной черте протоболгарской этнической общности, независимо от все еще имевшего место кочевничества, можно судить по сведениям «Церковной истории» Захарии Ритора. В ней содержится перечень народов, тридцати по счету, населявших область Предкавказья. В их числе упоминаются и протоболгары, именуемые «булгарами»¹³. Сообщение «Церковной истории» Захарии Ритора подтверждается и проведенными в последнее время археологическими исследованиями поселений на обширной территории южнорусских земель, которую в VI—VII в. занимали протоболгары¹⁴.

В отличие от южных славян, которые даже при самом неблагоприятном развитии военно-политической обстановки сохраняли свою территориальную обособленность и селились на Балканском полуострове компактной этнической массой, территориальное единство протоболгарского этноса, начиная с конца VI в., неоднократно нарушалось в результате различных напастей и завоеваний (со стороны гуннов, аваров, западных тюрков).

Территориальная разорванность протоболгарских племен привлекла за собой весьма важное следствие — их вступление и со-прикосновение с разнообразнейшими этническими группами, обстоятельство, заметно сказавшееся на ходе всего их исторического развития. Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что в результате совершившихся миграций протоболгары получили возможность установить в нескольких регионах тесную связь со славянами. Долговременные контакты между двумя этническими группами установились, с одной стороны, в Паннонии (в пределах Аварского хаганата) и, с другой стороны, к северу и северо-востоку от нижнего течения Дуная в бассейнах Прута, Днестра, Днепра, т. е. на территории нынешней Молдавии и части территории Украины. Прямые свидетельства об этом обнаруживаются в сочинениях Прокопия Кесарийского и Иордана (середина VI в.), а дополнительные доказательства предоставляют проводившиеся в последние годы археологические изыскания¹⁵. Конечно, эта территориальная близость славян и протоболгар оказалась благоприятной предпосылкой для известного ознакомления и сближения двух этносов, что сыграло определенную роль в их дальнейшей судьбе и, в частности, в сравнительном скором создании общего славяно-болгарского государства.

Анализ социально-экономической структуры протоболгарских племен в рассматриваемый период (IV—VI вв.) свидетельствует, что среди них, как и среди славян, происходил процесс разложения рода-племенного строя. Все более четко выделялась своими

богатствами и влиянием рода-племенна верхушка во главе с ханом и его приближенными — боилами и багаинами. На передний план выдвигались отдельные роды, образующие в совокупности племенную аристократию. Таковыми являлись, например, роды Дуло, Угин, Кубиар, Чакаар, Эрми и другие, о которых упоминается в «Именном списке» болгарских ханов, а также и в некоторых надписях на камне IX в. Наряду со светской родовой аристократией решавшую роль играло греческо-шамансское словие, в чьих руках находился религиозный культ. Преобладающую массу протоболгарского населения составляли крестьяне, занимавшиеся в основном скотоводством и, отчасти, земледелием и ремеслами¹⁶.

Как и у южных славян, у протоболгар догосударственный период характеризуется не только усиленными процессами социально-экономического расслоения, но и постоянными набегами и военными действиями. Протоболгарская аристократия, как и славянская, стремилась к умножению своего имущества и власти, добиваясь этого главным образом путем опустошительных походов и вторжений, для нее война тоже являлась своего рода «профессией». Для протоболгар самым многообещающим объектом нападений, суливших огромную добычу — оружие, скот, драгоценности, рабов, — также была Византийская империя.

Нападения протоболгар на территорию Византии, совершившиеся на протяжении примерно полутора веков, оказали значительное влияние на их общественно-экономическое развитие. Усилилось имущественное и классовое расслоение, умножились богатства рода-племенной знати, увеличилась боевая сила наступательных операций протоболгарских воинов, притом против такого сильного противника, каким являлась Византийская империя. Все это создало предпосылки для дальнейшего разложения рода-племенного строя и перехода к более устойчивым и организованным формам политической жизни. В данном случае последствия протоболгарских нападений на территорию Византии полностью совпадали с последствиями славянских нашествий.

Непосредственно перед образованием болгарского государства — как промежуточный этап — в Южной России возникла хорошо известная «Древняя Великая Болгария» во главе с ханом Кубратом¹⁷. Объединившая в своем составе несколько протоболгарских племен (оногундуры, котраги, куши-булгар, чдар-булгар и др.), эта формация, бесспорно, явила собой самую серьезную попытку протоболгарского этноса сплотиться политически и утвердить свое самостоятельное существование, которому не раз угрожали многие враги. Это племенное объединение возглавил общий владетель — хан Кубрат, который был намерен передать после смерти власть своим сыновьям, т. е. установить на практике наследственный принцип. Очевидно, что это стремление выходило за рамки племенных традиций выбора вождя. Наряду с многочисленными сильными, укрепленными городами, выделяется столичный центр — Фанагория. Независимо от наличия многочис-

ленных племен, возникает необходимость в общем для всей страны наименовании — Болгария. Все это элементы, образующие вершину развития протоболгар в сторону государственности до их поселения на Балканском полуострове. Племенное начало, однако, все еще было слишком сильным, а внутренняя спайка — недостаточно прочной, чем и объясняется сравнительно быстрый распад «Древней Великой Болгарии» под ударами хазар.

То, чего не удалось добиться ни славянам, ни протоболгарам путем племенных объединений, осуществилось в 680—681 гг. в результате соглашения между Аспарухом и вождями восьми славянских племен в Мизии и победного окончания войны с Византийской империей. Отныне создается уже устойчивое общественно-экономическое объединение, которое сплачивает два этноса в единое целое и несет черты государства. Налицо прежде всего прочно установившаяся над всей территорией страны власть во главе с протоболгарским ханом, именуемым владетелем Болгарии (хан-сювиги). Налицо, во-вторых, специальный аппарат гражданских и военных сановников, выходцев из кругов преимущественно протоболгарской знати, выполняющий функции разного характера — поддержание внутреннего порядка, сбор налогов, наложение наказаний, защита границ, организация военных походов и пр. К высшим представителям административной власти относились кавхан, ичиргу, тарканы и др.¹⁸ Наличие специального административного аппарата в структуре данного общества, как известно, является одним из основных признаков, свидетельствующих о существовании государства. Речь идет уже не об обычном племенном строе, а о хорошо организованном механизме управления, имеющем власть, возможность приказывать и принуждать.

Основанное в 680—681 гг. государство с самого начала получает наименование «Болгария». Оно связано по традиции с «Древней Великой Болгарией» (*ἡ μετάλη πάλαια βολγαρία*, как говорит Феофан) и демонстрирует важную роль протоболгар Аспаруха в его создании и утверждении. Новое государство имеет свою столицу — Плиску, которая начинает быстро развиваться как военный и административный центр. Существуют зорко охраняемые границы — задача, выполненная еще в начальной фазе образования государства. Имеются и подданные — славяне и протоболгары, а также и местные балканские жители — автохтоны, оставшиеся в пределах нового государства.

Как видно из вышеизложенного, созданию болгарского государства предшествовал весьма продолжительный период истории южнославянских и протоболгарских племен, который мы можем обозначить как «предгосударственный» и который, с территориальной точки зрения, совершился в основном вне пределов Балканского полуострова, исключая только тот непродолжительный этап, когда славяне болгарской группы поселились на балканских землях и обособились там в отдельные славинии. Предгосударственный период характеризуется, как уже было вкратце указано, значительным сходством в общественно-экономическом

и политическом развитии двух народов, а также некоторыми отличиями и специфическими чертами, присущими каждому из них. Конечным результатом явилось объединение славян и протоболгар в северо-восточных балканских землях и создание общего государства. В этом решающем процессе становления государства, продолжавшемся два года (680–681), сыграли свою роль как один, так и другой народ: славяне — своей массовостью, этнической гомогенностью и вековыми традициями оседлого населения, протоболгары — отличной военной организацией и дисциплиной, многолетним боевым опытом борьбы с различными противниками, более подчеркнутым стремлением к политическому централизму, что нашло выражение в сильной ханской власти. Таким образом, посредством сочетания качеств и особенностей, присущих в данный исторический момент славянскому и — соответственно — протоболгарскому обществу, был осуществлен, образно говоря, весьма удачный славяно-болгарский симбиоз, выражением которого явилось прежде всего создание общего государства, а позднее, в результате продолжительной совместной жизни и других этногенетических факторов, — формирование единой болгарской народности.

- ¹ Ангелов Д. Образуване на българската народност. С., 1981, с. 92 и сл.
- ² Procopii Caesariensis De bellis, lib. VII, cap. 14.— ГИБИ, т. II, с. 126.
- ³ Ангелов Д. История на Византия. С., 1976, т. 1, с. 184 сл.; *Он же. Образуване...*, с. 132 и сл.
- ⁴ Ангелов Д. Образуване..., с. 147 и сл.; Литаврин Г. Г. Особенности становления раннефеодальных славянских государств на Балканах.— БИ, 1984, вып. 9, с. 17.
- ⁵ Ср.: История на България: Първа българска държава. С., 1981, т. II, с. 41.
- ⁶ Ср.: Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941, с. 141.
- ⁷ История на България..., т. II, с. 40.
- ⁸ Там же. с. 41 и сл.
- ⁹ Там же. с. 95 и сл.
- ¹⁰ Ангелов Д. Образуване..., с. 108 и сл.: История на България, т. II, с. 59 и сл.
- ¹¹ Menandri Excerpta de legationibus.— ГИБИ, т. II, с. 220.
- ¹² Ср.: Артамонов М. Этническата принадлежност и историческото значение на пастирската култура.— Археология, 1969, кн. 3, с. 1 и сл.
- ¹³ Ср.: Пигулевская Н. В. Сирийские источники..., с. 81.
- ¹⁴ Ср.: Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967, с. 25 и сл.
- ¹⁵ Ангелов Д. Славяни и прабългари до образуването на държавата.— Археология, 1979, кн. 2, с. 20 и сл.
- ¹⁶ Гюзелев В. Икономическо развитие, социална структура и форми на социална и политическа организация у прабългарите до образуването на българската държава (IV—VII вв.).— Археология, 1979, кн. 4, с. 17 сл.
- ¹⁷ История на България..., т. II, с. 69 и сл.
- ¹⁸ Ср.: Андреев М., Ангелов Д. История на българската феодална държава и право. С., 1972, с. 80 и сл.

АНТЫ

Сведения об антах имеются в сочинении Иордана «Гетика», законченном в 551 г. н. э.¹, и в произведениях византийских историков VI—VII вв. Прокопия Кесарийского, Менандра Протиктора, Маврикия, Феофана и Феофилакта Симокатты². Иордан широко использовал не дошедшие до нас произведения Аблабия (середина V в.) и Кассиодора (конец V — начало VI в.)³, поэтому его информация относится к V — первой половине VI в.

В «Гетике» сообщается, что славяне-венеды «...ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавенов»⁴. Согласно тому же источнику, «анты же — сильнейшие из них — распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину: эти реки удалены одна от другой на расстояние многих переходов»⁵. По-видимому, эти географические координаты относятся к относительно ранней поре расселения антов (по Р. Хахманну, этот текст позаимствован у Кассиодора).

Сведения Прокопия из Кесарии относятся целиком к VI в. Они сообщают о поразительной многочисленности антов и об их более широком расселении. Они жили на просторах Северного Причерноморья между низовьями Дуная и утигурами, заселявшими побережье Меотиды восточнее Танаиса. Прокопий рисует широкий фронт их наступления на земли Византийской империи. Вместе со славянами и гуннами они двигались крупными, иногда многочисленными отрядами, нападая на Фракию, Иллирик и Элладу и опустошая области между Адриатическим и Черным морями. В 546 г. к антам было направлено посольство византийского императора Юстиниана с предложением занять город Туррас и за крупные деньги не пропускать гуннов к Дунаю. Неоднократно воевали анты также с аварами.

Принадлежность антов к славянскому этносу несомненна. Прокопий прямо сообщает, что анты и славяне пользуются общим языком, у них одинаковый быт, общие обычаи и верования, а некогда и имя было одним и тем же. В сочинении «Стратегикон» Маврикия, относящемся к концу VI в., описание жизни и нравов славян и антов дается нерасчлененно.

Однако из сведений византийских историков VI в. видно, что различия между антами и славянами не сводились к чисто территориальным. Анты неоднократно называются в источниках наравне с такими этносами того времени, как гунны, утигуры, мидяне и др. Византийцы по каким-то признакам различали славян и антов и тогда, когда они служили наемниками войска империи. Очевидно, анты и славяне были отдельными племенными образованиями, различия между ними носили этнографический характер, а в языковом отношении не выходили за рамки диалектной дифференциации.

82067

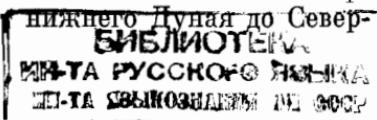
В исторической и лингвистической литературе неоднократно предпринимались попытки ответить на вопрос, какую часть славянства составляли анты и какова их роль в славянском этногенезе. Большая часть исследователей (А. Л. Погодин, А. А. Шахматов, Ю. В. Готье, Вл. Георгиев и др.) видела в антах восточных славян середины I тысячелетия н. э. Так, согласно А. А. Шахматову, анты составляли первый этап в истории «русского» (восточнославянского) племени, и племена «Повести временных лет» возникли в результате распада антского единства. Л. Нидерле, М. С. Грушевский, А. А. Спицын, П. Н. Третьяков и другие полагали, что анты составляли только южную ветвь восточных славян. Согласно третьей точке зрения, членение на славян и антов является отражением дифференциации праславянского языка на западную и восточную ветви. В настоящее время эти предположения имеют историографический интерес, поскольку археологами собран и исследован обширный материал, позволяющий осветить основные вопросы истории антов довольно конкретно.

Славянские древности V—VII в. в большом количестве известны ныне на обширных пространствах Европы — от Эльбы на западе до Днепровского бассейна включительно на востоке и от побережья Балтики на севере до Пелопоннеса на юге. На основе разнотипности керамического материала, приемов домостроительства и особенностей погребальной обрядности эти древности подразделяются на несколько локальных групп, по-видимому, соответствующих диалектно-этнографическому членению славянства того времени⁶.

В юго-восточной части раннесредневекового славянского мира, там, где письменные источники локализуют антов, отчетливо выделяется группа памятников типа Прага—Пеньковка. Они характеризуются полуzemляночными жилищами, округлобокими и биконическими глиняными сосудами, отсутствием курганов и биритуальностью и известны (рис. 1) по Днепру и его притокам от устья Роси до Запорожья, в бассейнах Южного Буга, Днестра и Прута и в нижнем течении Дуная. В левобережной части Днепровского бассейна памятники типа Прага—Пеньковка достигают поречья Сейма, а на юго-западе, в междуречье Дуная и Прута, перемежаются памятниками другой славянской группировки, характеризуемой памятниками типа Прага—Корчак. Очевидно, здесь анты территориально перемещались со славянами—склавинами. Византийские авторы VI—VII вв. пишут о тесном взаимодействии славян и антов в области Истра.

Как свидетельствует археология, анты и их потомки вместе со славянами (склавинами) приняли участие в заселении Балканского полуострова, осваивали Адриатику и частично Среднее Подунавье, проникали на Пелопоннес.

Начало формирования антов как отдельной диалектноплеменной группировки славян связано с черняховской культурой, получившей распространение в лесостепных и степных землях Северного Причерноморья в пространстве от

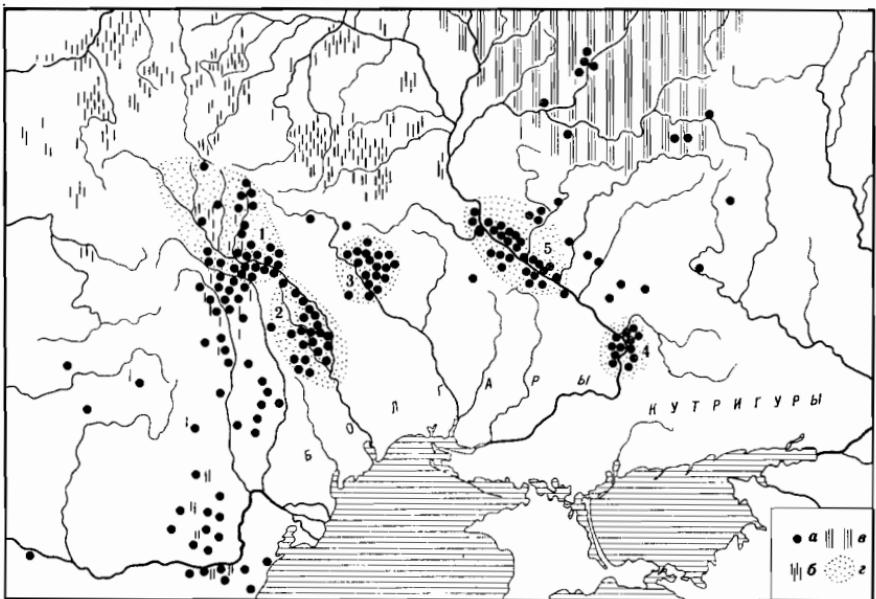

Рис. 1. Расселение анти в V—VII вв.:

a — памятники анти V—VII вв.; *b* — области расселения славянской группировки культуры Прага — Корчак (склавены Иордана); *c* — ареал балтских племен; *d* — племенные регионы (1 — территория хорватов по данным X—XII вв.; 2 — область расселения тиверцев; 3 — племя с неизвестным этнонимом; 4 — ареал уличей; 5 — основной регион русов)

ского Донца. Черняховская культура — сложное полигетническое формирование, куда входили местное скифо-сарматское население, гето-дакийские племена Дунайско-Днестровского междуречья, гото-гепиды и славяне. В условиях внутрирегионального смешения различных этносов население черняховской культуры оставалось пестрым по своей племенной структуре. Об этом говорят и поселения с разнотипным домостроительством и могильные памятники с разнохарактерными погребениями. Нужно полагать, что в разных частях обширного черняховского ареала протекали различные языковые и ассимиляционные процессы. Выделяется подольско-днепровский регион с элементами, ставшими позднее характерными для культуры Прага — Пеньковка⁷.

Основу населения этого региона составляли местные ираноязычные (скифо-сарматские) племена и расселившиеся среди них славяне. Постепенно скифо-сарматские культурные элементы здесь отходят на второй план, а славянские набирают силу, поэтому можно полагать, что ираноязычное население подверглось славянизации. Результатом двух-трехвекового симбиоза части славян с иранцами и было формирование отдельной праславянской диалектно-племенной группировки, известной в письменных источниках под этнонимом анти⁸.

Какова же была общественно-политическая структура антов? Все данные свидетельствуют о том, что анты в начале эпохи средневековья не образовывали какого-то общего политического объединения, единого племенного союза. Из текста сочинения Иордана можно догадываться, что в VI в. было несколько антских племен, имевших свои наименования.

Племя составляло определенную ступень общественно-политического устройства антов. По-видимому, это были не древние племена, сохранившиеся с эпохи рода-племенного строя, а политические союзы территориальных общин или остатков старых племен. Прокопий писал об антах VI в., что они «...не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве, и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается общим делом»⁹. Иными словами, анты, по Прокопию, не знали единодержавной власти, подобной византийской, и жили на основе самоуправления, обсуждая все общие вопросы на племенных собраниях.

Бурная эпоха передвижений и военная обстановка того времени создали благоприятную почву для роста имущественного неравенства, в частности богатства предводителей антских племен. Об этом наиболее ярко свидетельствуют клады, обнаруженные на территории расселения антов. Они состоят обычно из золотых, серебряных и бронзовых украшений, нередко инкрустированных самоцветами или цветным стеклом, и драгоценной утвари. В кладах вместе с вещами северо-причерноморского производства имеются предметы византийского и сасанидского художественного ремесла. По сообщению Иоанна Эфесского, анты научились вести войны лучше византийцев, поэтому они постоянно богатели, имея в своих руках золото, серебро, много оружия и коней.

Эти данные свидетельствуют в пользу того, что в среде антов начался процесс социального расслоения. Решающая роль принадлежала, несомненно, имущественному положению того или иного лица или семьи, главой которой было должностное лицо. Одним из таких вождей одного из племенных союзов антов был, вероятно, Мезамир, отправленный, как сообщает Менандр, к аварскому хану в качестве специального посла. Авары убили его: «Этот человек имеет большую власть у антов и может сильно повредить своим врагам. Нужно убить его, а потом без всякого страха напасть на их землю»¹⁰. Существенно то, что называется не только имя Мезамира, но и его отца и брата — Мезамир, сын Идаризиев, брат Келагастов. Это говорит о его родовитости, и не исключено, что власть таких племенных князей превращалась мало-помалу в наследственную. Маврикий и Феофилакт Симокатта называют их риксами.

На вопрос о том, какие конкретные племена имелись на антской территории в V—VII вв. письменные источники ответа не дают. Анализ археологической карты этого времени (рис. 1) показывает, что поселения антов рассредоточены в Северном Причерноморье не равномерно по всему ареалу, а располагаются более или менее крупными группами. Интересно, что эти группы

антских поселений V—VII вв. территориально соответствуют ареалам восточнославянских племен, известным по «Повести временных лет» и другим летописям. Из них хорваты, тиверцы и уличи, несомненно, вышли из антской среды¹¹. В этой связи намечаемые более или менее компактные группы антских поселений можно отождествлять с племенами — племенными союзами раннесредневековых антов.

В Верхнем Поднестровье, там, где по археологическим материалам древнерусского времени локализуются летописные хорваты, выявляется большая компактная группа антских поселений. Ее можно отождествить с хорватами и таким образом углубить их историю до середины I тысячелетия н. э. Хорваты — племя праславянского периода. Этноним имеет иранское начало, поэтому можно полагать, что он восходит к периоду славянизации ираноязычного населения в рамках черняховской культуры.

Известно, что около 560 г. хорваты подверглись нападению со стороны авар, в результате которого значительные группы этого праславянского племени мигрировали на запад в Далмацию и к верховьям Эльбы. Оставшиеся в Прикарпатье хорваты и составили племенной союз. Некоторые ученые высказывают предположения, что хорватский племенной союз в Прикарпатье существовал до рубежа VIII—IX вв. и охватывал не только верхнеднестровские земли, но и Малопольшу¹².

Вторая компактная группа антских поселений V—VII вв. локализуется в Среднем Поднестровье, там, где в IX—X вв. жили тиверцы. Этот этноним, по всей вероятности, произведен от гидронима «Тирас-Тира» (античное название Днестра). В свою очередь «Тирас» имеет иранское происхождение. Доживает этот гидроним до середины I тысячелетия н. э. В письменных источниках второй половины I тысячелетия н. э. уже господствует гидроним «Днестр-Данастр». Поэтому нужно полагать, что племенное название тиверцев восходит к антскому времени.

В Среднем Побужье размещалась третья группа антских племенников V—VII вв. Название этого племени антов определить не удается.

Четвертая компактная группа поселений антов выделяется близ Днепровской Луки и порогов. Ее надежно можно отождествлять с уличами, жившими здесь до X в.¹³ По-видимому, к этому антскому племени относится экскурс Иордана, рассказывавшего о событиях IV в. н. э. Историк сообщает, что во времена Германариха анты подчинялись готам. Позднее, когда готы были покорены гуннами, готский король Винитарий, пытаясь освободиться из-под власти гуннов, предпринял военный поход в землю антов. Первоначально он был побежден антами, но потом освил их, распяв для устрашения короля Божа с сыновьями и 70 старейшинами¹⁴.

При описании событий, связанных с антами в период гуннского нашествия, упоминается Эрак, отождествляемая с Днепром. Остроготы при Германариже и до него жили на Нижнем

Днепре. Где-то на Днепре, скорее всего — севернее готов, и должно было обитать антское племя, которое возглавлял Бож со старейшинами.

Выше по Днепру отчетливо намечается пятая группировка, которую следует идентифицировать с антским племенным союзом — народом рос, описанным в сирийской хронике середины VI в. псевдо-Захария Митиленского¹⁵. Изучению этого племени много внимания уделил Б. А. Рыбаков, который на основе географического анализа источников локализовал росов в Среднем Поднепровье и на р. Рось. Этот племенной союз антов положил начало Руси, или Русской земле IX—XI вв., находившейся в Среднем Поднепровье. Антское племя «рос», или «русь», выделяется не только географически, но и по характерным украшениям — зооморфным фибулам и большим односторонним височным кольцам¹⁶. Русы, очевидно, участвовали в общеантских походах. В вещевых кладах, зарытых в их земле, имеются золотые и серебряные предметы, изготовленные в константинопольских мастерских, церковная утварь. Это — трофеи, привезенные из далеких походов.

В отличие от других антских племен, на территории которых известны исключительно рядовые, неукрепленные поселения V—VII вв., в земле русов рано возникает ремесленно-торговый пункт. Это — Пастьрское городище, расположенное на р. Сухой Ташлык в бассейне Тясмина¹⁷. Поселение VI—VII вв. было основано на старом скифском городище, причем для нужд обороны были приспособлены древние валы и рвы. Пастьрское поселение было крупным для своего времени центром ремесленной деятельности. При его раскопках открыты остатки мастерских по обработке железа, найдены крицы, шлаки, остатки горна, исследована кузница. Среди инвентаря, обнаруженному здесь, имеются орудия труда ремесленников и их многочисленные изделия, в том числе предметы вооружения. Найдено несколько кладов с ювелирными изделиями. Пастьрское поселение с его ремесленно-торговым элементом было одним из ранних славянских протогородских центров.

Многочисленность богатых кладов и протогородского центра в земле русов выделяют его из прочих племенных регионов антов. Очевидно, следует согласиться с Б. А. Рыбаковым, утверждающим, что в VI—VII вв. в Среднем Поднепровье сформировался мощный союз антских племен, главенствующее положение в котором занимали росы-русь. Местоположение земли русов (в стороне от постоянных военных столкновений с византийским войском и беспокойными кочевниками) благоприятствовало укреплению этого союза. Что касается Подунавья, то вряд ли можно предполагать здесь наличие устойчивых политических образований антов. По-видимому, здесь союзы племен антов формировались по взаимной договоренности, на межплеменных сходках, для выполнения конкретных задач.

- ¹ Иордан. О происхождении и деяниях гетов: *Getica*. М., 1960.
- ² Мишулин А. В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э.—ВДИ, 1941, 1, с. 230—284; *Прокопий из Кесарии. Война с готами*. М., 1950; *Феофилакт Симокатта. История*. М., 1957.
- ³ Hachmann R. Die Goten und Skandinavien. Berlin, 1970.
- ⁴ Иордан. О происхождении..., с. 90.
- ⁵ Там же, с. 72.
- ⁶ Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979, с. 101—143; *Он же. Археология славян начала эпохи средневековья*.—В кн.: Всесоюзная конференция «Советская археология в XI пятилетке» (Тезисы пленарных докладов). М., 1983, с. 18—21.
- ⁷ Седов В. В. Происхождение.... с. 78—100.
- ⁸ Седов В. В. Славяне и иранцы в древности.—В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов: VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978, с. 227—240.
- ⁹ Мишулин А. В. Древние славяне..., с. 237.
- ¹⁰ Там же, с. 247.
- ¹¹ Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII в.—В кн.: Археология СССР. М., 1982, с. 123—132.
- ¹² Łowmiański H. Roszaki Polski. Warszawa, 1964, т. II, с. 114—200.
- ¹³ Рыбаков Б. А. Уличи (историко-географические заметки).—КСИИМК, 1950, XXXV, с. 3—17.
- ¹⁴ Иордан. О происхождении..., с. 115.
- ¹⁵ Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941, с. 165—166; *Она же. Имя «Русь» в сирийском источнике VI в. н. э.*—В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия. М., 1952, с. 42—48.
- ¹⁶ Рыбаков Б. А. Древние русы.—СА, 1953, XVII, с. 23—104; *Она же. Киевская Русь и русские княжества*. М., 1982, с. 55—90.
- ¹⁷ Археологія Української РСР. Київ, 1975, т. 3, с. 102—106; Седов В. В. Восточные славяне..., с. 22—24.

Л. А. Гиндин

ЗНАЧЕНИЕ ЛИНГВО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РАННИХ ЭТАПОВ СЛАВЯНИЗАЦИИ КАРПАТО-БАЛКАНСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Под лингво-филологическими данными здесь, как и в ряде других наших работ, понимаются факты, выявляемые посредством некоторых филологических процедур, замыкающихся в слове, которое функционирует в рамках определенного текста различной протяженности, фиксированного письменно. Эта совокупность, помимо «критики текстов» в традиционном смысле, должна в качестве одного из основных компонентов обязательно включать в себя лингвистическую обработку ключевых слов и целых выражений на предмет воссоздания насколько возможно полно их семантических объемов в диахронической перспективе.

В современных условиях, когда лингвистика и филология не всегда правомерно разграничиваются, все большую актуальность

приобретает вопрос о необходимости использовать при интерпретации древнего или средневекового текста методик, ставших теперь прерогативой лингвистики: синхронный и исторический семантический анализ, этимология апеллативной и топономастической лексики и т. д. Подобные соображения заставили нас ввести по существу тавтологический термин «лингво-филология».

Наличие *прямых исторических*, т. е. письменных, свидетельств в ранневизантийских памятниках о собственно славянах в связи с их экспанссией в VI в. в транскарпатские области Византии придает проблеме славянизации карпато-балканского пространства первостепенное значение для изучения ранних этапов этногенеза южных славян, поскольку эти свидетельства дают реально-историческую точку отсчета в воссоздании этно- и глоттогенетических процессов, хронологического и пространственного членения славянской общности в позднепраславянский период (диалектография, пути и ареалы расселения и т. д.). Однако при отсутствии славянских письменных источников до конца IX в. и весьма ограниченном числе непосредственных свидетельств о славянах в византийской письменной традиции до первой трети VI – начала VII в. чрезвычайно велико значение фактов, содержащихся в тексте в *неявном* виде и вскрываемых лингвистически на фоне филологического-исторических показаний. Такие данные о ранних этапах славянизации карпато-балканских областей складываются, по нашему мнению, из четырех разрядов фактов, рассмотренных нами достаточно подробно в серии специальных работ¹, к которым – во избежание повторений – мы и будем отсылать читателя.

1). Два гидронима: Тиса и Тимиш, упомянутые Приском (448 г.) в форме *Τίσας (в тексте с опиской Τίγας) и Τιφήρας; с этимолого-филологической точки зрения представляют собой греческие передачи славянанизированных фрако-дакийских названий;

2). Два апеллатива: strava (Иордан) и μέδος (Приск); подробный лингво-филологический анализ на уровне текста вполне однозначно показывает их славянское происхождение²;

3). Семь топонимов славянского происхождения, обнаруженных нами после сплошной этимологической ревизии 63 (цифра неимоверно завышенная) славянских названий, выявленных Вл. Георгиевым у Прокония в трактате «О постройках»³. Существенно, что все славянские названия, за исключением одного, располагаются в междуречье Тимока и Моравы или вблизи этих рек, группируясь вокруг Ниша (античный Ναίσσος), как раз в том районе, где Приск застал предположительно славянских поселенцев, перевозивших послов Максимиана в «лодках-однодеревках» сначала через Истр, а затем через Тимиш и Тису. Это следующие названия: Βράτσιστα, Γρίβο, Δευριάς, Δουρβούλιανά, Τζερζενούτζας⁴. К ним можно добавить Κάλις (Ае., IV, 4) – вероятно, вблизи Ниша, болг. Калеш⁵=в Греции Καλέτζι < слав. *Кальсь,ср. сербохорв. Kalac от слав. kalъ («грязь, кал»),

а также Καλούσι, ср. польск. Kalusz, сербохорв. Kalušić⁶, и Δέβρη (Аe., IV, 11) — область Гема, как и в случае с Δευριάς, ср. старослав. ДЬБРЬ, болг. Дебър (ср.-болг. Дебрь)⁷ = в Греции Δέβρη <слав.* Дъвгъ= праслав* дъвгъ «ущелье, овраг, поросший лесом, дебри»⁸.

Основной аргумент в системе доказательств славянской принадлежности перечисленных топонимов — совпадение фиксаций Прокопия с формой греческих адаптаций славянских названий, которые выявил и проэтимологизировал М. Фасмер и которые сохранились в Греции от славянского населения, по его мнению, в языковом отношении «близко родственного болгарам»⁹. Дополнительный критерий — кучность и вероятная историческая обусловленность ареала распространения, имплицитно содержащаяся в тексте соответствующего фрагмента Приска¹⁰. Отсутствие соотносимых греческих транскрипций и наличие иных соответствий (особенно латинских) делает недостоверным признание славянского происхождения топонимов Гόρβες и Γούρβικον¹¹;

4). Семантико-морфологический анализ употребления и дистрибуции в тексте Прокопия глаголов обитания: ἕδρομαι — ψέλομαι (практически только первое) по отношению к славянам, обретавшимся «за рекой Истром, недалеко от того (левого.—Л. Г.) берега» (В., V, 27, 2) или «у реки Истра» (В., VI, 26, 19), — в обоих случаях анализ употребления ἕδρομαι весьма наглядно показал, что на фоне контекстов, описывающих большинство других племен, выбор формы медиального перфекта ἕδρυται в позициях, тождественных употреблению медиального презенса ψέλουμαι (В., VII, 14, 29) или постановка рядом или через союз ἥ их инфинитивов (Аe., IV, 4—7 — подробнее об этом ниже) при отсутствии временных наречий, неизбежно должны были создавать и создают впечатление недавнего появления славян (склавинов и антов) в сфере интересов империи и тем самым на арене письменной истории¹². Такое заключение совпадает с возможным, сравнительно незначительным, но в других отпопшениях чрезвычайно существенным смещением в глубь датировки славянского присутствия на близлежащих территориях — предположительно на 100 лет раньше, чем обычно признается в исторической науке, а именно: в нижнем течении Тисы и Тимиша в 448 г.— время посольства Максимиана к Аттиле, т. е. за 79 лет до первой исторической даты — 527 г., реконструируемой на основе известного сообщения Прокопия в «Тайной истории». Приблизительно к тому же времени можно отнести существование славянских поселений в правобережье Истра в районе Нипа, чьи названия фиксировал Прокопий. Вероятно, в конце V — первом десятилетии VI в. славяне занимали уже и земли Полабья, согласно конъектуре на основе сообщения Прокопия (В., VI, 15, 1—2) о части герулов, которые, будучи побеждены лангобардами, «осели где-то на самых крайних пределах ойкумены» (о. Фуле — современная Скандинавия), причем в начале движения, видимо, с территории Словакии на север, «они прошли

(букв. «сменили» — ἤκαιφαν) подряд все племена склавинов¹³.

Следует заметить, что «варварские» племена внутри и на границах империи вообще часто перемещались, будь то в силу различных обстоятельств (как это было, например, с герулами) или по воле императора (ср.: В., VII, 14, 32: так, Юстиниан предложил какой-то части антов поселиться — ξυνοικίζεσθαι в Туррисе (на берегу Истра). Более того, две основные семантические функции ἴδροιαи как глагола обитания, прослеженные нами в упомянутой работе на примере множества употреблений в тексте Прокопия по отношению к οἰκέω, заключаются в применении ἴδροιαи к племенам: 1) осевшим в результате переселения (В., VI, 14, 24; VIII, 18, 14 и т. д.); 2) осевшим при переселении, в частности, вдали от границ империи (В., VI, 15, 1; VIII, 5, 5; VIII, 20, 21 и т. д.); 3) к кочевникам и племенам, включаемым в их разряд главным образом за «нестабильность» их образа жизни, вызванную иными, нежели в метрополии и других «цивилизованных» странах, формами ведения хозяйства, требующими смены мест поселения, как, в частности, у славян, о чем красноречиво свидетельствуют два уникальных места из Прокопия, где говорится о том, что склавины и анты «живут (οἰκοῦσι) в жалких хижинах (χαλύβαις), располагаясь (бузв. «раскидывая палатки, шатры» — διεσκηγμένοι) далеко друг от друга, каждый меняя, насколько возможно часто, место поселения (ἀμείβοντες...τὸν τῆς ενοικήσεως...χώραν)» (В., VII, 14, 24) и «что они населяют место обитания (пространство) рассеянно» (ὅτι δὴ σποράδην...διεσκηγμένοι τὴν γύραν οἰκοῦσι). Именно поэтому они занимают неопределенно обширную землю (γῆν τινα πολλὴν ἔχουσι), ведь они обретаются (бузв. «кочуют», «пастутся», «кормятся» — νέμονται) на большей части другого берега Истра» (В., VII, 14, 29). Незначительная реально-семантическая реконструкция, базирующаяся на сопоставлении этих свидетельств с данными археологии, позволяет представить себе хозяйствственный уклад славян середины VI в. как землепашцев, практикующих подсечно-огневое или переложное земледелие и живущих в полуzemлянках с двускатной крышей или в каких-то других легких, «некапитальных» строениях из дерева (еще Приск писал о χαλύβαι — деревянных домах у «скифов», предположительно славян, поивших медом послов Максимиана (Prisci frg., 8)). В свете изложенного становится понятным, почему Прокопий, нигде не называя славянnomадами, т. е. настоящими кочевниками, тем не менее склонен причислять их — вслед за «древними историками» — к племенам «кочевым» (Ἀμαξοβίοι) или «переселенческим» (Μετανάσται), прямо указывая на славян и савроматов, с весьма знаменательным для нашего построения замечанием: «...а также всякое другое дикое (бузв. «зверо-подобное») племя, которому случается здесь или кочевать (бузв. «пастись», «пасти стада» — ἡ νέμεσθαι) или оседать (ἡ ἴδροσθαι)¹⁴.

- ¹ См.: Гиндин Л. А. К хронологии и характеру славянизации карпато-балканского пространства (по лингвистическим и филологическим данным), I.— В кн.: Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981, с. 64–69; *Он же.* К вопросу о хронологии начальных этапов славянской колонизации Балкан (по лингво-филологическим данным).— БЕ, 1983, XXVI, № 1, с. 18–22.
- ² См.: Гиндин Л. А. К хронологии..., с. 70–85; *Он же.* К вопросу..., с. 22–32.
- ³ Георгиев В.л. Най-старите славянски имена на Балкански полуостров и тяхното значение па наш език и нашата история.— БЕ, 1958, VIII, № 45 (с картой). Ср. также: Георгиев В.л. Въпроси на българската етимология. С., 1958, ч. II, гл. 1.
- ⁴ Гиндин Л. А. К вопросу..., с. 32–33; *Он же.* К хронологии и характеру славянизации карпато-балканского пространства (по лингвистическим и филологическим данным), II. Славянские топонимы у Прокопия Кесарийского.— В кн.: Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М., 1984, с. 43–47.
- ⁵ Георгиев В.л. Въпроси..., с. 74.
- ⁶ Vasmer M. Die Slaven in Griechenland. Berlin, 1941, S. 163, 134.
- ⁷ Георгиев В.л. Въпроси..., с. 72 и сл.
- ⁸ Vasmer M. Die Slaven..., S. 181, 232.
- ⁹ Ibid., passim.
- ¹⁰ Гиндин Л. А. К вопросу..., с. 29 и сл., 33 и сл.
- ¹¹ Дуриданов И. Заселение славянами Верхней Мизии в свете топонимических данных.— В кн.: Резюме докладов и письменных сообщений: IX Международный съезд славистов. Киев, октябрь 1983. М., 1983, с. 32–33. Прочие лингво-этнические интерпретации всех упомянутых топонимов у Прокопия см.: Beševliev V. Zur Deutung der Kastellnamen in Prokops Werk «De aedificiis». Amsterdam, 1970, passim.
- ¹² Подробную семантическую характеристику данных глаголов обитания у Прокопия см.: Гиндин Л. А. Филолого-лингвистический аспект славянизации Балкан (по данным Прокопия Кесарийского).— В кн.: Симпозиум «Славяни и прабългари»: Доклади. Първи Международен конгрес по българистика. София, 23 май – 3 юни 1981. С., 1982, с. 200–220.
- ¹³ Подробнее об этом см.: Баршић Ф. О најстаријој прокопијевој вести о славенима.— В кн.: Зборник радова Византолошкого института. Београд, 1953, књ 2, с. 25.
- ¹⁴ Более подробно о славянах как квази-кочевниках в представлении Прокопия в связи с характером их хозяйственно-экономической жизни см.: Гиндин Л. А. Некоторые проблемы методики реконструкции славянской культуры по данным ранневизантийских памятников.— В кн.: Славянские культуры и мировой культурный процесс: Материалы международной научной конференции ЮНЕСКО. М., 1985, с. 94 и сл.

Сокращения

- Ae.— Procopii Caesariensis Opera omnia/Ed. J. Haury. Lipsiae, 1964, t. IV. De Aedificiis libri VI.
- B.— Procopii Caesariensis Opera omnia/Ed. J. Haury. Lipsiae, 1963, t. I—III. De bellis.
- Prisci frg.— Prisci fragmenta.— In: Historia graeci minores/Ed. L. Dindorfius. Lipsiae, 1852, p. 275 sqq.

ПОНЯТИЯ «СОЮЗА» И «ПОДЧИНЕНИЯ» У ПРОКОПИЯ КЕСАРИЙСКОГО

Если формы военного сотрудничества «варваров» с Византией в VI в. изучаются давно и весьма углубленно¹, то международно-правовые отношения этих партнеров не исследованы практически вовсе. Единственная работа здесь принадлежит английскому византинисту Д. Оболенскому. Рассматривая термины, которыми пользовались византийцы в своих дипломатических сношениях с «варварским» миром, он приходит к неутешительному выводу: «Было бы неумно, зная о языковом традиционализме византийцев, придавать слишком большое значение повторяемости этих технических терминов»². Для Оболенского вся тысячелетняя история Византии представляется всегда равным себе целым. Он рассматривает отдельные случаи употребления одних и тех же терминов у разных авторов, отделенных друг от друга подчас веками — неудивительно после этого, что все термины оказываются у него расплывчатыми, лишенными конкретного содержания. Но, может быть, стоит поступить иначе? Ведь если исходить из того, что значения слов меняются вслед за изменениями тех реалий, которые они описывают, то нельзя установить, что данный термин значил в Византии вообще, по можно определить его значение для каждого определенного хронологического среза. Ниже мы попытаемся выяснить конкретную семантическую наполненность нескольких международно-правовых терминов для первой половины VI в. на материале только одного источника — Прокопия Кесарийского. Подобное сужение охвата, несомненно, вредит диахронному изучению проблемы, но зато дает возможность отвечать за *каждый* контекст, в котором употреблено то или иное интересующее нас слово.

Однако, можно ли рассматривать язык византийского автора как имманентную систему, независимую от подражания античности, без учета пресловутого византийского «традиционизма»? Да, можно: реальность меняется по своим законам, и если писатель хочет быть понятен, он должен соответственно модифицировать язык, даже если ему самому это неприятно. Лучше всего по данному поводу высказался сам Прокопий: «В число федератов раньше включали только тех варваров, которые пришли в страну как равные. Но теперь никому не возбраняется присваивать себе это имя, поскольку время несколько не забочится о том, кто принимает на себя какое название, и вещи постоянно меняются по малейшему желанию людей, пренебрегающих тем, как они сами называли что-либо раньше» (III, 11, 2–4)³.

Ниже мы рассмотрим конкретную семантику таких лексем, как *σύμμαχοι*, *ένστολοι*, *χατζόοι*, *βατζόοι*, и попытаемся установить степень терминологичности каждой из них.

Понятие *συμμαχία* — «соратничество» (здесь и далее перевод условен) является довольно расплывчатым. Наиболее употребительные обороты с этим словом таковы: ἀγειν (τῆτεσθαι) τοὺς *συμμάχους* (VI, 22, 10; VII, 34, 20; VIII, 24, 25; 25, 8; 34, 17); ἐς *συμμάχου* ἔνταγαχεῖν (II, 29, 29; V, 1, 3; VII, 34, 3; 33; VIII, 18, 22; 13; 33, 7); ἐπὶ ξυμμαχίᾳ ἥκειν (III, 2, 7; 11, 34; VI, 25, 11; VII, 34, 25); ἐς *συμμαχίαν* ἀποστέλλειν (I, 12, 6; VI, 12, 38; VII, 34, 44; VIII, 25, 10). Представляется, что *σύμμαχοι* бывают как равноправными, так и неравноправными. Иногда они, вне сомнения, самостоятельны, например: «Аланы — это независимый народ (ἀὐτόνομον ἔθνος), много соратничающий с персами» (VIII, 3, 4). Об этом же говорит часто встречающаяся формула φίλοι καὶ *σύμμαχοι* (III, 9, 3; IV, 11, 9; VI, 22, 12; VIII, 5, 21; 24, 13; 26, 27; 27, 4; A, 21, 27).

В отличие от тех, кого Прокопий называет *φοιδεράτοι*, «симмахи» идут в поход со своими командирами, сохраняя свою военную структуру. Например: «Юстиниан послал Велисария с кораблями, стратиотов из каталогов и четыре тысячи федератов; кроме того, он имел три тысячи исавров; командирами были Константин и Бесс. За ними следовали «симмахи»: двести гуннов и триста мавров» (V, 5, 2–4). Но политически соратники могут быть и совершенно бесправны, что доказывается сочетаниями: «приказать соратникам», «навести соратников» и т. д.⁴

«Симмахию» заключает не только империя с «варварами», но и наоборот — «варвары» с империей и друг с другом. Договор о соратничестве называется τὸ *συμμαχίκον* и на его условия часто ссылаются персонажи Прокопия (VI, 28, 9; VII, 34, 39; VIII, 25, 10).

Однако с этим словом надо быть крайне осторожным, ибо наряду с контекстами, описывающими собственно отношения союзничества, оно же употребляется в техническом, а не в правовом значении при описании боевого взаимодействия народов, в юридическом смысле связанных другими отношениями: ἔνστονδοι (VIII, 11, 24–25); *φοιδεράτοι* (VIII, 5, 13); κατήκοοι (VIII, 24, 4). Таким образом, первая из рассмотренных нами лексем не может считаться техническим термином в строгом смысле этого слова.

Понятие *ἔνστονδοι* — «союзники» представляется уже более конкретным. Во-первых, *ἔνστονδοι* бывают в отличие от «симмахов» только у ромеев (за двумя исключениями, относящимися к персам — VIII, 11, 24; A, 11, 12). Во-вторых, связи «энспондов» не ограничиваются военной сферой — это форма политической ассоциации «варваров» с империей. Она может выливаться в форму *συμμαχία* (см.: VII, 14, 37; 34, 42), но все же это нечто более широкое: например, Тейя предлагает, чтобы готы стали «энспондами» императора «с тем, чтобы союзничать с ним, когда он пойдет на других врагов» (VII, 37, 6). О крымских готах Прокопий также говорит, что они «являются «энспондами», а также союзничают с ромеями, когда те идут на врагов» (К,

III, 7, 13). Наконец, кутригуры поселились во Фракии, «чтобы всегда быть союзниками ромеям и охранять их землю» (VIII, 19, 5). Кроме того, то, что историк называет «союзничеством», предполагает длительность отношений, их освобожденность от сиюминутной конъюнктуры: довольно часто встречаются обороты *ἐνστούδοι ἐς πάντα αἰώνα* — «союзники навсегда», *ἐκ παλαιοῦ, ἀνέκαθεν* «издревле» (II, 5, 5; VI, 3, 10; VII, 34, 31; VIII, 11, 24; 19, 5; К, III, 7, 13). Интересное замечание о статусе союзников содержит одна из рукописей Прокопия — Кодекс Лаурентианус 69.8 (издатель Хаури не включил его в основной текст): в ней говорится о том, что лангобарды стали искать помощи против гепидов у Византии, «гепиды же решили, что им нужно просить ромеев или помогать им в борьбе как союзникам и вести войну вместе, или уйти с дороги и тех, и других и не помогать ни тому, ни другому народу» (VII, 34, 3).

Итак, состояние союзничества предполагает полную политическую независимость (ср. VI, 34, 10; 31; VIII, 2, 18; 11, 24), *ἐνστούδοι* — это *не κατήκοοι* (см. VIII, 2, 17–18).

Рассмотрим теперь термин *κατήκοοι* — «подвластные». Прежде всего, он означает разные степени несвободы. *Κατήκοος* — это не *αὐτόνομος* (I, 10, 1; 19, 4). Кроме того, «подвластные» есть не только у ромеев, но и у герулов, эфталитов, мавров, гуннов, лазов, ивиров, персов, франков, омиротов, германцев. Ясно, что у столь разных народов и представления о подчинении разные. Однако внимательное рассмотрение всех контекстов с интересующим нас словом дает возможность выделить три основных признака, характеризующих статус «подвластности». Первый — это *φόροι ἀπαγούγη* «внесение податей» (I, 4, 35; II, 15, 2; IV, 10, 28; 20, 31; V, 12, 12; VI, 14, 9; 18, 20; 29, 2; VIII, 8, 10; 20, 49; 24, 4). Второй — это несамостоятельность в выборе правителя (II, 15, 2; 28, 20; VIII, 2, 23; 3, 12; 8, 10). И третья характерологическая особенность — *συστρατεία*, т. е. обязанность выступать вместе в поход (II, 15, 3; V, 13, 3; VIII, 24, 4), что вовсе не означает равноправного сотрудничества (см., например: «Франки, сделав бургундов «катэкоой», в конце концов заставили их *συστρατεύειν* с собой, как каких-нибудь военнопленных»). Видимо, формула подчинения на принципах *κατήκοος* включала в обязательном порядке слова *ἐφ' οὓς ἄν βασιλεὺς βούλοιτο* — «на кого императору ни заблагорассудится повести их» — это клише несколько раз встречается у Прокопия (VII, 21, 24; VIII, 24, 4; К, III, 7, 13).

Чрезвычайно интересна семантическая нюансировка терминов *κατήκοοι* и *ὑπήκοοι*. В самом деле, оба термина происходят от одного глагола «слушаться», различаясь лишь приставкой, но при этом первый, как показывает семантический анализ, означает для Прокопия «чужих», а второй — «своих», подданных Византии⁵. В условиях этнической пестроты, подвижности границ и неустойчивости политических образований в VI в. грань между «своими» и «присоединенными» часто оказывалась зыбкой. По-

этому имеет смысл проследить, кого же Прокопий называет «подвластными», т. е. считает не абсолютно своими: это жители по-коренных областей Италии (V, 5, 17; VI, 16, 10; 19, 4; 17; 27, 32; VII, 18, 23; 21, 6), Африки (IV, 10, 28; 20, 33; A, 18.9), областей вдоль восточной границы (Армения — VIII, 2; 5; 20; 8, 24; A, 2, 29; Палестина — I, 19, 4; K, III, 3, 10), Крыма (VIII, 5, 26; 27; 28). Интересно отметить, что Балканы также не целиком входят в «свою» территорию (см. VII, 33, 14). С другой стороны, население Италии в его отношении к королю Теодориху нередко оказывается как раз *ὑπήκοοι*, т. е. подданными законного государя (V, 1, 31; 39; 12, 32), что вполне коррелирует с тем, как говорит о нем Прокопий: «На словах Теодорих был тираном, на деле же — истинным царем» (V, 1, 29).

Если уж мы заговорили о нюансах смыслового разграничения понятий *χατήκοοι* — *ὑπήκοοι*, позволим себе небольшое отступление, чтобы продемонстрировать, какую сложную семантическую нагрузку может нести игра на едва уловимых обертонах смысла. Как было сказано выше, *ὑπήκοοι* в «Истории войн» — это, как правило, подданные императора (I, 11, 8; 23, 1; 24, 14; III, 10, 8; VI, 29, 2; VII, 7, 14; 9, 12), а *χατήκοοι* — подвластные ему. Однако в «Тайной истории» эта закономерность рушится: византийцы называются то *ὑπήκοοι* (A, 10, 33; 11, 13; 13, 9; 13; 22; 27; 32 (2 раза); 17, 14, 38; 19, 10; 21, 21; 22, 1; 26, 15), то *χατήκοοι* (A, 2, 29; 8, 24; 10, 14; 13, 4; 15, 21; 19, 5; 11; 17; 20, 5; 21, 3; 11; 22, 22; 23, 1) без какой бы то ни было дифференциации. Причина этого ясна: пафос Прокопия состоит в том, что Юстиниан ведет себя в своей стране, как в за-воеванной, грабит собственных сограждан так, как того можно ожидать лишь от врага; под его гнетом как бы стирается разница между «своими» и «чужими».

Но еще интереснее другое: в официозном трактате «О постройках» Прокопий называет подданных Юстиниана уже исключительно *χατήκοοι* (K, III, 1, 3; IV, 2, 12; 25; 10, 10; VI, 2, 18). Видимо, в греческом языке того времени семантическое размежевание двух наших понятий было не настолько очевидным, чтобы дать пищу для каких-либо обвинений по адресу историка; однако всякий, кто знал авторский узус Прокопия, всякий, кто прочел «Историю войн», безошибочно понял бы скрытый намек, направленный, как и множество других, рассеянных в трактате «О постройках» намеков, против Юстиниана. Вообще изучение лексической семантики Прокопия может в будущем дать ключ к вскрытию таких пластов текста, о самом существовании которых сейчас можно лишь догадываться.

Однако вернемся к нашей теме. Анализ дипломатической лексики Прокопия позволяет нарисовать такую картину: ядро Византии, населенное *ὑπήκοοι*, т. е. подданными императора, охватывает, в представлении Прокопия, восточную половину Балкан, Малую Азию, Сирию, Финикию, Египет; вокруг этого

ядра лежат присоединенные к империи территории, *хатъкои* (заметим, что при всем том упоре, который делался юстиниановой пропагандой на лозунге восстановления исконных прав империи и прежнего территориального статус-кво, сознание Прокопия четко отделяет завоеванные земли от «своих»; дальнейший ход истории подтвердил, что именно эти последние и составили собственно Византию). Наконец, по периферии шел пояс из «союзников» — энспондов. Ими названы у Прокопия сарацины (II, 5, 5; VIII, 11, 10), левафы (IV, 21, 20), мавры (IV, 11, 11; К, VI, 3, 10), лангобарды (VII, 33, 12), гепиды (VII, 34, 10; 31), готы Теодориха (VIII, 5, 13), кутригуры (VIII, 5, 16; 19, 5), герулы (VI, 14, 37), савиры (VIII, 11, 24; 14, 4), крымские готы (К, III, 7, 13), анты (VII, 14, 33). Энспондом Октавиана Августа назван и древний царь Эдессы Авгар (II, 12, 9). Простой взгляд на вышеприведенный перечень показывает, что подавляющее большинство «союзников» вербовалось на северной границе⁶, где, с одной стороны, Византия придерживалась оборононой политики (в отличие от юга и запада), а с другой — не было противостояния с одним соперником, как на востоке. Принцип юстиниановой дипломатии на севере состоял в том, чтобы контролировать ситуацию за счет балансирования между соперничающими племенами, не давая втягивать себя в войну⁷.

Однако, похожа ли получившаяся у нас система на римскую или даже позднеримскую? Можно ли утверждать, что империя цеплялась за старые понятия, пытаясь оживить давно умершее, что за древней терминологией не скрывается ничего, кроме инстинктивного желания «заговорить» неумолимое время⁸? Представляется, что самый дух дипломатии ранневизантийской эпохи принципиально отличает ее от внешней политики Рима⁹ или поздней античности¹⁰. Знаменательно, что Прокопий пытается, но не может найти в окружающей его действительности аналогов позднеримским реалиям; например, он в трех местах берется объяснить понятие «союз» (III, 11, 3; VIII, 5, 14; К, VI, 3, 11), и все три раза у него получается разное. Это — не личная небрежность историка: выше мы уже приводили его безнадежные слова о непрочности любых словесных ярлыков. Прокопий и сам не рад этой «текучести» понятий, но именно его аккуратность заставляет его быть неточным.

В эпоху Юстиниана были заложены основы собственно византийской дипломатии, и ее зарождение можно проследить у Прокопия. Краеугольным камнем новой системы были сложные отношения с теми, кого историк называет «энспондами». Терминологичность данного понятия, как мы уже говорили, доказывается тем, что автор резервирует его за ромеями. Самый термин не прижился впоследствии, но реалия описана Прокопием точно. Именно к этим племенам относятся, видимо, прочувствованные слова Юстиниана: «Когда один народ воспринимает другой как высший, это не значит, что он не свободен, подобно тому, как мы рассматриваем наших клиентов как свободных людей даже

при том, что они не превосходят нас ни влиянием, ни достоинством, ни богатством. Точно так же те народы, которые добровольно признают наше величие, следует считать свободными» (Дигесты, XLIX, 15, 7). Подобные дипломатические обертоны — верный признак того, что мы уже имеем дело с реалиями византийской эпохи.

¹ См.: Müller A. Das Heer Justinians.— *Philologus*, 1912, Bd. 81; Maspero J. Στρατιῶται et φοιδερῆτοι dans l'armée byzantine au VI siècle.— *BZ*, 1912, Bd. 21; Haneestad K. Les forces militaires d'après la guerre gothique de Procope.— *Classica et medievalia*, 1960, v. 21; Remondon R. Soldats de Byzance d'après un papyrus trouvé à Edfou.— *Recherches de papyrologie*, 1961, v. 1; Teall J. The Barbarians in Justinian's Army.— *Speculum*, 1965, v. 40, N 2 и т. д.

² Obolensky D. The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy.— In: XII Congrès International d'Etudes Byzantines: Rapports. Beograd, 1961, v. II, p. 58.

³ Цифровые обозначения без букв соответствуют книгам, главам и параграфам «Истории войн», буква А — «Тайной истории», буква К — трактату «О постройках».

⁴ Вопрос о том, чем «симмахи» отличаются от «федератов», носит военно-исторический характер и потому нас сейчас не занимает.

⁵ Отметим, что в дальнейшем первый термин вышел из употребления в византийском языке, второй же, наоборот, и во времена Прокопия, и позже был чрезвычайно употребителен именно в значении «подданные».

⁶ Заметим, что ни один из перечисленных там народов не сохранил своего имени. И дело вовсе не в коварстве ромеев, а скорее, наоборот, в их добром воле: завораживающий византийский пример тормозил развитие собственных форм жизни, своего самосознания. Для всего этого именно вражда с империей была наилучшим катализатором. В самом деле, племена, не фигурирующие в числе «эниспондов», как раз и дали начало народам, существующим и попыне: славяне (а не анти), болгары (а не кутригуры), грузины, месхи, сваны (но не сагины) и т. д.

⁷ Wosniak F. Byzantine Diplomacy and The Lombard-Gepidic Wars.— *Balkan Studies*, 1979, v. 20, N 1, p. 156—158.

⁸ Wirth G. Zur Frage der föderierten Staaten in der späteren römischen Kaiserzeit.— *Historia*, 1967, Bd. 16, N 2.

⁹ Neumann K. Römische Klientelstaaten.— *Historische Zeitschrift*, 1917, Bd. 117.

¹⁰ Klose J. Roms Klientel-Randstaaten am Rhein und an der Donau. Breslau, 1934, S. 135—137.

ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА
СЛАВЯНСКОГО ОБЩЕСТВА
В ЭПОХУ ПОСЕЛЕНИЯ НА БАЛКАНАХ
(VI—VII вв.)

В современной науке широко распространено убеждение, что в эпоху переселения славяне в целом находились примерно на одинаковом уровне экономического и социального развития. Надежным доказательством этого является тот факт, что интенсивные перемещения славян — как следствие общих процессов эволюции — происходили в VI—VII вв. одновременно на огромных пространствах Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы. Подтверждается этот тезис и неизмеримо возросшими в последние десятилетия археологическими материалами, обнаруженными в самых разных районах заселенной славянами территории. Следовательно, логично было бы допустить, что во время освоения славянами новых земель в качестве постоянных мест поселения исходная база дальнейшего развития была у большинства из них сходной, и поэтому последующие расхождения в формах и темпах эволюции следует относить на счет различий в местных условиях, в которых оказались разные группы славян. В таком случае встречающиеся в скучных письменных известиях от середины VI — середины VII в. противоречия должны расцениваться не как показатель разницы в темпах развития той или иной группы славян, а как результат разновременности передаваемой информации, зафиксировавшей различные стадии эволюции всех тех славян, к которым эти письменные известия относятся. Иными словами, при настоящем состоянии письменных источников, которое в целом в обозримом будущем может смело быть принято за неизменную величину, каждое драгоценное свидетельство о древних славянах следует, по-видимому, рассматривать в качестве фиксации определенного элемента всей системы, которую в целом можно и, видимо, должно реконструировать на путях сравнительно-исторических исследований.

Такой подход к делу представляется вполне закономерным. Однако в тех случаях, когда удается сравнительно точно определить время собранной современником информации о древних славянах и когда хорошо известен регион, к которому эта информация относится, тогда малейшие различия в показаниях источников отражают, вероятно, этапы развития одной и той же группы славян, и выводы обещают быть более убедительными.

Такими относительно хорошо датированными свидетельствами являются сообщения Прокопия Кесарийского и на полвека и полвека с четвертью более поздние известия Маврикия и «Чудес св. Димитрия». При этом данные первых двух источников относятся преимущественно к одному и тому же району — лево-

бережью нижнего Дуная (территория между этой рекой и Карпатами), а последнего памятника — в основном, как полагают, к той же самой группе славян (ее часто условно называют «славяно-болгарской» в отличие от сербскохорватской), которая переселилась затем из левобережья на земли Византийской империи.

Об этих именно славянах и в основном по данным указанных источников ниже пойдет речь. В статье будет предпринята попытка рассмотреть некоторые характерные особенности трех социальных групп древнеславянского общества VI—VII вв., а именно — свободных и в имущественно-социальном смысле равноправных общинников, составлявших подавляющее большинство родо-племенных славянских объединений, рабов и выделившейся руководящей верхушкой — племенной славянской знати.

Итак, прежде всего о рядовых равноправных членах славянского общества. Представляется излишним возвращаться в связи с этим к вопросу о том, к какому хозяйствственно-культурному типу (земледельческому или кочевому) принадлежало в рассматриваемый период славянское общество. Решающее слово по данному вопросу принадлежит археологам, среди которых безраздельно господствует убеждение о земледельческом характере хозяйства славян в VI—VII вв. Не оставляющие на этот счет малейших сомнений археологические данные о славянах левобережья Дуная и Поднестровья от времени, еще до их переселения на земли империи, собраны и обобщены в только что опубликованном труде украинских археологов¹. Соответствующие письменные сообщения об этом недавно еще раз рассмотрены нами².

Элементарной микроэтносоциальной ячейкой славянского общества уже в эту эпоху была в основном малая семья. Именно в этом смысле следует интерпретировать многочисленные данные о размерах господствовавшего у славян типа жилища — полуzemлянки, площадь которой колебалась от 6 до 20 кв. м³, но обычно составляла 10—12 кв. м⁴. Об этом же убедительно свидетельствуют и следы хозяйственных построек вокруг землянки и орудия труда, предметы быта, личные вещи — все говорит о постоянном обитании малой семьи и о ведении ею самостоятельного хозяйства. Подтверждает это заключение и сообщение Прокопия, что славяне «живут, ютесь в жалких хижинах (*χαλύβαις*) вдали друг от друга и часто меняя, [каждый в отдельности], места своего поселения»⁵. В том же плане можно интерпретировать и известия «Чудес св. Димитрия» о том, что славяне Македонии близ Фессалоники доставляли с полей урожай в свои дома и что плененного епископа Киприана держал у себя в качестве невольника один славянин-домохозяин⁶.

Есть, однако, основания для заключения об одновременном существовании у славян и большой семьи. Позволяют судить об этом также археологические материалы: полуzemлянки нередко расположены группами («кустами» или «гнездами») — на расстоянии всего нескольких метров друг от друга, от 4 до 10 в

группе⁷. Весьма вероятно, что домохозяева этих полуземлянок — члены большой (братской) семьи (патронимии), еще связанные общими хозяйственными интересами, узами кровного родства и культом единого предка. В этом смысле мы склонны рассматривать сообщение Маврикия (рубеж VI—VII вв.) о том, что жилище славян — в целях большей безопасности — устроено со множеством выходов (в случае нападения врага обитатели такого комплекса имели больше шансов на спасительное бегство). Употребленный здесь Мавриkiem термин *δικήριον* имеет вообще значение крупного жилого помещения или даже группы помещений⁸. Иными словами, это — отнюдь не одна полуземлянка или хижина, а скорее всего — либо комплекс, включавший жилище и хозяйственные строения большой семьи, либо группа упомянутых выше «родственных» полуземлянок с их хозяйственными постройками. Известие Маврикия о широком (если не преобладающем) к середине — концу VI в. у славян левобережья Дуная значении посевов проса⁹ также дает основание предполагать сохранение большой семьи: дело в том, что преобладание посевов проса в ту эпоху зачастую свидетельствовало о применении подсечно-огневого земледелия, которое, в свою очередь, предполагало, как правило, участие в тяжелых работах по расчистке леса под пашню одновременно коллектива взрослых мужчин, связанных тесными узами родства и отношениями взаимопомощи. В этом же духе можно толковать и сообщения о частых военных походах, славян против империи в VI в.: у мужчин именно больших (братских) семей было больше возможностей оставлять ради походов нелегкое дело ведения хозяйства в весенне-летний и осенний сезоны на плечах других трудоспособных членов семьи. Возможно, к трактуемому вопросу имеет непосредственное отношение и факт кодификации в Византийской империи в X—XI вв. норм обычного права, отдававших предпочтение при наследовании и покупке отчуждаемых имуществ, помимо родителей и детей, прежде всего родным братьям, пераздельно («смешанно») владевшим основными средствами производства¹⁰. Письменные источники свидетельствуют о сохранении большесемейных отношений у славян на Балканах даже в XII в.: иноплеменники с удивлением писали об обычаях в болгарских (конечно, большесемейных) хозяйствах выпекать буханки хлеба, одной из которых можно было накормить десять взрослых мужчин¹¹; взрослые женатые сыновья нередко не отделялись от своих родителей, и крупные землевладельцы (например, монастыри) проявляли заинтересованность в сохранении под своей властью таких большесемейных крестьянских хозяйств, возможно, даже препятствуя их разделу: феодалы стремились получить в качестве привилегии право на владение большими семьями¹², поскольку как объект государственного налогообложения они составляли единое тягло, подобно хозяйствам малых семей, тогда как их экономический потенциал был значительно более высоким.

Таким образом, процесс разложения кровнородственных отно-

шений привел к господству малой семьи как основной этносоциальной ячейки славянского общества еще накануне переселения славян на территорию империи. Однако этот процесс, обусловленный развитием производительных сил и обеспечивший возможность ведения самостоятельного хозяйства силами небольшого семейного коллектива, не был тотальным и повсеместным. Это — во-первых. Во-вторых, он растянулся на столетия, тем более, что условия переселения содействовали консервации традиционных, отсталых форм общественных отношений. В частности, к уже в целом изжитой практике подсечно-огневого земледелия, применявшейся уже в VI в. лишь при расчистках нови, славяне возвращались временно как раз во время переселений¹³. Именно так можно понять приведенное выше сообщение Прокопия о «живущих рассеянно» на больших территориях славянах¹⁴ и о частой смене ими мест обитания. Это свидетельство о славянах левобережья Дуная может быть, на наш взгляд, сопоставлено с известными показаниями Тацита о древних германцах, которые «не терпят, чтобы их жилища примыкали вплотную друг к другу. Селятся же германцы каждый отдельно и сам по себе, где кому приглянулись родник, поляна или дубрава... каждый оставляет вокруг своего дома обширный участок.. Земли для обработки они поочередно занимают всею общиной по числу земледельцев, а затем делят их между собою смотря по достоинству каждого; раздел полей облегчается обилием свободных пространств. И хотя они ежегодно сменяют пашню, у них всегда остается излишек полей...»¹⁵ Разбросанность жилищ и частая смена пашни представляются естественным следствием применения подсеки, о которой, как кажется, говорят и Тацит и Прокопий.

Поселения славян в VI—VII вв. составляли, по всей вероятности, и небольшие поселки («кусты») братских семей, и отдельные усадьбы (выселки) выделившихся из общины крупных, может быть, больших семей¹⁶, и деревни, в которых, как и позднее, соседствовали и малосемейные и большесемейные домохозяйства.

Сравнительно с описанием Прокопия совсем иная картина славянских поселений предстает из рассказа Маврикия. Он пишет и о малых, и о больших селах (хъслы) вдоль левых притоков Дуная, причем теперь между селами уже «совсем небольшие расстояния». Для нападения на ряд таких соседних сел Маврикий рекомендует византийскому военачальнику иметь до трех тысяч воинов, в плен при этом может быть взято до пяти тысяч славян, помимо тех, которые успеют достигнуть убежища или погибнут в схватке¹⁷.

Конечно, такие большие села трудно рассматривать как единоструктурные кровнородственные коллективы, в частности — как разросшиеся большие семьи. Такой тип поселения не совместим, по нашему мнению, с представлениями о господстве у славян во время Маврикия подсечно-огневого земледелия. Такие села есте-

ственное, на наш взгляд, оценивать не как кровнородственные, а как земледельческие общины, члены которых (и в больших и в малых семьях) были заняты не подсекой, а пашенным земледелием. Вряд ли можно всерьез отрицать, что в подобных больших селах с постоянными жилищами приусадебные участки уже находились в безраздельном индивидуальном (точнее — семейном) владении. В таком же владении скорее всего находились и пахотные участки, хотя общине, вероятно, принадлежала первоная собственность на все земли и были не исключены периодические переделы, т. е. мы склонны думать, что община в это время оставалась еще земледельческой. Как один из косвенных доводов в пользу отсутствия в этот период частной собственности на пахотные нивы может быть расценено известие Маврикия о том, что своим пленникам, после отбытия ими определенного срока в положении рабов, славяне предлагали либо вернуться на родину, внеся (конечно, с помощью родственников и соотечественников — в результате переговоров на этот счет с противостоящей стороной) за себя выкуп, либо же остаться, т. е. поселиться в славянских селах, получить землю, обзавестись хозяйством и жить «в качестве свободных друзей» (*ἐλεύθεροι καὶ φίλοι*)¹⁸. Видимо, славяне были даже заинтересованы в такого рода увеличении численности рабочих рук в общинах, которые имели возможность перераспределять пахотные земли или выделять новые участки из своего фонда, принимая в свою среду «чужаков» и недавних врагов. Самостоятельными хозяевами они могли становиться, конечно, не в кровнородственной, а в земледельческой территориальной общине. Разумеется, не все пленники (в частности, христиане-ромеи) хотели остаться у славян. Некоторые из них, не имея возможности внести выкуп, пытались бежать¹⁹. Но, помимо выкупа и опасности быть схваченным при бегстве, к оседанию пленных на славянских землях побуждало еще одно важное обстоятельство: сохранить верность христианству, находясь длительное время в плена у «варваров», было, видимо, нелегко, а вероотступника в империи по возвращении из плена ожидала кара как за государственное преступление²⁰. Среди этих поселенцев, бывших некогда подданными Византии, были такие, которые, по словам Маврикия, «возлюбили» варваров (славян) и готовы при встрече с воинами империи ввести их в заблуждение ложной информацией и повредить своим прежним соотечественникам²¹.

Следует особо подчеркнуть, что достоверность сообщений Маврикия о славянских деревнях надежно засвидетельствована археологами: такие деревни во множестве раскопаны и советскими учеными в Поднестровье, в Молдавии, и румынскими в Дунайском левобережье (некоторые расхождения имеются при этом лишь в определении количественного соотношения проживавших здесь в соседних селах и в одних и тех же селах славянских и романизированных дако-гетских поселенцев)²².

Подтверждение изложенным выше, разумеется, в немалой сте-

пени гипотетическим выводам о характере славянской территориальной общины до их поселения на землях империи можно усмотреть в том, что византийские источники VIII в., прежде всего «Земледельческий закон», записанный в конце VII — первой четверти VIII в. и отражавший положение в византийской провинции после нашествия «варваров» и восстановления власти Константинополя, не оставляют сомнений в безраздельном господстве уже не только не кровнородственной и даже не земледельческой, а именно соседской общины. Пахотные участки, отчасти и лесные угодья находились уже в частной собственности общинников и не подлежали периодическим переделам; участки разных хозяев были разделены межами, глубокими рвами, частоколами, оградами; некоторые общинники, разорившись, уже успели потерять свои пашни, другие, сохранив их, не имели возможностей (тяглового скота и пахотных орудий) для их обработки²³. Нормы «Земледельческого закона», независимо от того, был ли он официально введенным во время его записи сборником права, отражали реальные отношения в византийской деревне, в том числе — и в славянской, по крайней мере в тех районах, где власть империи была восстановлена. Если славянская земледельческая община трансформировалась в соседскую лишь в пределах империи (это вполне возможно), то следует все-таки полагать, что отчетливая тенденция к этой трансформации обозначилась еще до переселения на юг от Дуная. Время почти столетнего пребывания больших масс славян в левобережье, их интенсивные контакты с империей являлись периодом значительной интенсификации темпов общественного развития «варваров». О превращении общины в территориальную еще до расселения в правобережье Дуная свидетельствует и тот факт, что каждый славянский племенной союз сразу занимал определенный район, создавал стабильные поселения, сохранявшиеся на одном и том же месте столетиями. Едва сто лет, истекшие от времени Маврикия до записи «Земледельческого закона», представляются слишком коротким сроком, если допустить, что славяне лишь в течение этого времени проделали путь от кровнородственной к земледельческой и от нее — к соседской общине.

Известия Прокопия и Маврикия позволяют говорить (как, впрочем, и археологические данные — находки ключей и замков)²⁴ о развитии у славян частной собственности. Отдельные члены общества имели ценности и деньги (чеканенные в империи монеты), совершали торговые сделки, отправлялись даже ради покупки раба к соседям, в пределы другого племенного объединения²⁵. Маврикий пишет, что славяне скрывают в тайниках свои вещи, «ничего лишнего не держат открыто»²⁶, т. е. прячут наиболее ценные собственные вещи от возможных посягательств соседей либо даже родственников. Личной собственностью становилась скорее всего воинская добыча, часть которой во время похода, как показывает рассказанная Прокопием история о Лже-Хильвудии, бралась индивидуально²⁷, а часть захва-

тывалась сообща и подвергалась затем организованному дележу на основе норм обычного права и с учетом личных заслуг каждого в ходе военных действий. Славянские воины во время 5-й осады Фессалоники (70-е годы VII в.) стремились продемонстрировать перед своими вождями («архонтами») личное усердие²⁸ — несомненно, потому, что мнение военных предводителей о вкладе подчиненных в победу оказывало существенное влияние на долю добычи при ее разделе. О заинтересованности же славян в воинской добыче в это время данные столь определенны и многочисленны, что приводить их нет необходимости. Может быть, традиции этой глубокой былой заинтересованности отразились и в том факте, что в «Законе судном людем» — славянском правовом памятнике IX в. статья о разделе воинской добычи — 3-я, тогда как в византийской «Эклоге» (20-е годы VIII в.), влияние которой на «Закон» очевидно, эта статья — заключительная (18-я).

Завершая раздел о славянских рядовых общинниках, считаем возможным выразить уверенность в том, что уже в этот период (рубеж VI—VII вв.) они стали испытывать в ее начальных формах эксплуатацию со стороны укрепляющейся племенной знати. Один довод в пользу этого утверждения: аварский хаган, взимавший дань с подвластных ему славян Паннонии, пытался заставить платить дань и вождей славянских объединений нижнего Дуная. Современники считали, что славяне этих мест тогда благоденствовали²⁹. Славянский вождь Даврита (Добрент?), принимавший в окружении других архонтов послов хагана, резко отверг его домогательства³⁰. Видимо, хаган требовал в свою пользу часть тех сборов, которые местная славянская знать уже взимала с рядовых членов общества, иначе требование хагана трудно объяснимо.

На низшей ступени общественной лестницы у славян VI—VII вв., как и в империи, и у соседних народов, стояли рабы. Широким признанием в науке пользуется вывод исследователей-марксистов о том, что рабство в славянском обществе в рассматриваемую, как и в более позднюю, эпоху не играло существенной роли в производстве, где господствовал труд мелкого самостоятельного производителя (крестьянина-общинника). Рабовладение у славян как уклад осталось в сущности эпизодом в истории позднепервобытного и раннефеодального периода. Славяне миновали рабовладение как общественно-экономическую формуацию потому, что уровень развития производительных сил (в частности, владение металлургией железа) уже исключал рабство как основу производства.

Полностью разделяя эти заключения, характеризующие наиболее общие закономерности развития славянского общества при переходе от первобытнообщинного к феодальному строю, мы считаем все-таки феномен рабства у славян заслуживающим самого пристального внимания с точки зрения его роли в процессе социального расслоения и формирования антагонистических клас-

сов. Оставаясь, безусловно, само по себе на второстепенном и третьестепенном плане как форма производства, рабство имело тем не менее серьезное значение как средство упрочения влияния и возвышения отдельных родов в племени и в союзе племен, а затем — и отдельных лиц над другими родами и обществом в целом.

Медленные темпы развития первобытнообщинной формации определялись, конечно, в первую очередь медленными темпами прогресса в сфере производительных сил. Существенную роль, однако, играли при этом и вековые общинные традиции, извечные, освященные культом предков кровнородственные связи, вне которых человек не мыслил своего существования и которые каждый член общинно-родового коллектива в отдельности и все вместе упрочивали и культивировали всеми доступными в то время средствами. Принудить члена такого коллектива или их группу служить другому, всецело подчиняться ему и отдавать часть своего труда или продукта в его пользу было практически невозможно вне системы организованной высшей власти: непреодолимым препятствием к этому являлись общинная сплоченность, отношения взаимопомощи, неписаные законы взаимоподдержки и солидарности.

Естественно поэтому, что расслоение в общине на первых порах выражалось в зарождении и углублении имущественных и социальных различий между целыми родами, родственными группами, патронимиями. Именно возвысившийся род в жестокой борьбе с другими родами становился во главе племени. Из членов этого рода избирался и вождь всего племени. Укрепляющий свое влияние и власть род, прежде чем осуществить узурпацию общественных фондов подвластного ему племени, должен был обладать, по всей вероятности, и собственными, независимыми от общества средствами утверждения своего главенствующего положения. Одним из таких средств, по-видимому, и было в то переходное время обладание рабами, которые содействовали реализации власти господина, поднимали его престиж в обществе, усиливали его возможности осуществления дисциплинарных функций, обязанные беспрекословно выполнять его распоряжения.

Война была главным источником рабства. Во второй половине VI — начале VII в. славяне уводили из империи десятки тысяч пленных из каждого набега. Славяне также обращали пленных в невольников и при столкновениях между своими племенными союзами; в пределах же одного племенного союза в середине VI в. обратить в рабство своего соотечественника было, согласно Прокопию, невозможно «по закону»³¹.

Рабы составляли часть наиболее ценной воинской добычи. Реализация ее была разной в зависимости от общественного положения пленника и самого его господина. Рабов, в особенности взятых в набегах на земли империи, брали ради выкупа, ради обмена на своих воинов и членов общества, оказавшихся в пленах в руках врага. Об обмене пленными и их выкупе шел разговор

в ставке хагана, к которому прибыл в качестве посла ант Мезамир вскоре после набега на них аваров³². Возможно, именно цели обмена на своих находящихся в плену воинов славяне имели в виду тогда, когда брали в походах в плен только юношей и молодых мужчин³³. Создание такого обменного фонда пленников позволяло, может быть, племени сберечь свои иные общественные фонды.

Вряд ли можно сомневаться в том, что рабы-пленники, которым определялся срок пребывания в рабстве (об этом была речь выше), использовались в хозяйственных работах. Предполагалось, по всей вероятности, что, трудясь в домохозяйстве господина, пленник как бы восполнял ту сумму, которая за него могла быть получена при продаже или выкупе. Затем он становился свободным и равноправным членом общества. Конечно, в домах пленной знати, в ее родах-патронимиях рабы находили более широкое применение и в качестве прислуги, и как работники в хозяйстве. Как свидетельствует история с Лже-Хильвудием, раб мог стать оруженосцем, телохранителем, соратником в битвах, оказаться широко известным (даже врагам и соседним союзам) своей доблестью: таким был ант, попавший в плен к «склавинии». Правовой статус и положение раба определялись, по-видимому, целиком и полностью волей господина, исключая особые случаи. Знатный склавинин продал своего раба-соратника и телохранителя, когда ему предложили за него приличную сумму³⁴. Частично из рабов, по всей вероятности, формировалась окружавшая вождей дружины, а затем и конституирующаяся служилая знать. Характерно, что окружать себя зависимыми, лично подвластными и потому безраздельно преданными людьми, в том числе и из рабов, имели обыкновение не только вожди «варваров», но и сами византийские императоры. Даже в XII в. в империи некоторые рабы достигали высоких чинов и должностей.

Спрос на рабов у славян, давно не совершивших удачных военных походов, оставался высоким. Во время 5-й осады Фессалоники славяне продавали внутрь славянских территорий, к северу от города, в иные славянские союзы множество фессалоникцев, вынужденных из-за голода перебегать в лагерь осаждавших³⁵. Обладание рабами, особенно в рядах знати, считалось весьма престижным. Как известно, в империи закон запрещал обращение в рабство и приобретение рабов из христиан-соотечественников. Так обстояло дело в VI в., как упоминалось, и в славянских племенных союзах. Однако к IX в. в этой позиции в славянском обществе, вероятно, произошли крупные перемены. Как позволяют заключить первые славянские юридические памятники, славяне в IX в. обращали в рабов не только пленных, но и должников, преступников, продаваемых родителями детей, вероотступников³⁶. Следовательно, и в этот период спрос на рабов в раннефеодальном славянском обществе остался высоким, причем с сокращением успешных внешних войн законные источники рабства оказались расширенными.

И, наконец, о формирующейся третьей социальной группировке древнеславянского общества — о родоплеменной знати, о которой отчасти уже было сказано выше, когда речь шла о рядовых общинниках и рабах.

Слой племенной знати консолидировался в основном из возвысившихся родов во главе с главенствующим родом, которые все более отделялись, обособлялись от масс рядовых соплеменников. Наследственность власти утверждалась прежде всего как право рода в целом и лишь позднее — как право прямых потомков вождя, главы правящего рода. Константин Багрянородный подчеркивал, что славянам традиционно свойственно обыкновение ставить вождя всегда из одного, «любимого у них» рода³⁷. Поддержка родом своего представителя в роли вождя гарантировалась тем, что к выполнению престижных и выгодных функций в племени или союзе³⁸ племен вождь приобщал и своих ближайших родичей. Именно в силу этого византийцы знали по именам представителей правящего в антском объединении рода: некоего Мезамира, отправленного послом к хагану аваров, пользовавшегося у антов огромным влиянием и явившегося, скорее всего, видным военачальником (убив его, авары рассчитывали на ослабление способности антов противостоять их набегам), хотя Мезамир и не был вождем антского союза, а лишь его братом; вождь же Келагаст — так мы понимаем соответствующее сообщение Менандра — унаследовал власть от своего отца Идаризия³⁹.

Достижение одним родом ведущего положения в племени или в союзе племен сопровождалось острой и кровавой борьбой, по всей вероятности, и в славянском обществе, а не только среди полукоевых народов на стадии военной демократии, о чем хорошо известно. В связи с этим можно полагать, что проигравшие в борьбе за власть рода-соперника имел для него трагические последствия. Видимо, представители именно этих проигравших борьбу родов, а порой, возможно, и все члены таких родов, спасшись, оказывались на чужбине, предлагая свою воинскую службу правителям чужих стран и народов. Вряд ли из преуспевавших на родине воинов комплектовались те наемные отряды склавинов и антов, которые в 30-х годах VI в. сражались за интересы империи в Италии. Характерна в этом отношении судьба знатного лангобарда Илдигиса (середина VI в.): вынужденный спасать свою жизнь, он бежал и побывал со своим воинским отрядом у славян, у гепидов, снова у славян, у готов в Италии и в третий раз — у славян³⁹. Возможно, изгнем был и возвысившийся на византийской службе в качестве полководца ант Хильвудий: он попал в империю в конце 20 — начале 30-х годов, т. е. тогда, когда анты были не союзниками, а врагами империи (союз антов с императором был заключен лишь в начале 40-х годов). В 545 г. истекло уже около 10 лет со времени гибели Хильвудия, но примечательно, что видные анты во время пребывания у них Лже-Хильвудия так и не смогли установить его

подлинную личность¹⁰: вероятно, у истинного Хильвудия уже не осталось на родине живых родичей.

В свою очередь, в славянское общество вливались в это время и бывшие ромеи-византийцы, искающие у них убежища, переходившие на их сторону, селившиеся после освобождения из рабства, а также представители иных «варварских» народов, потерпевшие, подобно Илдигису, крушение на родине. Для славянского общества этого периода характерна своеобразная открытость, легкая адаптация чужаков, в притоке которых были, несомненно, заинтересованы прежде всего вожди племен и племенных союзов и окружающая их знать, способные содержать этих готовых служить им людей, не связанных с родо-племенными традициями, оторванных от родной среды, стоявших вне общинных и родственных связей и готовых исполнить любой приказ господина.

Так, постепенно узурпируя право распоряжения общественным фондом, превращая в обязанность обычай соплеменников предоставлять вождю с его свитой пропитание и кров, утверждая свое право на лучшую долю добычи, на имущество и челядь побежденных родов-соперников, обладая сокровищами, предметами роскоши, дорогими одеждами и оружием, раздавая дары за поддержку и лояльность знатным людям племени и за верность формирующейся дружине (служилой знати), устраивая для нее богатые и обильные пиры, славянские вожди-князья использовали для упрочения своей власти и институт рабства, и услуги потерявших связи с родиной пришельцев.

¹ Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1983.

² Иванова О. В., Литаврин Г. Г. Славяне и Византия.— В кн.: Раннефеодальные государства на Балканах (VI—XII вв.). М., 1985.

³ Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979, с. 119.

⁴ Popović V. Note sur l'habitat paleoslave.— In: Lemerle P. Les plus anciens recueils des miracles de Saint Démétrius. Р., 1981, II. Commentaire, p. 238.

⁵ ГИБИ, т. II, с. 126.

⁶ Lemerle P. Les plus anciens recueils des miracles de Saint Démétrius. Р., 1979, I. Le texte, p. 237. 3–12.

⁷ Kurnatowska Z. Structure sociale des Sclavènes à la lumière d'une analyse de l'habitat.— Balkanoslavica, 1979, t. 1, p. 87–96.

⁸ ГИБИ, т. II, с. 282.

⁹ Там же, с. 281–282.

¹⁰ Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. М., 1977, с. 17–18.

¹¹ Patrologia graeca/Ed. J.-P. Migne. Р., 1864, t. CXXVI, col. 217 D.

¹² Литаврин Г. Г. Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960, с. 64.

¹³ Брайчевский М. Ю. Славяне в Подунавье и на Балканах в VI–VIII вв. (по данным письменных источников).— В кн.: Славяне на Днестре..., с. 231.

¹⁴ ГИБИ, т. II, с. 126–127.

¹⁵ Корнелий Тацит. Соч. В 2-х т. Л., 1970, т. 1. Анналы. Малые произведения, с. 360, 364.

¹⁶ Брайчевский М. Ю. Славяне в Подунавье..., с. 232–234.

¹⁷ ГИБИ, т. II, с. 283–288.

¹⁸ Там же, с. 281.

- ¹⁹ Там же, с. 286.
- ²⁰ Эклога: Византийский законодательный свод VIII в. Вступит. статья, пер., коммент. Е. Э. Липшиц. М., 1963, с. 173.
- ²¹ ГИБИ, т. II, с. 285–286.
- ²² Винокур И. С. Черняховские племена на Днестре и Дунае.— В кн.: Славяне на Днестре..., с. 133; Брайчевский М. Ю. Славяне..., с. 47–48; Баран В. Д. Сложение славянской раннесредневековой культуры и проблема расселения славян.— В кн.: Славяне на Днепре..., с. 45; Приходнюк О. М. К вопросу о присутствии антов в Карпато-Дунайских землях.— Там же, с. 186–191.
- ²³ Византийский земледельческий закон/Текст, исследование, коммент. подготовили Е. Э. Липшиц, И. П. Медведев, Е. К. Пиотровская. Под ред. И. П. Медведева. Л., 1984, с. 98, 100–103 и др.
- ²⁴ Брайчевский М. Ю. Славяне..., с. 238.
- ²⁵ ГИБИ, т. II, с. 125.
- ²⁶ Там же, с. 282.
- ²⁷ Там же, с. 123–127.
- ²⁸ Lemerle P. Les plus anciens recueils..., I, p. 218. 22–27.
- ²⁹ ГИБИ, т. II, с. 232.
- ³⁰ Там же, с. 231–232.
- ³¹ Там же, с. 125.
- ³² Там же, с. 235.
- ³³ Там же, с. 128.
- ³⁴ ГИБИ, т. II, с. 125.
- ³⁵ Lemerle P. Les plus anciens recueils..., I, p. 213.
- ³⁶ Ганев В. Законъ соудный людъмъ. С., 1959, с. 163, 225 и др.
- ³⁷ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio/Ed. Gy. Moravcsik, R. J. H. Jenkins. Budapest, 1949, p. 126. 75–79.
- ³⁸ ГИБИ, т. II, с. 235.
- ³⁹ Там же, с. 130–131.
- ⁴⁰ Там же, с. 125–127.

П. Петров

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОЮЗЫ БОЛГАРСКИХ СЛАВЯН В VII в.¹

С конца V и в течение VI в. византийские земли к югу от Дуная подвергались почти непрекращающимся нападениям со стороны отдельных славянских племен. В этих набегах участвовали преимущественно южные славяне (славины, склавины), а также часть восточных славян (анты). В VII в. славяне окончательно поселились на Балканском полуострове и стали его постоянными жителями. Основную массу славян, заселивших земли к югу от Дуная, составляли так называемые дакийские славины, а в восточной части полуострова, вероятно, поселилась и часть антов, однако число их не было значительным: после поражения от аваров в 602 г. они отошли из областей, прилегавших к Чёрному морю и дельте Дуная, к северу, и имя их исчезло из сочинений византийских авторов. На Балканском полуострове поселились и паннонские славины, занявшие его северо-западные и западные области¹.

Группа болгарских славян. Еще в тот период, когда они зани-

мали земли к северу от Дуная, между дакийскими и паннонскими славинами начали формироваться определенные различия. Это было обусловлено прежде всего их неодинаковой политической судьбой. Дакийские славины были независимыми и имели свое политическое объединение, в котором союз между отдельными племенами, особенно в период войн с Византией, усиливаясь, родственные связи между аристократией укреплялись, особенности отдельных диалектов слагивались. Поэтому на Балканский полуостров дакийские славины пришли более организованными и обособленными по сравнению с паннонскими славинами, которые несколько десятилетий находились в зависимости от аваров, и вышеуказанные процессы у них развивались поэтому значительно медленнее².

На Балканском полуострове различия между дакийскими и паннонскими славинами увеличивались и углублялись. Как уже было сказано, дакийские славины и часть автов поселились в восточной и южной частях полуострова. Здесь же обосновалась и часть паннонских славинов. Все они составляли группу болгарских, или юго-восточных славян, из которой вместе с протоболгарами и сохранившимся балканским населением со временем образовалась болгарская народность. Основная масса паннонских славинов поселилась в северо-западной части Балканского полуострова — со временем они составили сербскую, хорватскую и словенскую народности. Граница между двумя группами славян на Балканском полуострове начиналась от р. Сава, к западу от Белграда, на юге доходила до Шар Планины, затем поворачивала на запад и выходила к Адриатическому морю севернее Драча. К востоку и югу от этой линии поселились болгарские (юго-восточные) славяне, а к западу — сербскохорватские. Наиболее яркие различия между двумя группами составляют различия языкового происхождения: в области морфологии, синтаксиса и особенно фонетики. Так, например, из всех славянских языков только в болгарском существуют звуки Щ и ЖД — в сербскохорватском им соответствуют Ч (Ћ) и ДЖ (Ђ). По сравнению с сербскохорватским языком в болгарском имеются различия между звуками Ђ, Ѓ, Ъ, Ы и др. Вместе с этим в лексике болгарского языка существуют некоторые греческие заимствования, которые в древнеболгарских памятниках были восприняты не в их литературной, а в народной форме, что объясняется тем обстоятельством, что только болгарские славяне находились в непосредственном контакте с греческим населением³.

Свидетельства византийских авторов о расположении отдельных славянских племен болгарской группы скучны и неполны. Они обычно относятся к районам и событиям, связанным с военными действиями против империи. При этом многие из этих известий относятся к более позднему времени, что не позволяет с уверенностью утверждать, каким было первоначальное место поселения того или иного племени. Однако несомненно, что расселение славян не было равномерным. В причерноморских об-

ластих, а также в крупных городских центрах и их окрестностях, над которыми Византия сохранила свой контроль, первоначально славянских поселений не было. В других районах расселение их зависело в большой степени от плотности местных жителей.

В областях, расположенных к северу от Старой Планины, жили *северы* и *семь славянских племен*. Северы занимали проходы в восточной части Старой Планины, а семь славянских племен — обширные территории по обоим берегам Дуная, вплоть до владений аваров. Источники упоминают племена *тимочан*, *браничевцев*, *мораван* и *ободритов*. Судя по всему, некоторые из этих племен входили в состав семи славянских племен⁴.

Наибольшее число известий имеется о славянах вокруг Солуни. В связи с несколькими осадами города указывались племена: *ринхины* — в долине р. Ринхинион; *сагудаты* — на западе от города вплоть до Бера; *драгувиты* — в районе между Солунью и Бером; *велегезиты* — около Фив и Димитриады в Фессалии; *ваюниты* — в Южной Албании и Эпире; *верзиты* — в районе Охрида и Битоля; *струмляне* — в долине р. Струмы; *смоляне* — в Западных Родопах, в долине р. Месты, в районе Сер. На Пелопоннесе обитали *милинги* и *эзериты*. О славянском населении во Фракии и на черноморском побережье говорится в одной из надписей Омуртага. Археологические исследования также свидетельствуют о расселении славян на более обширной территории, чем указывают письменные источники⁵.

Общественно-политическое развитие в VII в. Исторические источники второй половины VI в. указывают имена некоторых славянских князей: Даврентий, Ардагаст, Пирогаст, Мусокий. Они стояли во главе славянских племен во время все более нарастающих и масштабных нападений во второй половине VI в. Организация столь многочисленного войска и таких крупных военных акций могла быть по силам только большому племенному союзу.

Анализ политической обстановки в Юго-Восточной Европе в VI в., особенно рассмотрение событий, связанных с противоборством славян с Византией, показывают, что в этот период и главным образом после 551 г. на территории к северу от Дуная существовал крепкий и прочный военно-политический союз. На северо-западе, в Карпатах, он граничил с аварами, на юге, по Дунаю, — с византийцами, а на северо-востоке в различные периоды его соседями были протоболгары и анты. Это и была та «Славиния» (*Σλαυγία*), которую упоминает Феофилакт Симокатта в связи с походом византийского войска за Дунай в 602 г.⁶

После расселения на Балканском полуострове имущественное расслоение у славян еще больше углубилось. В руки славянской военно-племенной знати перешли обширные наделы земли, захваченные у византийской аристократии. Имущественное неравенство VI в., основанное на владении скотом и драгоценностями, теперь перерастало в неравенство, происшедшее из обладания

землей. Славянская военно-племенная аристократия превратилась в класс землевладельцев, который уже испытывал потребность в использовании чужого труда, присвоении чужих благ, чтобы увеличивать свои богатства. Теперь имущественные и классовые различия в славянском обществе имели в своей основе землевладение, и на этом базировалось главное противоречие в феодальном обществе. В целом классовые противоречия в славянском обществе становились более острыми и более антагонистическими⁷.

Во время заселения Балканского полуострова старые родовые связи в славянских племенах окончательно распались. Вместе с местным населением, которое они здесь застали, славяне были организованы в территориальные общины, в которых обрабатываемая земля становилась собственностью отдельных семей, т. е. она могла приобретаться: ее можно было покупать и продавать, наследовать и дарить. Шел процесс расслоения внутри общины, появлялись бедные и богатые, зажиточные, средние и неимущие. Создавались условия для возникновения экономической зависимости. На практике это означало возникновение эксплуатации и притеснения в славянском обществе. Для сохранения и поддержания этих отношений господствующая аристократия нуждалась в соответствующей политической организации.

Рассматриваемый процесс протекал после расселения славян на Балканском полуострове, когда исчез постоянный источник, приносивший несметные богатства. Прибыль и богатства теперь можно было приобретать, только или обрабатывая землю, или присваивая часть урожая местного населения и славян-общинников. Главной проблемой, встававшей перед славянской аристократией при обработке земли, были поиски источников рабочих рук. В то время, когда рабовладельческие отношения были изжиты в самой Византии, а войны с империей не приносили успеха, снабжение военнопленными и использование рабского труда оказались невозможными. Славянской аристократии не оставалось ничего другого, как поставить в зависимость от себя местное население, и она все больше обращала свой взгляд на него. И чем сильнее был процесс обезземеливания в общинах, тем большей была поляризация в них, тем лучше становились возможности для привлечения неимущих и малоимущих к работе на землях аристократии. Так формировались отношения, для утверждения которых создание государственной организации стало особенно необходимым⁸.

Предпосылки для создания государства, однако, были еще не достаточными. Процесс расслоения в общинах протекал медленно, так что подчинение крестьян не могло дать аристократии необходимые рабочие руки. Необходимо было посягнуть на общины в целом, чтобы поставить их под опеку господ и заставить отдавать часть своих доходов в форме дани (ренты) своим господам. Для этого, однако, была необходима сильная власть и создание государственного аппарата⁹.

Государственная организация была нужна славянской аристократии и для урегулирования отношений с местным населением. Славяне поселились на территории, на которой в течение длительного времени существовала государственная организация. Действительно, поселившись на полуострове, славяне разрушили рабовладельческие отношения, однако они не уничтожили полностью местного устройства, не создали анархии, а заимствовали некоторые формы управления, которые давали им возможность держать в подчинении местное население. Хорошо понял этот момент летописец Михаил Сирийский, который ясно отмечает, что местное население было обложено данью¹⁰.

Чтобы поддерживать отношения подчинения, установившиеся между славянской аристократией и местным населением, необходимо было создать государственный аппарат. Новую государственную организацию, однако, необходимо отличать от старой, которая была разрушена славянами. Нужно было создать теперь нечто новое, что включило бы в себя принесенную ими племенную организацию и некоторые формы, заимствованные у местного населения. Но раз началось создание государственной организации с ее сложным аппаратом управления и принуждения, то она неизбежно должна была охватить наряду с местным населением и славян. Нельзя было, чтобы одни общины платили дань, а другие пользовались бы полной свободой¹¹.

Государственная организация была нужна не только для защиты классовых интересов славянской аристократии. В значительной степени она была необходима и всему славянскому обществу для защиты своих земель от Византии, которая перешла в наступление. И чем сильнее становилась угроза восстановления византийского владычества, тем больше возрастала необходимость, а одновременно и возможности создания государственной организации. Первыми шагами в этом отношении были издавна существовавшие, непрестанно крепнущие и развивающиеся военно-племенные союзы¹².

Наличие крепкой племенной организации у болгарских славян в VII в. является бесспорным фактом. Эта организация, однако, отличалась от той организации, которая у них была, когда они жили к северу от Дуная, и с которой пришли на Балканский полуостров. В VI в. война была постоянным занятием, и все способные носить оружие мужчины входили в военные дружины, т. е. представляли собой вооруженный народ. После поселения на полуострове военная организация не могла быть сохранена, так как была экономически невыгодна. Новые условия породили и новые формы организации¹³.

Там, где надо было завоевывать себе новые территории, в военные дружины входили все мужчины. Так было во время осады Солуни в начале VII в.— славяне привели с собой жен и детей, принесли и всю свою утварь, так как собирались поселиться в городе после его захвата¹⁴. За оружие должны были браться все мужчины и в то время, когда имуществу и землям

славян угрожала опасность византийского нашествия. В осталльное время необходимо было иметь постоянные военные дружины, которые охраняли мирный труд огромного множества славян-общинников. Военные дружины могли существовать только, если их содержали занятые мирным трудом славяне. Опыт взимания с местных жителей даны показал, что так следовало бы поступить и со славянским населением. Так был создан новый тип военной организации, находящейся на содержании у народа, но подчиненной военно-племенной аристократии.

Создание новой военной организации как ударной силы славянских объединений на Балканском полуострове произошло прежде всего там, где опасность со стороны Византии была наибольшей, т. е. в Подунавье и в Македонии (около Солуни). Так, благодаря своему внутреннему общественно-экономическому развитию, а также конкретным условиям Балканского полуострова, болгарские славяне пошли по пути создания своей государственной организации. Этот путь вел через военно-племенные союзы.

Военно-племенной союз в Подунавье. В землях, расположенных к северу от Старой Планины, еще в VII в. был создан племенной союз, который несколько десятилетий вел упорную борьбу против попыток Византии восстановить свою власть в Мизии. Именно этот союз, в который входили семь славянских племен, позже вместе с протоболгарами принял участие в создании болгарского государства.

Когда речь идет о славянских племенах между Дунаем и Старой Планиной в VII в., необходимо учитывать особое положение здешних земель. Мизия занимала исключительно важное стратегическое положение в борьбе между славянами и Византией. Она была тем живым мостом, который связывал славян к югу от Старой Планины с их соплеменниками на севере от Дуная. Пока Византия не утвердила прочно в землях между Старой Планиной и Дунаем, с севера всегда могли прибывать новые массы славян и угрожать господству империи на полуострове.

Мизия была естественными рубежами защищена с юга, ведь движение через проходы Старой Планины всегда таило в себе большие опасности и неожиданности. Наиболее уязвимой она была на востоке — со стороны Черного моря и Добруджи. И именно здесь Византия сделала все возможное, чтобы восстановить, удержать и укрепить свою власть. Таким образом империя обеспечивала себе доступ для проникновения с помощью флота вверх по Дунаю и необходимые способы прервать связи между славянами на двух берегах реки. Славянские земли в Мизии могли подвергнуться нападению с суши, так что не надо было проходить через опасные старопланинские перевалы. Владение Добруджей превращало эти территории для Византии в трамплин и исходную базу для нападений на славянские племена в Мизии. И наоборот, потеря Добруджи вела и к потере Мизии, а это означало перенесение войны на юг от Старой Планины и непосредственную угрозу Фракии. Поэтому еще в середине

VII в. Византия направила свои военные усилия на север и смогла восстановить свою власть над многими из утраченных ранее территорий. Феофан Исповедник (IX в.) прямо указывает, что в руках империи находилась целиком та область, которая позже была занята протоболгарами, т. е. земли между Нижним Дунаем, Черным морем, восточной частью Старой Планины и к западу до Шуменской возвышенности¹⁵. Достоверность этих сведений подтверждается и археологическими исследованиями. Вдоль черноморского побережья, в Центральной и Северной Добрудже до сих пор не открыто славянских поселений VII в. Такие поселения есть только вдоль Дуная и на юге от района Девни и Шумена¹⁶. Хотя данные эти неполны и можно ожидать, что будущие раскопки пролют больше света на этот вопрос, несомненно, что тут власть Византии оказалась гораздо более стабильной и что славянское расселение не было столь массовым. Естественно, что эти славяне были подчинены Византии и не могли поэтому участвовать вместе с остальными славянскими племенами в общей политической жизни и борьбе против империи.

Восстановление византийской власти над северо-восточной частью Балканского полуострова серьезно угрожало славянским племенам как в Мизии, так и на землях к северу от Дуная. Кроме того, Византия владела центральной частью Балканского полуострова и угрожала славянским племенам в Мизии с юга, на всем протяжении Старой Планины вплоть до Тимока. Поэтому для отпора империи необходимо было сплотить славянские племена, еще не покоренные Византией, т. е. племена между Дунаем и Старой Планиной, а также к северу от реки.

Сведения о созданном в Подунавье объединении скучны. Они содержатся в рассказах хронистов Феофана и Никифора (IX в.), которые говорят о славянах лишь постольку, поскольку те входили в определенные отношения с протоболгарами и участвовали в их борьбе против Византии. Ограниченнность источников привела к различным представлениям о размерах, характере и местоположении славянского племенного союза.

Описывая расселение протоболгар на Балканском полуострове, византийские хронисты сообщают, что те установили отношения с окрестными славянскими племенами. Феофан упоминает о семи славянских племенах и о северах, а Никифор говорит о славянских племенах вообще, не определяя их числа.

В исторической литературе существует много противоречивых представлений о месте проживания названных славянских племен. Обычно считают, что племя северов находилось в Добрудже, а остальные семь славянских племен населяли Мизию до Искыра или до Тимока¹⁷. Это мнение строится на неточном толковании сведений Феофана и Никифора об отношениях между протоболгарами и славянами. Феофан сообщает, что когда протоболгары пришли на Балканский полуостров и осели на отнятой у византийцев территории между Дунаем, Черным морем и Стаг-

рой Планиной, они «поселили северов от передней клисуры Веригава к востоку, а на юг и запад до Аварии — остальные семь племен». Никифор также отмечает, что протоболгары «велели одним охранять земли, которые граничат с аварами, а другим — земли, соседящие с ромеями»¹⁸.

Феофан категоричен в том, что семь славянских племен не были подвластны Византии и не находились на подвластных ей территориях в северо-восточной части Балканского полуострова. Когда протоболгары завоевали эту область, славяне, несомненно находившиеся там, подпали под их власть, за исключением северов, которые добились статуса самостоятельной Славинии. Поэтому эти семь славянских племен, определяемые как «окрестные славянские племена», должны были устанавливать свои отношения с протоболгарами как равные с равными.

В исторической литературе идут споры и о том, сколько было славянских племен, участвовавших в военно-племенном объединении и образовавших позже с протоболгарами общее государство. Одна часть ученых считает, что славянских племен было семь и что племя северов — одно из них¹⁹. Другие утверждают, что племен было восемь — семь племен и северы²⁰. Высказаны и другие мнения: что племен было много, так как число «семь» — библейское и не употреблялось в буквальном смысле, но — в значении «много»²¹, что племен было два — северы и «семь родов», т. е. семь славянских племен объединены в одно племя с общим именем «Семь родов», «Семь колен»²². Однако текст Феофана категорически говорит в пользу утверждения, что племен было восемь: племя северов охраняло территории от прохода Веригава в Старой Планине на восток, а остальные семь славянских племен — общую южную границу по Старой Планине до аваров на запад.

До сих пор племенной союз семи племен обычно в исторической литературе локализовали только в Мизии. Однако в источниках ясно говорится, что его южными соседями были византийцы, а на западе и северо-западе — авары. Поэтому логично допустить, что речь идет о славянском племенном объединении в Подунавье, являющемся продолжением племенного союза в Дакии в VI в., и что оно простипалось по обе стороны от Дуная, от Старой Планины до Карпат. Может быть, в число этих семи входили и некоторые из племен тимочан, мораван, браничевцев и ободритов, не названных поименно Феофаном и Никифором. Высказано мнение, что около середины VII в. в Мизии возникла самостоятельная славянская держава. Однако это мнение не находится никакой серьезной опоры в источниках²³.

Племенное объединение в Подунавье описывается как союз семи славянских племен в Мизии и Дакии, созданный в борьбе против Византии и аваров. Однаковая бытовая культура славянского населения по обе стороны Дуная в VII в. определила и его территориальный охват — от Карпат до Старой Планины. Но одновременно это объединение создалось при довольно различных

общественно-экономических отношениях: поскольку славяне в Мизии смешались с местным населением и заимствовали многое из тамошней материальной и духовной культуры, а также форм управления и общественных отношений, в то время как положение к северу от Дуная было совершенно иным. Следовательно, отсутствовала общая экономическая основа. Главным было отражение внешней опасности, ради чего на первый план в объединении выступали политические связи. Потому и преувеличено и неприемлемо мнение о перерастании племенного союза в государство, что главной функцией этого объединения все еще оставалась защита от внешнего нападения своей территории, а не задача держать в подчинении массу населения.

По всему видно, что при таком союзе каждое славянское племя в значительной степени сохранило свою самостоятельность, управлялось собственным князем, а занимаемая им территория образовывала отдельное княжество, известное под именем Славиния. Союз именно этих Славиний, порожденный общей опасностью со стороны византийцев и аваров, постепенно шел к образованию государственной организации. Этот процесс совпал с приходом протоболгар на земли к югу от Дуная и образованием общего государства.

Военно-племенной союз в Подунавье вошел как целое в новообразованное государство. Это дает возможность с одной стороны определить его границы, а с другой — положение славянских племен в государстве. Ряд свидетельств показывает, что болгарское государство было создано как союз Болгарии (территория протоболгар) и Славинии (территории отдельных славянских племен). Например, Феофан пишет, что в 688 г. Юстиний II нарушил мир, который его отец заключил несколькими годами раньше, и начал захватывать «болгар и Славинии» (*τούς τε Βολλύρδους καὶ τὰς Σλαβίνιας*). Очевидно, здесь под Славиниями подразумеваются отдельные славянские области в болгарском государстве, которые в значительной степени сохранили самоуправление. Другое сведение Феофана от середины VIII в. показывает, что в болгарском государстве еще были Славинии. Так, например, во главе такой Славинии стоял славянский князь Славун, против которого был предпринят специальный поход в 60-х годах VIII в. О Славинии в болгарском государстве упоминают и в начале IX в.: в 811 г. хан Крум набрал войска и с «окрестных Славиний» для борьбы против византийцев. Название «Славинии» исчезло только в 20-е годы IX в., когда в Болгарии была проведена административная реформа: страна была разделена на комитаты²⁴.

Военно-племенной союз около Солуни. После 602 г. славяне начали массовое заселение Балканского полуострова. В 613—615 гг., согласно Исидору Севильскому, славяне отняли у ромеев Грецию, т. е. европейские владения империи. Согласно Георгию Писиде, еще в первой четверти VII в. они начали бороздить

Эгейское море²⁵. Именно тогда их взоры обратились к Солуни — второму по величине городу империи.

Первые сведения о наличии союза относятся к 614—615 гг., когда «бесчисленное множество, составленное из драговитов, сагудатов, велегезитов, ваюнитов, верзитов и других племен» совершили опустошительные набеги по суше и по морю в Фессалию, Эпир, Ахайю и острова Эгейского моря. Тогда, в 616 г., они «бесчисленным множеством» окружили город со всех сторон, «привели с собой и челядь с домочадцами и думали, когда возьмут город, поселиться там». Как мы видим, это уже были славянские племена, которые жили на территории Византии и намеревались поселиться в одном из крупнейших ее городов. Что до их числа, то в источниках говорится об огромном, бесчисленном количестве: одна часть нападала с моря и блокировала гавань, другие штурмовали крепостные стены со всех сторон, и стрелы их, как «градоносное облако затмило солнечные лучи». Но из-за бури атака со стороны моря провалилась, а на суше византийцам удалось схватить и убить славянского князя Хацона²⁶.

Двумя годами позже славяне предприняли новую осаду Солуни. В этот раз они были уверены, что возьмут город, так как в их руках находились все окрестные города и области. А чтобы чувствовать себя еще увереннее, они позвали на помощь аваров. И теперь в нападении участвовало множество племен — в источниках говорится, что они обложили город, как зимняя выюга, так что со всех сторон были видны только их головы. «Даже земля не могла выдержать такого множества нападавших, и воды водопроводов, окрестных рек и колодцев не хватало, чтобы напоить их и их животных». Далее, описывая различные боевые сооружения славян, а среди них и огромную башню, анонимный автор сообщает, что осада продолжалась 33 дня и в конце концов нападавшие отступили после того, как получили богатый выкуп²⁷.

Последняя, самая большая и продолжительная битва за Солунь была дана славянскими племенами в 70-х годах VII в. По времени она совпадала с осадой Царьграда арабами, начавшейся весной 674 г.

В 70-х годах VII в. во главе славянских племен около Солуни стоял Пребунд. В 675 г., чтобы предотвратить новую акцию славян против города, Византийские власти схватили Пребунда, заковали его в цепи и отправили в Царьград. Делегация от славянских племен, среди которых были ринхины и стримонцы, отправилась в византийскую столицу просить об освобождении задержанного князя. Им было отвечено, что он был задержан в качестве заложника до конца войны, чтобы обеспечить нейтралитет его соотечественников. Это временно успокоило «всех славян», значит, планировавшиеся действия против Солуни были не личной инициативой Пребунда, а решением нескольких племен.

Князь Пребунд бежал из Царьграда, и этот его поступок вызвал страшную панику в городе. А когда его все же поймали, он на заданный ему вопрос ответил, что если он вернется в свою

землю, то «соберет все соседние с ним племена» и будет воевать вплоть до уничтожения христиан. Когда стало известно, что он намерен подвигнуть славянские племена на борьбу с Византией, император приказал покарать его смертью. Это со своей стороны вызвало нападение племен ринхинов, стримонцев и сагудатов против Солуни. Так началась очередная осада Солуни, продолжавшаяся па море и на суше больше двух лет (675—677).

Во время этой двухлетней борьбы славяне действовали согласованно: стримонцы нападали на восточные и северные окрестности города, а ринхины и сагудаты — на западные и прибрежные. Город остался без еды, а многие из жителей его покинули. В связи с этой осадой сообщается одна интересная подробность: названные славянские племена не собирались в одно место и не держали поблизости от города всех этих беглецов и плеников, а посылали их «внутрь славянского народа», т. е. поддерживали с другими близкими и более дальными соплеменниками политические и прочие связи.

В источнике сообщается еще одна интересная подробность. Пришедшие заранее в Солунь славяне явно замышляли предательство, т. е. славяне намеревались взять город двойным ударом — извне и изнутри. Этот план удивительно похож на план, который десятью годами позже пробовали осуществить также против Солуни протоболгары Кувера и Мавра.

В 677 г. славяне плотно обложили сам город. В осаду включилось и племя драгувитов. Самый штурм крепостной стены был предпринят 25 июля 677 г. Атака началась одновременно с суши и с моря. Из всего следует, что в нападении приняли участие и некоторые другие славянские племена, так как анонимный автор называет славян от Стремона, целое племя ринхинов и «другие около него, как и остальные варварские племена вместе с сагудатами». Даже по отношению к велегезитам, которые сохраняли мир и были готовы продавать солунянам продовольствие, существовали опасения, что они намеревались перебить отправленных к ним византийцев. Солунь явно находилась во враждебной среде, и отношения между окрестными славянскими племенами и империей были крайне натянутыми.

Штурм начался одновременно с суши и с моря. Славянских бойцов было так много, что и в этот раз в источнике сказано, что «бесчисленное множество стрел, как некое буреносное и дождевое облако, заполнило воздух и вызвало ночную тьму вместо света». Действия отдельных племен направлялись их князьями, «племенными вождями».

Хотя штурм Солуни не удался, славяне не прекратили борьбы. Совершая набеги и внезапные нападения, они захватывали пленных, морские суда и создавали трудности в снабжении едой. Правда, часть славянских племен сохраняла или делала вид, что сохраняет, мирные отношения, но другие, как стримонцы и ринхины, продолжали нападать на византийцев и с суши, и с моря во второй половине 677 и в течение всего 678 г.

Поворот в византийско-славянских отношениях наступил после 678 г., когда империя освободилась от арабской опасности и решила справиться и со славянами, которые угрожали не только Солуни, но и всей Византии. С этой целью была организована большая военная экспедиция с двух сторон — с юга и запада. В течение всего 679 г. шли ожесточенные сражения в долине Струма, пока Византия не разрушила и не захватила многие из славянских укреплений. Когда сил не хватило, славяне «попросили об оказании всяческой помощи у разных варварских князей». Речь шла о призывае к Куверовым болгарам, которые в том же году пришли на Битольское поле²⁸.

Итак, сведения о трех осадах Солуни свидетельствуют о координировании действий и массовом участии нескольких славянских племен. Все это говорит о существовании одного военно-племенного союза, который в продолжение нескольких десятилетий вел ожесточенную борьбу с сильным противником. И если этот военно-племенной союз не мог перерасти в государство, то причина этого в моцки Византии, которая смогла подчинить себе соседних с Солунью славян. Но даже и под византийским владычеством славяне в значительной степени сохранили свое самоуправление и организованность, что позже облегчило их включение в пределы болгарского государства.

* * *

Константин Багрянородный сообщает, что на Балканский полуостров пришли и осели две этнические группы — «скифы и сами болгары»²⁹. Как уже было объяснено, под первыми подразумеваются Куверовы болгары, а под вторыми — Аспаруховы. Первые пришли на помощь славянским племенам у Солуни, а вторые — славянам Подунавья. Итак, борьба двух самостоятельно возникших военно-племенных союзов славян в VII в. связана с появлением двух групп протоболгар, что в значительной степени решило политическую судьбу Балканского полуострова в следующие века³⁰.

¹ История на България. С., 1981, т. 2, с. 45.

² Там же, с. 46.

³ Мирчев К. Старобългарски език. С., 1972, с. 7 и сл.

⁴ Theophanes. Chronographia/Rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883, т. I, р. 359; Дринов М. Заселение Балканского полуострова славянами.— В кн.: Дрипов М. Избрани съчинения. С., 1971, т. 1, с. 342—343.

⁵ Acta S. Demetrii.— In: Patrologia graeca/Ed. J.-P. Migne. Р., 1864 т. CXVI, р. 162, 173—174, 180. Ср.: Дринов М. Заселение..., с. 351—362; История на България, т. 2, с. 45.

⁶ Theophylactus Simocatta. Historiae/Rec. C. de Boor. Lipsiae, 1887, р. 293.

⁷ История на България, т. 2, с. 56—58.

⁸ Там же, с. 58.

⁹ Там же, с. 58.

¹⁰ Chronique de Michel le Syrien, patriarche jacobite d'Antioche (1166—1196)/Ed. J.-B. Chabot. Р., 1901, т. II, р. 361.

¹¹ История на България, т. 2, с. 58.

- ¹² *Бурмов А.* Създаване на българската държава.— В кн.: *Бурмов А.* Избрани произведения. С., 1968, т. 1, с. 130—131.
- ¹³ История на България, т. 2, с. 59.
- ¹⁴ *Acta S. Demetrii*, р. 162.
- ¹⁵ История на България, т. 2, с. 95.
- ¹⁶ *Въжарова Ж.* Славяни и прабългари по данни на некрополите от VI—IX в. на територията на България. С., 1976, с. 425.
- ¹⁷ *Бурмов А.* Създаване..., с. 133; *Ангелов Д.* Образуване на българската народност. С., 1971, с. 158—159; *Ваклинов С.* Формиране на старобългарската култура. С., 1977, с. 81.
- ¹⁸ *Theophanes. Chronographia*, р. 359; *Nicephori archiepiscopi Constantino-politani Opuscula historica/Rec. C. de Boor.* Lipsiae, 1870, p. 35.
- ¹⁹ *Мутафчиев П.* История на българския народ. С., 1943, т. 1, с. 99, 107; *Войнов М.* За първия допир на Аспаруховите българи със славяните и за датата на основаването на българската държава.— Известия на Института за българска история, 1956, т. 6, с. 453.
- ²⁰ *Шафарик П. Й.* Славянские древности. М., 1848, т. II, ч. 1, с. 573; *Златарски В.* История на българската държава през средните векове. С., 1970, т. 1, ч. 1, с. 142—143; *Бурмов А.* Създаване..., с. 133.
- ²¹ *Дуйчев И.* Обединението на славянските племена в Мизия през VII в.— В кн.: Българско средновековие. С., 1972, с. 70—73.
- ²² *Цанкова-Петкова Г.* Бележки към началния период на българската държава.— Известия на Института..., 1954, т. 5, с. 321—328.
- ²³ *Никитин С. А.* Образуване на българския народ и възникване на българската държава.— Исторически преглед, 1953, кн. 1, с. 66—70.
- ²⁴ *Theophanes. Chronographia*, р. 364, 436; *Narratio anonyma e Codice Vaticano.*— ГИБИ, т. IV, с. 13.
- ²⁵ *Isidori episcopi Hispanensis Historia Gothorum, Wandalorum, Sueborum.*— In: *MGH Auctores antiquissimi.* B., 1893, т. XI, fasc. 1, p. 337, 479; *Giorgius Pisida. Expeditio Persica: Bellum Avaricum.* Heraclias/Rec. I. Bekkeri. Bonnae, 1892, т. II, p. 66—97.
- ²⁶ *Acta S. Demetrii*, р. 162—165.
- ²⁷ *Acta S. Demetrii*, р. 166—171.
- ²⁸ *Acta S. Demetrii*, р. 173—175.
- ²⁹ *Constantinus Porphyrogenitus. De thematibus/Ed. A. Pertusi.* Città del Vaticano, 1952, р. 80.
- ³⁰ Подробнее обо всех рассмотренных в статье вопросах см.: *Петров П.* Образуване на българската държава. С., 1981, с. 59—66, 81—90, 180—186, 225—240.

О. В. Иванова

**ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
СЛАВЯНСКОГО ОБЩЕСТВА
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮЖНОЙ ЧАСТЯХ
БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА
В VII—VIII вв.**

Слабая изученность проблемы становления раннефеодальных отношений, конкретных форм и этапов развития политических объединений протогосударственного типа славянского общества на Балканах обусловлена почти полным отсутствием прямых свидетельств источников об его социально-экономической и политической структуре в первые века после переселения славян на

Балканский полуостров. Исследования этих важнейших вопросов представляют собой преимущественно логические построения, основанные на косвенных данных византийских и западных авторов с привлечением сравнительно-исторического материала. Задачей данной работы является как попытка рассмотреть с максимально возможной конкретностью свидетельства источников (преимущественно — «Чудес св. Димитрия»), содержащие информацию об общественно-политическом развитии славянского общества в Македонии и Греции, так и трактовка с точки зрения этой проблемы хорошо известного фактического материала. Историю славянских народов этого региона, испытавших на себе наибольшее культурное и политическое воздействие Византии, нельзя рассматривать в отрыве от проблемы их связей с империей, оказавших, несомненно, воздействие на динамику и специфику процессов формирования и развития политических объединений славян.

Расселившиеся в конце VI — начале VII в. на территории Македонии и Греции славянские племена составили в VII в. организованные по территориальному признаку политические общности, получившие в византийских источниках название «славиний»¹. Сохранение некоторыми славянскими народами своих самоназваний (другувиты, сагудаты, велегезиты, вайюниты и др.) в местах новых поселений позволяет предполагать, что переселение на Балканы проходило отчасти целыми союзами племен, сформировавшимися еще на левобережье Дуная, либо же они создавались на местах из различных групп славян, получая названия от топонимов и гидронимов, особенностей местности и т. д. Население каждой из этих славиний воспринималось автором «Чудес св. Димитрия» как один «этнос» («этнос другувитов», «этнос ринхинов», «этнос велегезитов» — L., I, р. 214, 12, § 254; 19, 28, § 255²), отличавшийся не только принадлежностью к данному политическому объединению, но, возможно, и какими-то чертами быта и обычая. Судить о внутренней структуре каждого из этих народов можно лишь предположительно. Употребление термина «этнос» во множественном числе (например, встречающееся в главе о Кувере выражение «этносы другувитов» — L., I, р. 229, 11, § 289), возможно, содержит указание на деление каждого народа на меньшие общественные единицы, т. е. племена. Источник упоминает и «фамилии» (...φαμιλίας — L., I, р. 220, 27, § 279) славян, представлявшие собой, как можно судить, большие или малые семьи и являвшиеся основными хозяйственными единицами общин. Термин γενεά (род) (L., I, р. 175, 17, § 179), судя по контексту, относится лишь к семьям славянских архонтов, включавших, видимо, многочисленную челядь³.

Каждая славиния имела своего «рекса», которого, видимо, правомерно уподоблять князю: рексом в «Чудесах св. Димитрия» последовательно назван вождь ринхинов Первуд, есть рексы другувитов и других народов. «Архонты» и «игумены» (упоминаемые всегда во множественном числе), видимо, составляли выс-

ший социальный слой союза племен. Архонты участвовали в сражениях, руководили подготовкой к осаде, имели в своем распоряжении воинов и ремесленников. Сложность структуры славянского войска, организация крупных кампаний, какими были осады Фессалоники, предполагали обеспечение четкого и слаженного командования, которое осуществлялось архонтами. Рекс же апонимным автором «Чудес» явно поставлен над архонтами. Это видно, например, из эпизода со славянским мастером-изобретателем: разрешение на строительство машины он просил у «самого рекса», а уже затем работами руководили архонты (L., I, р. 218. 29, § 271). Рексы-князья решали вопросы войны и мира: князья другувитов «решили единодушно», как говорится в источнике, выступить против города; стримонцы, узнав о наступлении византийского войска, просили помочь у рексов других народов, а Первуд, находясь заложником в Константинополе, грозил императору, что не только сам выступит против византийцев, но и объединит все соседние племена. Таким образом, высшая власть в союзе племен припадлежала князю (рексу), имевшему в своем подчинении архонтов, среди которых, возможно, существовала градация. Необходимо отметить, что в «Чудесах св. Димитрия» на первый план выступают архонты-военачальники и нет указаний на то, что они одновременно были и главами племен, находящихся под суверенитетом князя. Их скорее следует усматривать в «народных вождях» (*τῶν ἐθνῶν ἡγούμενων*), перед которыми простые славяне стремились проявить свое усердие (L., I, р. 218. 22–27, § 271). Рекс же, видимо, был не только военным предводителем, но и главой славянской аристократии, представители которой («избранные» (*ἐχλεκτῶν*) из славян, как говорит автор) составили посольство к императору ходатайством об освобождении Первуда. Первуд бывал в Фессалонике (где и был арестован по доносу эпархá), имел, видимо, знакомых среди знати города, знал греческий язык. Можно полагать, что он был представителем правящего рода, т. е., иными словами, княжеская власть в VII в. у некоторых славянских племен была наследственной⁴. Авторитет Первуда был так велик, что император надеялся его арестом обезопасить Фессалонику от нападения, а императорский переводчик рисковал своим высоким положением и богатством для его спасения.

Степень политической консолидации, однако, не была одинаковой во всех славиниях: у другувитов было несколько рексов, решавших все вопросы сообща. Нет никаких данных о сохранении у славян всеобщего народного собрания как верховного органа власти. Напротив, создается впечатление, что его функции в решении некоторых важнейших вопросов жизни славинии перешли к князю или совету князей. В мирные же периоды каждое племя, вероятно, жило относительно самостоятельной жизнью, сохранив автономию внутри славинии: Первуд грозил императору «собрать (*συναθροίσειν*) все ближайшие ему племена» (L., I, р. 211. 9, § 240).

В период оборонительных войн или крупных кампий основную военную силу славянами составляло народное ополчение простых общинников, имеющее свою постоянную внутреннюю структуру в пределах одной или нескольких общин, наличие которой позволяло проводить быструю мобилизацию (жители Фессалоники, узнав о нападении славян, не успели даже запастись продовольствием) огромного войска, разделенного на отдельные отряды по видам вооружения (лучники, пращники, копьеносцы, легковооруженные воины, моряки и пр.). Особую категорию в славянском войске составляли гоплиты — тяжеловооруженные воины. Упоминаются «выдающиеся» (*ἐξέχοντες*), «отборные» и «опытные в сражениях» воины (*ἐπιλέκτοις*, *ἐμπειροπόλεστοις*), составлявшие, по выражению автора, «цвет всего славянского народа» (L., I, р. 126. 18, § 107, 28, § 108; р. 220. 24, § 279). Возможно, речь здесь идет не о простых земледельцах, а о воинах, находящихся на постоянной военной службе и оторванных от ведения хозяйства. Они, конечно, обладали и лучшим вооружением и опытом в сражениях, участвовали в нападениях на византийские земли, морском разбое, занимали наиболее ответственные участки обороны, защищая свои земли (автор говорит о том, что в вассалах, устроенных стримонцами византийскому войску, погибло много «выдающихся» и гоплитов славян). Во время военных походов им доставалась немалая часть добычи, которую они делили между собой (об этом свидетельствует эпизод с пленинием епископа Киприана в «Чудесах св. Димитрия»). Возможно, что они были объединены в дружины, часть из них составляла вооруженную свиту и охрану князя⁵.

Можно ли по имеющимся у нас элементам политической структуры общества определить славянам как высшую (подлинно протогосударственную) форму постоянных военно-политических объединений, называемую в историографии «племенным княжеством»? Для рассматриваемого периода этот вопрос, пожалуй, остается открытым, так как мы не располагаем данными о наличии некоторых важнейших атрибутов политического строя этого типа, в частности, известиями о существовании славянских городов или укрепленных поселений, которые являлись бы опорными пунктами княжеской власти и его резиденцией.

Более высокой ступенью военно-политического объединения славянского общества, видимо, являлось создание союза славянской определенного региона. От периода завоевания Балканского полуострова и первых десятилетий освоения новых территорий есть данные о существовании такого союза, осаждавшего дважды Фессалонику в 10-х годах VII в. Есть основания считать, что к моменту третьей осады города (615 г.) расселение славянских народов в Македонии и Греции в общих чертах было закончено⁶, а следовательно, в объединение вошла большая часть народов, обосновавшихся в этом регионе. В историографии справедливо придают большое значение образованию этого союза, усматривая в нем первую попытку создания «славянской конфедерации»,

центром которой должна была стать Фессалоника в случае ее захвата⁷ (автор «Чудес св. Димитрия» подчеркивает, что город нужен был славянам не только для разграбления, но и для поселения в нем). Однако этот союз принадлежал, видимо, к типу аморфных, неустойчивых военно-политических объединений, характерных и для предшествующего периода. После стабилизации обстановки в регионе он довольно быстро распался, не просуществовав, видимо, и полстолетия, или по крайней мере связи между его членами сильно ослабли.

В 70-х годах VII в. в Южной Македонии доминировали два территориально-политических объединения, во главе которых стояли славяне со Стремона и Ринхина. Согласно существовавшему между двумя объединениями «договору» (σύνταξιν — L., I, р. 215. 14, § 257), они вместе начали войну против Фессалоники, четко оговорив участки блокирования, должны были приходить друг другу на помощь во время опасности: стримонцы, узнав о выступлении против них византийского войска, просили у других рексов «союзную помошь» (βοήθειαν εἰς συμμαχίαν — L., I, р. 220. 19, § 278); стримонцы и ринхины совместно нападали на византийские суда, доходя в морских походах до берегов Малой Азии. Не только во время войн, но и в мирные периоды они, видимо, проводили общую линию в отношениях с империей: за рекса ринхинов Первуда просило и посольство от стримонцев. Обращает на себя внимание и тот факт, что автор «Чудес св. Димитрия» называет их «двумя частями всего славянства» (L., I, р. 209. 10–11, § 232). Это позволяет высказать предположение о выделении в Македонии двух равнозначных союзов племен, ставших центрами объединения соседних народов. Более прочными узами взаимных обязательств были связаны ринхины и сагудаты (всегда упоминаемые вместе в источнике): сагудаты, видимо, входили в военно-политический союз ри́хинов во главе с Первудом, занимая там, возможно, подчиненное положение. Тесная связь этих народов, кстати, подтверждается и легендой Кастамонитского монастыря. Чрезвычайно важным для обоснования такого предположения является рассмотрение вопроса о территориальных охватах этих двух объединений. Что касается стримонцев, то, видимо, надо учитывать следующие факты. Выступив против них, византийское войско прошло Фракию и «земли напротив нее», т. е. области между Струмой и Местой (L., II, р. 126), и здесь в горных тесницах, находящихся, видимо, вблизи Стремона, было встречено славянским войском. Потерпев поражение, славяне бежали вплоть до Литы (находящейся в 12 км к северу от Фессалоники), чтобы взять продовольствие в своих селениях и отступить в горы. Таким образом, племена, составившие союз во главе со стримонцами, занимали довольно обширные области по обеим берегам реки вплоть до ближайших окрестностей Фессалоники. Сложнее обстоит дело в случае с ринхинами, локализация которых до сих пор точно не установлена. Не вдаваясь в подробности аргументации, выскажем

предположение о том, что селения ринхинов занимали области к западу и северо-западу от Фессалоники (возможно, по течению р. Галико)⁸ и соприкасались с территорией, занятой сагудатами (о поселении которых к западу от Фессалоники имеем точные указания Иоанна Камениаты). К этому объединению, охватившему часть народов Западной Македонии, примыкали также другувиты, участвовавшие в штурме Фессалоники вместе с ринхинами и сагудатами. Следует, однако, отметить, что другувиты упомянуты только один раз в рассказе о пятой осаде Фессалоники, поэтому остается не ясным, продолжали ли они военные действия после провала штурма стен города и в каких отношениях состояли со своими ближайшими соседями – ринхинами и сагудатами.

Руководивший третьей осадой Фессалоники славянами Хаон назван в источнике «экзархом», т. е., видимо, командующим войсками (возглавивший четвертую осаду города аварский хаган также назван «экзархом противника» – L., I, р. 189. 7, § 212). Возможно, что и в 70-х годах VII в. при совместных выступлениях рекс одной из славиний, несомненно, наиболее авторитетный, становился во главе войск союзников: так, вероятно, эту роль собирался взять на себя Первуд, если бы ему удалось объединить все соседние народы.

Большое значение славянские племена региона придавали захвату Фессалоники. Падение города означало бы не только ликвидацию крупнейшего форпоста Византии в Македонии, но и, вероятно, создание в ней центра объединения славянских земель. Примечательно, что и болгарин Кувер, вынашивавший планы создания здесь своего государства, предполагал начать свои действия с захвата Фессалоники, а затем «укрепившись здесь» (L., I, р. 229. 29, § 291), воевать с соседними народами и Византией.

Однако в этот решающий момент в их истории славянам не удалось, как уже отмечалось в историографии, создать «единый фронт борьбы» против византийцев (L., II, р. 135). К союзу стримонцев и ринхинов не примыкали велегезиты (продолжавшие торговать с городом во время пятой осады), берзиты и вайюниты, участвовавшие в третьей и четвертой осадах, не упомянуты среди осаждавших и смоляне, жившие по соседству со стримонцами. Видимо, славяне, поселившиеся вдали от Фессалоники, в этот период не видели для себя прямых выгод от ее захвата. Не было единства среди славянской знати и внутри союза. Расходившиеся после провала осады города славяне, по словам автора, «враждовали друг с другом» (L., I, р. 217. 21, § 265), часть славян перешла на сторону горожан. Стримонцы, нарушив обязательства перед союзниками, неожиданно повернули позад от стен города во время подготовки к штурму Фессалоники. Во время похода 688 г. Юстиниана II часть славян, прекратив сопротивление, перешла на сторону императора добровольно, или, как говорит Никифор, «по соглашению» (*б^ιολογία*)⁹.

Таким образом, рассмотренный материал позволяет заключить, что во второй половине VII в. славянское общество в Македонии находилось на стадии активизации процесса политической консолидации славиний, характеризуемого в этом регионе выделением нескольких союзов племен, становившихся центрами объединений и подчинявшими себе соседние народы. Новые политические организмы отличались большей устойчивостью и четкостью структуры по сравнению с образованиями предшествующего периода. Однако для этого времени характерным был и высокий динамизм структуры славянского общества региона, по крайней мере, трехчетырехступенчатая иерархия его политических образований. При нарастающей тенденции к объединению процесс консолидации славянского общества к началу первого этапа наступления Византии завершен не был.

Для изучения истории славянских народов региона конца VII—VIII в. мы не располагаем источником, подобным «Чудесам св. Димитрия», а сведения византийских хронистов ограничиваются скучными данными о походах византийских императоров против славиний и другими немногими краткими сообщениями, касающимися славян Македонии и Греции. Поэтому вопрос об эволюции славянских политических образований приходится рассматривать для этого периода лишь в контексте проблемы положения славянских земель Македонии и Греции и их отношений с империей. Процесс интеграции славянских земель в состав Византии прошел ряд этапов с различными формами зависимости славян от империи и был неравномерным для всей славянской массы региона. Окончание его выходит далеко за рамки рассматриваемого нами периода. Нам представляется необходимым отметить следующие положения, характеризующие отношения славян с империей в VII—VIII вв.

1. До пятой осады Фессалоники (676—678 гг.) славяне Македонии, видимо, не находились в прямых (дипломатических, торговых и пр.) отношениях с центральной властью. Мирный договор, который якобы нарушил Первуд, был заключен с городом после четвертой осады Фессалоники (на что прямо указано в «Чудесах св. Димитрия»). Связующим звеном в их отношениях с империей была Фессалоника¹⁰. Не случайно, видимо, городская знать выступила посредником в переговорах славян с императором после ареста Первуда. Однако создается все-таки впечатление, что центральная власть рассматривала славян Македонии и Греции как находящихся на особом статусе в составе империи (чем и объясняются ее действия в отношении Первуда), но это, вероятно, не имело под собой никакой реальной основы. В результате разгрома войска стримонцев был заключен мир (ειρήνη—L., I, р. 221. 11, § 281), определивший на короткий период отношения славян с Византией, до похода 688 г., положившего начало утверждению власти Византии в Македонии.

2. Подчинение славянских земель Македонии и Греции проходило неравномерно, и степень их зависимости от Византии

была неодинаковой в конце VII—VIII в. Славяне Восточной Македонии испытывали на себе четыре похода византийского войска (678, 688, 759, 783 гг.), земли другувитов, сагудатов и, возможно, ринхинов подвергались опустошениям только два раза (в 759 и 783 гг.), а в славянские области Центральной и Северной Греции императорская армия вступила впервые в 783 г.¹¹ Наименьшее давление Византии испытывали, несомненно, славянские народы, населявшие северную и крайне западную части Македонии, среди которых были и берзиты. Многие из них сохранили полную независимость вплоть до включения этих земель в состав Болгарии в IX—X вв. События болгаро-византийского конфликта 774 г. из-за Берзитии свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что Болгария не считала эти земли частью Византийской империи (поход в Берзитию был предпринят несколько месяцев спустя после заключения договора с императором о пепападении), в то время как Византия не оставляла претензии на все македонские славинии.

3. Признание суверенитета Византии неизбежно влекло за собой принятие определенных обязательств по отношению к империи. В историографии уже высказывались предположения, что в рассматриваемый период отдельные славинии в Македонии имели разную степень зависимости — от статуса «союзников» до более тяжелых форм подчинения с обязательствами выплаты дани, поставления войска и т. д.¹² Согласно Феофану, «подплатежными» (*όποφόροι*) (или *tributarios* — по Анастасию Библиотекарю) славяне Македонии и Греции стали лишь после похода Ставракия против них в 783 г.¹³ Речь идет о выплате империи дани, т. е. установленных для каждой славинии индивидуально ежегодных сумм, за которую отвечал, возможно, лично архонт славинии. (Милинги и эзериты еще в X в. выплачивали империи дань, а не государственные налоги). К такому положению империя стремилась и раньше, и представляется вполне естественным допустить, что ей удавалось установить его в отдельные периоды (скорее всего для славян Восточной Македонии) или заставлять славян выполнять какие-либо распоряжения императора. Согласно «Чудесам св. Димитрия», другувиты в начале 80-х годов VII в. снабжали продуктами многотысячное войско Кувера по приказу императора. В данном случае, правда, не исключено, что славяне согласились выполнить это распоряжение не из страха перед императором, а из-за реально существовавшей угрозы разорения их селений людьми Кувера (не следует упускать из виду, что они составляли хоть и не столь огромное, но хорошо организованное войско, победившее аваров в пяти сражениях)¹⁴.

4. Для VII—VIII вв., вероятно, преждевременным следует признать обязательство некоторых славиний оказывать военную помощь империи. «Симмахами» Византии стали лишь переселенные в Малую Азию, возможно, целыми племенами, славянские народы, на которых было создано войско во главе с архонтом и

стратигом Нибулом¹⁵. Что же касается славян в Македонии, то мы не имеем никаких точных данных об использовании их воинских контингентов в войнах с главным противником империи на Балканах — Болгарией¹⁶.

Таким образом, вплоть до конца VIII в. славинии Македонии и Греции сохранили свое существование, приняв власть империи с той или иной степенью зависимости (возможно, некоторые из них уже получили к началу IX в. статус архонтии¹⁷). Важным последствием давления империи в этот период было ослабление союза славиний региона, так как нет данных об объединении славян для совместных политических или военных выступлений против империи после пятой осады Фессалоники. Военные поражения славян, переселение значительных боеспособных групп в Малую Азию, различная степень зависимости от империи определили и разную политическую активность славиний и стремление их князей лавировать в отношениях с центральной властью. Одновременно в VIII в. появляется тенденция к вмешательству славянских вождей во внутренние распри империи, поддержка ими оппозиционных кругов. В 799 г. Акамир, архонт Велзитии, участвовал в заговоре жителей Эллады (т. е. местной знати) против императрицы Ирины с целью возведения на престол находящихся в заточении в Греции сыновей Константина V. Предполагают, что славяне из окрестностей Фессалоники поддержали в 718/719 г. попытку Артемия (бывшего императора Анастасия) вернуть себе престол. Не исключено, что и в других выступлениях против центральной власти (например, восстании жителей Эллады в 727 г. против иконоборчества и др.) византийское население пыталось опереться на военные силы соседних славий¹⁸.

Сближение некоторых высших социальных кругов Фессалоники со славянской знатью проявилось еще в VII в., в период наибольшего могущества славиний в Южной Македонии: городские богачи и правители находились в постоянных контактах со славянскими вождями и готовы были пойти на заключение с ними союзов, даже если это не входило в планы Константинополя. С другой стороны, длительные мирные отношения славянской знати с византийской, знакомство с неведомым ранее богатством и роскошью, появившееся стремление занять место в рядах византийской элиты вносили раскол в ряды славянских правителей, утрату единства цели.

Внутренняя эволюция славянских политических образований этого периода, видимо, характеризовалась главным образом двумя чертами: во-первых, консолидацией сил каждой славинии, ускоренной в условиях постоянной конфронтации с Византией, повышением военной и политической власти князя (Акамир, например, был, несомненно, полновластным правителем своей славинии), упрочением социального положения знати, отмиранием ряда демократических начал жизни общества, характерных для предпоследнего периода. Во-вторых, при тех же условиях

вражды с Византией возникала и определенная стагнация славянин как самостоятельного политического организма. Связи с Византией и зависимость от нее не являлись еще предопределяющими факторами социального и политического развития славянского общества, но оказывали уже на него сильное влияние.

- ¹ Лигаврин Г. Г. Славинии VII–IX вв.– социально-политические организации славян.– В кн.: Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М., 1984, с. 193–203; Antoljak St. Militär-administrative Organisation der Makedonischen Sklaven. – In: Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik. Wien, 1982, Bd. 32/2, S. 383–390.
- ² Здесь и далее ссылки на «Чудеса св. Димитрия» даны по изданию П. Лемерля: Lemerle P. Les plus anciens recueils des Miracles de Saint Démétrius et la pénétration des Slaves dans les Balkans. Р., 1979, I. Le texte; Р., 1981, II. Commentaire. (В тексте – L., I; L., II).
- ³ Лигаврин Г. Г., Иванова О. В. Славяне и Византия.– В кн.: Раннефеодальные государства на Балканах (VI–XII вв.). М., 1985, с. 66.
- ⁴ Ферлуга Ј. Византија и постанак на ранијих јужнословенских држава.– ЗРВИ, 1968, т. 11, с. 58–61;
- ⁵ Ср.: Василевский Т. Организация городовой дружины и ее роль в формировании славянских государств.– В кн.: Становление и развитие раннефеодальных государств. Киев, 1972, с. 106–107.
- ⁶ Лигаврин Г. Г., Иванова О. В. Славяне..., с. 65–66.
- ⁷ L., II, p. 93.
- ⁸ Нашу аргументацию см. в кн.: Иванова О. В. Славяне и Византия в VII – нач. IX в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.
- ⁹ ГИБИ, т. III, с. 296.
- ¹⁰ Tápkova-Zaimova V. La ville de Salonique et son hinterland slave (jusqu'au Xe siècle).– In: Actes du IIe Congrès international des études du Sud-Est Européen. Athènes, 1972, t. II, p. 355.
- ¹¹ Острогорски Г. Историја Византије. Београд, 1969, с. 131–132, 143–145; Γρηγορίου — Κωνσταντίνου Μ. Ἡ'εκστρατεία τοῦ Ἰουστινιανοῦ Β' κατὰ τῶν Βουλγάρων καὶ Σλάβων (688). — BYZANTIAKA. Θεσσαλονίκη, 1982, τ. 2, σ. 113–124.
- ¹² О формах зависимости славян от Византии см.: Tápkova-Zaimova V. Sur quelques aspects de la colonisation slave en Macédoine et en Grèce.– Etudes Balkaniques, 1964, N 1, p. 118–122.
- ¹³ Ostrogorsky G. The Byzantine Empire in the World of the Seventh Century.– DOP, 1959, t. 13, p. 6; L., II, p. 190.
- ¹⁴ Ср.: Лигаврин Г. Г. Формирование этнического самосознания болгарской народности (VII – первая четверть X в.).– В кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с. 64.
- ¹⁵ Статус славянского войска не совсем ясен: вошло ли оно в состав войска фемы или находилось на положении федератов или «симмахов» (союзников) империи: Yannopoulos P. A. La société profane dans l'empire byzantin des VIIe, VIIIe et IXe siècles. Louvain, 1975, p. 139; О славянах в Малой Азии см. также: Ditten H. Zur Bedeutung der Einwanderung der Slawen.– In: Byzanz im 7. Jh. B., 1978, S. 151–154.
- ¹⁶ Недостаточно исследованным остается вопрос о позиции славян Македонии по отношению к Болгарскому государству в VII – начале IX в.: Lemerle P. Philippe et la Macédoine orientale à l'époque chrétienne et byzantine. Р., 1945, p. 137; Лигаврин Г. Г. Формирование..., с. 65.
- ¹⁷ Wasilewski T. Bizantijum i Slowianie w IX wieku. W-wa, 1972, s. 173–177.
- ¹⁸ Липшиц Е. Э. Очерки истории византийского общества и культуры: VIII – первая половина IX в. М.; Л., 1961, с. 179–180, 222.

«ГОСУДАРСТВО САМО»: ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ

Вводное замечание. Несмотря на то, что письменных источников по истории державы Само осталось немного, а их сообщения не очень многословны, проблематика славянского племенного объединения, условно называемого «Государством Само», не теряет своей актуальности¹. Оценивая достигнутые результаты и состояние исследований, нельзя не заметить, что внимание исследователей к отдельным проблемам было до сих пор неодинаковым: некоторые вопросы (местонахождение «Государства», вопросы континуитета) можно считать уже традиционными, некоторые же (характер, типология, генезис) требуют дальнейших разысканий. Перспективы дальнейшего исследования по проблематике державы Само намечаются прежде всего в двух направлениях:

1. В сравнительном анализе и изучении исторического развития в тех славянских областях, в которых государственность зарождается в аналогичных или подобных условиях (прежде всего на Нижнем Дунае). Такой анализ важен прежде всего для познания характера и типа так называемого Государства Само;

2. В более последовательном привлечении археологических материалов, исследование которых могут решительным образом изменить наши представления по всем вопросам, касающимся «Государства Само».

Именно археологические исследования предоставляют нам возможность взглянуть по-новому и на такие сообщения письменных источников, которые после многократного анализа, казалось бы, уже не могут дать ничего нового.

Географическое местоположение. Исходной точкой всех исследований по проблемам «Государства Само» традиционно являются попытки определить его местоположение. Бессспорно, положительным достижением последних лет следует считать факт, что в этой проблематике четко выделились два вопроса: центр, т. е. собственно территория «Государства», с одной стороны, и области, которые к нему с течением времени присоединились,— с другой. Территориальный центр державы, историческая роль которой состояла в борьбе с аварами (а позже и с франками), должен был находиться где-то в области непосредственного и интенсивного общения славян с аварами. Ввиду того, что Аварский хаганат в первый период своего существования (до 626 г.) не вышел за рамки Паннонии², едва ли можно согласиться со всеми давними и совсем недавними попытками, которые ищут центр «Государства» на значительном расстоянии от аварских границ. Укажу прежде всего на попытки его локализации в Чехии³ или на совсем недавнюю попытку поместить этот

центр в области к северу от Крконош, Есеников и Бескид, т. е. в современной Польше⁴.

Наиболее правдоподобными альтернативами в поисках терри-ториального ядра державы Само и впредь являются Каантания и области, расположенные на Среднем Дунае. Каантанская теория, вопреки мнению отдельных исследователей, не устарела и в настоящее время. Правда, о правлении Само в Каантании со-общает только более поздний источник — трактат «Обращение баваров и каантанцев» (871 г.). Однако мы едва ли можем, сле-дуя за Г. Лябудой, доказать тенденциозность и ложность этого сообщения стремлением авторов сочинения обосновать притяза-ния Франкского государства и Зальцбургского архиепископства на Каантанию⁵. Славянская Каантания подпала под влияние франков после 745 г. Кажется маловероятным, что франкский епископат прибегал к сомнительным доказательствам, имея бес-спорные аргументы. Нельзя исключить, что сообщение о правле-нии Само в Каантании попало в «Обращение» из какого-то не-известного и ныне утраченного источника. В связи с этим можно указать на одну до сих пор, кажется, не замеченную возмож-ность интерпретации этого места в источнике. Павел Диакон, историк VIII в., замечает, что бывший римский лагерь Карнун-тум на Среднем Дунае называют «искаженно» Каантанией⁶. Не исключено, что название «Каантания» охватывало в IX в. и Восточную марку⁷.

Местоположение «Государства Само» в районе Среднего Дуная в северо-западном пограничье как будто лучше отвечает общей исторической и географической ситуации. Если к нему присоединились с течением времени сорбы и, таким образом, Чехия и если мы не исключим из его состава также и Каантан-нию, то естественным центром такой большой территории следует считать славянскую область на Среднем Дунае. Это предположе-ние начинает в литературе преобладать.

Археологическая ситуация на сравнительно большой терри-тории, охватывающей левобережную Нижнюю Австрию, Южную Моравию и Юго-Западную Словакию позволяет, хотя пока и не совсем убедительно, различать отдельные, более или менее само-стоятельные регионы, важные прежде всего с точки зрения более точной локализации центра «Государства». Решающую роль для изучения и дифференциации отдельных регионов имеет датиров-ка и интерпретация некрополя в Девинской Новой Веси (сегод-ня — часть Братиславы). Исследовавший его археолог Я. Эйснер определил его как аваро-славянский, возникший несколько позже 626 г.⁸ Повторный анализ могильника установил в нем четыре зоны, решающая роль среди которых принадлежит зоне I. В ее пределах расположена самая ранняя часть могильника, для кото-рой характерна сильная концентрация предметов «аварского» происхождения, так же как и предметов понтийского происхожде-ния, и, наконец, в этой части преобладают погребения скелетные. Эта зона берет свое начало в первой половине VII в., но не

исключена возможность, что нижняя хронологическая граница восходит к середине VII в. Зоны 2 и 3, напротив, датируемые без колебаний серединой VII в., имеют совершенно другой характер: керамика преимущественно славянская, пражского типа; встречаются могилы с трупосожжением, т. е. бесспорно славянские⁹. В основном славянский облик могильника в Девинской Новой Веси не подлежит сомнению: соотношение «аварской» части (и соответствующих предметов) и славянской части ясно указывает на перевес славянского населения. В материальной культуре могильника и соседних славянских областей проявляются сходные и аналогичные черты¹⁰.

Преобладание славянской культуры в слоях VII в. на Среднем Дунае — вполне закономерное и естественное явление. Эта территория становится преимущественно славянской уже в течение VI в.; наряду с археологической ситуацией об этом свидетельствуют и письменные источники, относящиеся к данному периоду¹¹.

Сосредоточение внимания археологов на решении этнических вопросов оттеснило, как кажется, на задний план вопрос более важный и менее ясный — о политической обстановке в рассматриваемом регионе. Однако ясно, что этническое происхождение населения и принадлежность данной территории к определенной политической структуре — вопросы разные¹². Недооценка этого различия привела некоторых археологов к поспешному выводу о принадлежности Юго-Западной Словакии к центральной области «Государства Само». Предположение это опирается, однако, только на упомянутое уже единство славянской материальной культуры во всем Среднем Подунавье, в том числе и на могильнике в Девинской Новой Веси. Ввиду предположительного аварского присутствия в этой области уже в первой половине VII в. проблему надо поставить по-другому: следует ли считать этот некрополь могильником славянского населения, в политическом отношении самостоятельного и независимого, или же он доказывает, что население этой области находилось в определенной зависимости от аваров? В этом отношении опять-таки решающая роль принадлежит анализу первой зоны могильника, в которой, как было указано, появляется большинство предметов, рассматриваемых как аварские или же такие, наличие которых за Дунаем связано с прибытием аваров. Наличие этих предметов на могильнике, однако, не очень убедительный аргумент в пользу предположения, будто там захоронены и авары. Эти предметы могли сюда попасть и позже, и сами по себе они не являются доказательством принадлежности данной территории к Аварскому хаганату: они довольно немногочисленны и могли оказаться здесь путем обмена или же захвата добычи. Однако эти предметы все-таки доказывают, что территория Юго-Западной Словакии была с Аварским хаганатом связана более тесно, чем, например, Южная Моравия или левобережная Нижняя Австрия, где мы подобных предметов раннеаварского периода не находим. Более

важным является скелетное погребение на некрополе, встречающееся в его ранней фазе. Скелетное захоронение сегодня уже не считают обязательным признаком кочевнического населения. После уточняющего анализа, однако, оказывается, что разницу в погребальном обряде в VII в. все-таки следует рассматривать как отличительный этнический признак, теряющий это свойство только в VIII в.¹³ Во всяком случае наличие скелетного погребения в VII в. на стыке номадского (аварского) и оседлого (славянского) населения надо считать свидетельством кочевнического влияния. Может быть, то же самое можно сказать и о погребениях с конем в ранний период их появления.

Анализ могильника в Девинской Новой Веси, таким образом, указывает на то, что этот могильник с самого начала был аваро-славянским. С другой стороны, более тщательный анализ материала в определенной степени поколебал его датировку, а тем самым и датировку проникновения аваров за Дунай. Альтернативное определение начальной даты могильника, насколько это возможно, ведет к двум различным археологическим и историческим заключениям. Если отнесение начальной даты могильника к первой половине VII в. окажется оправданным, мы можем допустить, что и некоторые другие аваро-славянские могильники Юго-Западной Словакии, прежде всего Холяре и Желовце, датировка которых до сих пор не совсем ясна, восходят к этому времени¹⁴. Авары, таким образом, проникли в Словакию уже в первой половине VII в. С точки зрения исторической такое заключение имеет большое значение. Археологическая ситуация исключала бы в таком случае предположение, будто Юго-Западная Словакия с самого начала принадлежала к центральной области «Государства Само». Ведь нельзя предполагать, что на одной и той же территории в одно и то же время развивались два противоположных процесса: сопротивление аварскому проникновению в славянскую среду, с одной стороны, и начинающийся аварско-славянский симбиоз или, по крайней мере, начинающееся аварское господство,— с другой. Археологическая ситуация пока не позволяет сделать вывод, что оба процесса развивались последовательно, один за другим.

В последнее время появляются попытки доказать принадлежность Южной Словакии, по крайней мере в области Братиславы, к «Государству Само» на основании частых находок оружия меровингского происхождения в здешних могильниках¹⁵. Меровингское оружие считается признаком союзнических связей славян с Франкским государством, из которого прибыл и будущий славянский вождь Само и которое поддерживало славянское сопротивление против аваров. Более значительное количество меровингского оружия у славян начинает появляться уже после смерти Само¹⁶, и само по себе — оно не очень надежный материал для более прочных исторических заключений. Оружие попадает в определенную область и определенное общество различными путями: как военная добыча, в качестве предмета торговли, но и как

контрабандный товар, поставляемый из стран, которые впоследствии становятся объектом нападений дружин, вооруженных этим оружием¹⁷.

Данные, которыми на современном этапе исследований располагает археология, позволяют заключить, что центральную территорию «Государства Само» надо искать в Южной Моравии и примыкающих к ней частях Нижней Австрии.

Генезис государства. Археологическая ситуация на Среднем Дунае, где первые следы аварского проникновения мы можем проследить лишь после 626 г., а на территории предполагаемых центральных областей «Государства Само» — еще позднее, имеет значение также и для решения вопроса о генезисе государства. Археологические результаты требуют осторожного подхода к рассказу Псевдо-Фредегара о возникновении и причинах славянского сопротивления аварам. Хронист сообщает о том, что против аваров восстали сыновья самих аваров и славянских женщин¹⁸, другими словами, предполагается сравнительно продолжительный аваро-славянский симбиоз, начавшийся примерно в конце VI — начале VII в. Следы такого симбиоза непременно проявляются в археологической ситуации. Если в Словакии археологические исследования пока исключают такую возможность¹⁹, то мы должны внести определенную поправку в толкование Псевдо-Фредегара: выступление славян против аваров не ставило целью избавление от аварского гнета, а наоборот, было вызвано, вероятно, только что начавшейся аварской экспансиеи в славянскую среду. В литературе уже указывалось, что мотив запрягания славянских женщин в аварские повозки — обычный литературный топос; все данные, приводимые Псевдо-Фредегаром как свидетельство порабощения славян аварами, могут быть истолкованы двояко: дань не обязательно является признаком подчинения, она может быть просто «выкупом мира» (*tributum pacis*), военное сотрудничество аваров и славян исключает представления о жестоком порабощении славян и т. д. Рассматривая сообщения Псевдо-Фредегара об аварах и славянах, трудно избавиться от впечатления, что они являются не характеристикой аварско-славянских отношений в одной лишь области возникающего «Государства Само», а весьма обобщенным описанием, относящимся к разным славянским областям и разным периодам²⁰.

Археологическая ситуация, указывающая на довольно позднее проникновение аваров на территорию нынешней Словакии, вполне укладывается в рамки исторического процесса, связанного с развитием Аварского хаганата в Паннонии. После прихода в Паннонию, до 626 г., внимание аваров было сосредоточено на византийских провинциях на Балканах. Причин, которые заставили аваров обратить внимание также и на северные окраины хаганата, могло быть две. Первой была экспансия баваров, которые в течение VI в. вели наступление в восточном направлении, а в 595 г. столкнулись со славянами²¹. Кажется более правдоподобным, что эти события имели место в северо-западном аварском

пограничье, чем в районе Караптании²². Последующие события стали бы в таком случае более понятными: авары помогли славянам, победили баваров и открыли себе дорогу вдоль Дуная²³. Авары почувствовали угрозу своим интересам со стороны баваров, и именно это, как кажется, заставило их стремиться завладеть стратегически важной левой стороной Дуная. Для этого была и другая причина. После 626 г. аварские нападения на византийские провинции совершенно прекратились. Заселение Балкан славянами и повышенное внимание, уделяемое охране византийской границы во времена Ираклия, стали препятствием для аварских набегов. Надо было искать новые территории для удовлетворения потребностей кочевнического общества. Соседние славянские области на севере хаганата отвечали этим запросам.

Континуитет государства. Результаты археологии являются важным исходным пунктом также и для пересмотра проблемы континуитета «Государства Само», часто обсуждаемой в литературе. Псевдо-Фредегар не приводит по этому поводу никаких прямых сведений. Лишь сопоставляя между собой два его замечания: во-первых, что Само правил 35 лет (623—658), и, во-вторых, что под его руководством славяне всегда побеждали аваров²⁴, можно предположить, что после его кончины ситуация переменилась и начала складываться для славян неблагополучно. Это в основном подтверждается археологическими исследованиями, позволяющими хотя бы предположительно дополнить то, о чем хронист не упоминает. С середины VII в. авары в большем масштабе проникали и занимали левобережье Дуная в его словацкой, равно как и австрийской части²⁵. В глубь славянской территории они, однако, продвинулись лишь столетие спустя. Аварское проникновение за Дунай, таким образом, осуществилось в два этапа, различающихся своим характером. Если аварское проникновение в VII в. имеет характер оккупации, то в VIII в. оно этот характер уже в значительной степени утратило. Разница обусловлена прежде всего внутренним развитием аварского общества. В первый период существования Аварского хаганата в нем преобладал кочевнический уклад, набеги и захват добычи составляли его главную цель. Этому отвечала и строго военная организация хаганата, следы которой заметны еще и на могильниках середины VII в. в Словакии, расположенных вблизи Дуная. В указанное время здесь появляется значительное количество погребений с конем и оружием²⁶. Это, несомненно, связано с борьбой против славян, сопротивление которых авары в то время преодолели. Одновременно на могильниках начинают появляться новые элементы, которые постепенно становятся преобладающими. Некоторые некрополи теряют свой воинский характер, на них можно проследить довольно четко экономическую и социальную дифференциацию, начинает развиваться в большем масштабе ремесленное производство, появляется торговля. Об этом свидетельствуют, например, раскопки в Земианском Брбовке или в Холярах²⁷. Наступает процесс «смягчения» хаганата, причем преж-

ние захват и порабощение оседлого населения (в особенности славян) постепенно переходят в форму более или менее мирного симбиоза²⁸. Весь этот процесс отражается опять-таки в материалах некрополей VIII в., расположенных в славянских областях к северу от территории, занятой аварами в VII в. И здесь наблюдается переход к скелетным погребениям; славянская керамика под влиянием керамики подунайской меняется и развивается быстрее²⁹; встречаются также предметы художественного ремесла позднеаварского типа. Все-таки, в отличие от аварского проникновения в VII в., все эти явления VIII в.— отражение такого рода взаимных контактов, которые существенным образом не затронули общественную и экономическую структуру здешних славян³⁰. Видимо, столь же эфемерным было аварское господство и в сфере политической.

Выразительным признаком, который отличает предполагаемую территорию «Государства Само» от остальных славянских областей, является исчезновение племенной структуры на ранней стадии развития общества. Процесс этот был таким быстрым и последовательным, что даже археология не может локализовать отдельные племенные территории³¹; до нас не дошли даже названия этих племен. Исходя из археологической ситуации, мы едва ли можем предполагать разрушение племенной структуры в ходе аварского вторжения. Ситуацию можно, как кажется, наиболее правдоподобно объяснить путем сравнения с развитием в Нижней Мезии в тот же самый период. Славяне, поселявшиеся в этой провинции, должны были отстаивать свои позиции против Византии и аваров. Это способствовало ускорению процесса централизации в их среде. Однако процесс централизации здесь в VII в. еще не был завершен: одно племя (северы) пока еще сохранило определенную автономию, существование же остальных племен засвидетельствовано в названии племенного объединения — «Семь племен»³². Аналогичное объяснение исчезновения племен применимо также и для «Государства Само»: и здесь внешняя опасность способствовала ускоренной централизации и возникновению племенного объединения, которое стало основой дальнейшего развития в этом регионе³³.

Характер государства. Сравнение развития в двух славянских областях позволило более четко определить основную функцию «Государства Само», которая заключалась в обороне против внешнего противника. Но этим возможности сравнительного анализа не исчерпываются. Функция оборонительная не была единственной. Важное место в жизни «государства» занимала экспансия в соседние земли, прежде всего на территорию Франкской державы. Эта функция роднила «Государство Само» со славянскими племенными союзами на Нижнем Дунае во второй половине VI в., целью которых было наступление на византийские провинции на Балканах³⁴.

Характер племенного объединения на Среднем Дунае был, несомненно, обусловлен прежде всего внутренним состоянием об-

щества, которое было в то время уже настолько экономически развитым, что смогло завязать и поддерживать торговые связи с Франкским королевством. Эта черта сближает державу Само со славянской «Куявией» с центром в Киеве, которая вела торговлю со своими соседями³⁵.

«Государство Само» не было государством в собственном смысле этого слова. Оно, однако, как и упомянутые выше первые славянские объединения Восточной и Юго-Восточной Европы, остается важной вехой в процессе становления и развития раннефеодального общества и государственности в славянской среде.

- ¹ В целях сокращения и упрощения научного аппарата я привожу более новые работы, где указана и литература предшествующая: Kučera M. Typológia včasnostredovekého štátu na strednom Dunaji.— CsČH, 1979, r. 27, s. 863.
- ² Bóna I. Abriss der Siedlungsgeschichte Ungarns im 5.–7. Jh und die Awarensiedlung von Dunaújváros.— AR, 1968, r. 20, s. 605–618.
- ³ Choc P. Sámove říše a její zápasy.— Historie a vojenství, 1957, t. 2, s. 12; Vaňeček V. Souvislost Velké Moravy se slovanským svazem Sámovým? — Právněhistorické studie, 1963, r. 9, s. 215–217.
- ⁴ Klanica Z. Počatky slovanského osídlení CSSR.— In: IV Medzinárodný kongres slovanskej archeológie. Sofia. Zborník referátov CSSR. Nitra, 1980, s. 75.
- ⁵ Labuda G. Patřili Slované korutanští k říši Samově? — ČCH, 1949, r. 48–49, s. 12.
- ⁶ Pauli Historia Langobardorum. Hannoverae, 1878, lib. V, cap. 22, p. 194.
- ⁷ Avenarius A. K otázke polohy a vzniku Samovej říše.— Historické štúdie, 1968, t. 13, s. 184.
- ⁸ Eisner J. Devínská Nová Ves. Bratislava, 1952, s. 352.
- ⁹ Keller E., Bierbrauer V. Beiträge zum awarenzeitlichen Gräberfeld von Devínská Nová Ves.— Slovenská archeológia, 1965, t. 13, s. 377.
- ¹⁰ Mináč V. O osídlení bratislavskej brány v 7. a 8. stor.— In: Zborník Slovenského národného muzea: Historica. Bratislava, 1978, t. 18, s. 79.
- ¹¹ Kučera M. Typológia..., s. 864.
- ¹² Točík A. Slovania na strednom Dunaji.— In: O počiatkoch slovenských dejín. Bratislava, 1965, s. 32.
- ¹³ Dekan J. Vývoj a stav archeologického výskumu doby vel predvel'komoravskej.— Slovenská archeológia, 1971, t. 19, s. 568.
- ¹⁴ Točík A. Slawisch-awarisches Gräberfeld in Holiare. Bratislava, 1968, S. 9; Čilinská Z. Frühmittelalterliches Gräberfeld Želovce. Bratislava, 1973, s. 10.
- ¹⁵ Mináč V. O osídlení..., s. 80; Kučera M. Typológia..., s. 872.
- ¹⁶ Zábođník J. K výskytu predmetov západného pôvodu na pohrebiskách z obdobia Avarskej říše v Dunajskej kotline.— Slovenská archeológia, 1978, t. 26, s. 205.
- ¹⁷ Thompson E. A. Romans and Barbarians. Wisconsin, 1982, p. 10.
- ¹⁸ Fredegarii chronicarum libri IV, lib. IV, cap. 48.— In: MGH Scriptores rerum Merovingicarum. Hannoverae, 1884, t. 2, p. 144.
- ¹⁹ Bialeková D. Nové včasnoslovanské nálezy z juhozápadného Slovenska.— Slovenská archeológia, 1962, t. 10, s. 97–148; Bialeková D. Zur Datierung der oberen Grenze des Prager Typus in der Südslowakei.— AR, 1968, r. 20, s. 619–623.
- ²⁰ Avenarius A. Die Awaren in Europa. Bratislava; Amsterdam, 1974, S. 128.
- ²¹ Pauli Historia Langobardorum, lib. IV, cap. 7, p. 140; lib. IV, cap. 10, p. 150. Cp.: Kos M. K poročilom Pavla Diakona o Slovencih.— Časopis za zgodovino in narodopis Slovencev, 1931, zv. 26, s. 207; Zibermayr I. Noricum, Bayern, Österreich. Wien, 1944, S. 77.
- ²² Havlík L. Staří Slované v rakouském Podunají v době od 6–12. stol. Pr.,

- 1963, s. 14; *Friesinger H.* Die Slawen in Niederösterreich. St. Pölten, 1975, S. 10.
- ²³ Pauli Historia Langobardorum, lib. IV, cap. 11, p. 150.
- ²⁴ Fredegarii chronicarum lib. IV, cap. 48, p. 144.
- ²⁵ Točík A. Súčasný stav archeologickeho bádania najstarších dejín slovenského národa. – ÁR, 1963, r. 15, s. 596; *Friesinger H.* Die Slawen..., S. 10; Daim F. Awarische Altfunde aus Wien und Niederösterreich. – Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft, 1979, Bd. 109, S. 55.
- ²⁶ Этот неопубликованный материал любезно предоставил в мое распоряжение Й. Забойник, за что я приношу ему глубокую благодарность.
- ²⁷ Svoboda B. Poklad byzantského kovotepce v Zemianskom Vrbovku. – In: Památky archeologicke. Pr., 1953, t. 44, s. 33–93; Tocík A. Slawisch-awarisches Gräberfeld in Holiare, s. 9.
- ²⁸ Deér J. Karl der Grosse und der Untergang des Awarenreiches. – In: Karl der Grosse. Düsseldorf, 1965, Bd. I, S. 763.
- ²⁹ Bialeková D. Nové vcasnoslovanské nálezy..., s. 135.
- ³⁰ Bialeková D. Zur Datierungsfrage archäologischer Quellen aus der ersten Hälfte des 9. Jh bei den Slawen nördlich der Donau. – In: Rapports du IIIe Congrès International d'archéologie slave. Bratislava, 1979, t. 1, p. 95; Klanica Z. Předvelkomoravské pohřebiště v Dolních Dunajovicích. Brno, 1972.
- ³¹ Poulik J. Slované na Moravě. Brno, 1948, s. 83.
- ³² Дүйчев И. Обединението на славянските племена в Мезии през 7 в. – В кн.: Изследвания в чест на М. Дринов. С., 1960, с. 420. Ср.: Zástěrová B. Hlavní problemy z dějin slovanských národů. – Vznik a počátky Slovanů, 1956, t. 1.
- ³³ Havlík L. Velká Morava a středoevropští Slované. Pr., 1964, s. 173.
- ³⁴ Havlík L. Slovanská barbarická království v 6. stol. na území Rumunska. – Slovanský přehled, 1974, r. 60, s. 77.
- ³⁵ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953, с. 443.

3. Кланица

ПАДЕНИЕ АВАРСКОЙ ДЕРЖАВЫ В ПОДУНАВЬЕ

Мы занимаемся вопросами, связанными с периодом упадка Аварской державы в Подунавье во второй половине VIII в., прежде всего потому, что именно в этот период социальная и этническая структуры местного населения претерпевают значительные трансформации. Складываются предпосылки для изменения этнической карты Центральной Европы, и одновременно можно констатировать начало некоторых общих тенденций общественного развития, которые вели, помимо прочего, и к возникновению первых государственных образований.

Предлагаемая статья – это размышления над некоторыми явлениями, которые в достаточной мере отразились в археологическом материале и выступают не изолированно, но как комплекс находок аналогичного содержания, что дает возможность использовать их для изучения исторических событий.

В исторических сообщениях падение Аварской державы, как часто обозначают аvarский племенной союз, обычно связано с

походами франкского короля Карла Великого. Его биограф Эйнхард считает войну с аварами одной из важнейших, которые когда-либо вел Карл Великий¹. Писатель подчеркивает, что тогда была уничтожена вся аварская знать, а все аварские сокровища достались франкам. «В человеческой памяти не осталось ни одной войны, начатой против франков, в которой они больше бы приобрели и сильнее обогатились»². Мы считаем важным сообщение того же источника о том, что несмотря на большую добычу для франков эта война была в сущности очень легкой, бескровной, почти без людских потерь. Некоторые другие письменные памятники упоминают о том, что в боях с аварами участвовала также славянская знать, жившая в Подунавье. В Королевских анналах назван князь Вономир³; очевидно, были и другие, о которых тенденциозный биограф Карла Великого не говорит.

Археологический материал, которым мы сейчас располагаем для решения указанных выше проблем, значительно превышает своим количеством и качеством все, что имелось у предшествующих поколений исследователей. Основной проблемой и в немалой мере условием изучения является окончательная точная датировка тех памятников материальной культуры, которые обычно связывают с аварами. Причем под названием «авары» мы, как и большинство других авторов, понимаем членов этнически смешанного аварского племенного союза.

Учитывая, что поселения указанного периода до сих пор не позволяют нам составить четкую картину, мы должны при изучении материальной культуры прежде всего опираться на находки в погребениях с трупоположением. Здесь существуют две основные группы памятников. Во-первых, это чеканные украшения преимущественно из листового серебра или меди, в исключительных случаях — из золота. Находки этой группы иногда сопровождаются византийскими монетами, отчеканенными на рубеже VII—VIII вв.⁴ Значительный удельный вес находок, датируемых 80-ми годами VIII в., отражает определенные изменения, происходившие в восточноевропейских степях, а также в Карпатской котловине, и проявившиеся в увеличении количества кладов, закапывавшихся в землю в тот период⁵.

Вторая основная группа памятников аварского периода имеет иной характер. Для нее типичны литые бронзовые украшения, декорированные изображениями завитков и грифов. Монеты, находящиеся в погребениях с литыми бронзовыми украшениями, — преимущественно римского происхождения, большую их часть составляют не изделия римских мастерских, а последние чеканы, т. е. монеты IV в.⁶ В отличие от первой группы памятников в могилах второй группы обнаружено меньше оружия. Датировка второй группы памятников очень сложна. По современным представлениям, самая ранняя дата — рубеж VII—VIII вв. Вопрос о том, продолжали ли существовать литые бронзовые украшения до IX в., в последнее время служит предметом многих дискуссий⁷.

В период существования аварского племенного союза, отражением которого в материальной культуре служат две указанные группы памятников, в Среднем Подунавье существовала и третья значительная культурная группа. Она лучше всего прослеживается на территории к северу от погребений с литыми и чеканными украшениями, которые считаются принадлежностью членов аварского племенного союза. Эта третья группа памятников известна нам главным образом по находкам из поселений. Однако здесь отсутствуют находки с монетами, поэтому датировка этой группы памятников опирается прежде всего на стилистический анализ некоторых украшений, чувствительных к изменениям моды, и на стратиграфию. Здесь также использовались чеканные украшения поясов и литые бронзовые украшения. Существенным элементом, позволяющим отличать памятники аварского племенного союза от памятников из северных областей, населенных скорее всего не зависевшими от аваров славянскими племенами, служит погребальный ритуал. Для аварских, смешанных аваро-славянских или славяно-аварских погребений характерно трупоположение. Могилы с литыми или чеканными наборами украшений на территории третьей из названных групп, к северу от аварского ареала в Подунавье, не обнаружены. Здесь преобладает трупосожжение.

Другой важной особенностью в области расселения славянских племен было существование городищ — укрепленных поселений, которые на территории с аваро-славянскими погребениями с трупоположением не встречаются. Эта черта свидетельствует о различной социальной структуре двух главных политических объединений в Подунавье. Наличие городищ в ареале материальной культуры аваров археологическими раскопками не подтверждено.

Третьим признаком для различия аварской, и славянской культур служат шпоры с крючками. Авары, подобно остальным племенамnomадов, при верховой езде не пользовались шпорами. Относительно высокая концентрация находок шпор с крючками в ареале третьей из названных групп, т. е. в древнейших слоях славянских поселений, располагавшихся к северу от аварского племенного союза на Среднем Дунае, р. Мораве, в Чехии и в других славянских областях, указывает на иной способ езды верхом. Материальная культура третьей группы, для которой характерны городища, шпоры с крючками и трупосожжение, датируется преимущественно VIII столетием. Слои поселений со шпорами с крючками и литыми бронзовыми украшениями перекрыты великоморавскими церковными постройками и погребениями IX в.⁸

Некоторые исследователи считают, что после падения Авартской державы погребение несожженных тел как явление типично аварской культуры распространилось и на славян, которые таким образом оставили свой первоначальный погребальный ритуал трупосожжения и перешли к трупоположению⁹. Эта теория не отвечает действительности. Прежде всего нельзя с уверенностью

утверждать, что трупоположение было первоначальным способом погребения у авар. Мы знаем, что некоторые племена степных кочевников применяли трупосожжение исключительно по отношению к знати, тогда как несвободных в этих племенах хоронили по обряду трупоположения. Аварские погребения с трупоположением второй половины VI в. и первой половины VII в. не известны в Подунавье в таком количестве, чтобы это отвечало многочисленным письменным сообщениям об их пребывании. Иной была ситуация в лесных районах, где были поселения славян. Здесь ничто не препятствовало тому (особенно это касается материальных условий), чтобы ритуал трупосожжения распространялся на всех членов племени.

Большое количество топлива, необходимого для сооружения погребального костра, было для степных кочевников действительно серьезной проблемой. Однако мы допустили бы нежелательное упрощение, если бы оценивали распространение трупосожжения и трупоположения и их взаимосвязи, исходя из этого аспекта. Изменения в погребальном ритуале происходят в Подунавье вследствие социально-экономических перемен. Это — отражение определенных элементов общественно-экономического развития, более точных причин которого мы не знаем. Погребальный ритуал был тесно связан с мировоззрением, однако переход от кремации к ингумации нельзя связывать лишь с религией или же с различными внешними влияниями, касается ли это тюрко-татар, германцев или влияния античности и т. д. Действительно, хорошо известно, что в самом Риме кремация и ингумация существовали уже в начале I тыс. до н. э. Со II в. до н. э. в Риме преобладало трупоположение, в I в. н. э. — вновь трупосожжение. Проблемы точной датировки перехода от трупосожжения к трупоположению, его причин и общественно-политических условий на территории к северу от границ аварского племенного союза тесно связаны с более широкой проблематикой хронологии славянской материальной культуры. Сейчас мы очень интенсивно собираем материалы для решения этих вопросов, особенно путем четко направленных раскопок.

Абсолютная хронология древнейших славянских погребений по обряду трупоположения может основываться лишь на находках, легко поддающихся датировке. Речь идет прежде всего об оружии, которое всегда должно было быть на высшем техническом уровне, чтобы можно было быстро реагировать на эффективность оружия противника. Это касается также и шпор, которые отражают в себе определенный способ ведения боя, а именно — существование отрядов всадников, которых, с точки зрения военной тактики, было необходимо ввести в действие в точно установленное время. Следовательно, шпоры являются одним из источников изучения общественной организации, и мы можем предполагать, что перемены в их конструкции и способе прикрепления определенным образом связаны с этими вопросами.

По вопросу о датировке этих древнейших могил в Подунавье,

которые не связаны с аварами и находятся в областях, где не обнаружены в могилах литые и чеканные гарнитуры, в последнее время удалось найти значительные материалы. З. Винский опубликовал сведения о находке в могиле на маленьком кладбище в хорватской д. Медведичка у Джурдеваца на правобережье р. Дравы¹⁰. В указанной могиле был найден меч, отнесенный И. Петерсеном к особому типу I, так как речь шла о переходной форме, предшествующей типу H¹¹. В Медведичке воин, кроме этого старого меча, имел при себе еще секиру-брадатицу, позолоченные литые поясные украшения, декорированные «звериным орнаментом» так называемого «англо-каролингского» стиля, датированного — на основе чаши Тассило — временем около 777 г. Что касается самого меча, то З. Винский сравнивает его с предметами, характерными для рейнских мастерских второй половины VIII в. Основываясь на операциях, использованных при изготовлении меча, и особенно на сопровождающих поясных украшениях, З. Винский датирует могилу периодом до 800 г. После больших исследований эти выводы были приняты и другими авторами¹².

Меч, найденный в могиле славянского воина в д. Медведичка в Хорватии, имеет точное подобие на некрополе «На Валах» в Старом Месте около Угерского Градиште в могиле № 223/51¹³. Эта могила очень важна для нашего анализа. В рамках указанного некрополя эта могила относится к группе древних погребений, находящейся примерно в 25 м к северу от позднейшего центра кладбища. Среди этих погребений есть как трупосожжения, так и трупоположения. Здесь важно погребение с трупосожжением № 221/51, представляющее собой урну пражского типа, внутри которой был найден железный наконечник. Там всего три захоронения по обряду трупоположения с мечами старых типов, один из которых имеет короткую «тай»-образную перекладину рукоятки по типу, о котором мы уже упоминали в связи с описанием меча, найденного в Медведичке. Вернемся к погребению № 223/51 в Старом Месте, где был похоронен мужчина примерно 20 лет. Мы должны предположить, что между изготовлением меча и его помещением в гроб прошел очень краткий период. Меч был изготовлен, очевидно, во второй половине VIII в., поэтому погребение № 223/51 и всю группу других погребений около него нужно датировать не серединой IX в., а приблизительно на полстолетия раньше. Иных возможностей более точной датировки, чем те, которые дает анализ техники, использованной при изготовлении меча, мы в настоящее время не имеем.

По поводу находок в богатых погребениях славянской знати в Среднем Подунавье в период до 800 г. следует указать на исторически весьма важный комплекс находок в Бискупье у Книна, который связан с началом Хорватского государства. Здесь, в районе Црквины, были найдены погребения, датируемые по византийским чеканам золотых солидов тем же временем, что и погребение в Медведичке, т. е. 760—775 гг.¹⁴ Характерно, что в

этих погребениях, кроме мечей, были найдены шпоры особого типа, которые по этой находке мы называем шпорами типа Бискупье—Црквина. Речь идет о массивных шпорах с продолговатыми пластинами, снабженными двумя рядами заклепок по обеим сторонам частично выступающего плеча. Шпоры сильно заострены и часто имеют украшения в форме буквы «тау» или выполненные иными дорогостоящими способами. Некоторые авторы считают указанный тип шпор каролингским и связывают их появление в Среднем Подунавье, как и в области Адриатики, с проникновением каролингской культуры¹⁵. Слабость подобных теорий прежде всего в том, что у нас до сих пор нет достаточного количества шпор этого типа с собственно каролингской территории. Древнейшее хорватское государство находилось на окраине обширной сферы, испытывавшей большое влияние Каролингской державы, однако одновременно нужно помнить, что эта была территория, куда с юго-востока проникали и влияния византийские. К сожалению, мы до сих пор очень мало знаем о материальной культуре Византии в VIII—IX вв. Например, мы не знаем, в какой мере в византийской тяжелой коннице использовались шпоры, какого они были типа и как они хронологически связаны с хорватскими шпорами. Однако на основе находок византийских монет мы можем датировать шпоры типа Бискупье—Црквина периодом около 800 г.

Для решения проблем, которые мы исследуем, большое значение имеют находки шпор типа Бискупье—Црквина в древнейших славянских центрах, окаймляющих широкой полосой центральную область Карпатской котловины с позднейшими аварскими погребениями. В Старой Коуржиме в Чехии был исследован некрополь представителей правящего слоя в окрестностях так называемого Либушина озера¹⁶. Знатный человек, похороненный в одном из древнейших погребений (№ 120), имел при себе роскошные шпоры типа Бискупье—Црквина, покрытые чеканными позолоченными пластинами, и набор поясных украшений, декорированных таким же способом. Мертвый воин вооружен длинным рубящим оружием, обычно в Центральной Европе датируемым самое позднее VIII в. Церемониальная секира, найденная в могиле № 120, была покрыта серебряной пластиной с ажурным орнаментом и имеет определенные аналогии в ареале хазарской культуры.

Другие важные находки в погребениях славянской элиты рубежа VIII—IX вв. сосредоточены в Южной Моравии. Это прежде всего Микульчицы, где при раскопках первого храма в 1955 г. Й. Поулик обнаружил, что этот первый храм был построен на остатках старой деревянной постройки¹⁷. Под слоем строительного раствора первого храма было обнаружено погребение знатного человека с мечом (№ 265). Подобные экземпляры норвежский исследователь Й. Петерсен обозначил как старый тип К и датировал примерно серединой VIII в. или началом IX в.¹⁸ Другое погребение знатного человека (№ 90) было найдено в окрест-

ностях указанной церковной постройки и содержало железный меч, который можно на основе аналогичных находок в погребениях № 1 и 6 в хорватских Бискупье-Црквинае, где найдены византийские монеты 751—775 гг., датировать рубежом VIII—IX вв.

В последнее время в окрестностях Микульчиц были сделаны дальнейшие открытия, связанные с проблемами социальной дифференциации в среде славянских племен в период упадка аварского племенного союза. Это прежде всего некрополь в Нехвалине, где была зафиксирована обширная горизонтальная стратиграфия в большом масштабе, показывающая переход от трупосожжения к трупоположению. Здесь находятся два близко друг от друга расположенных кладбища, первое из которых биритуально и содержит в своей самой старой части трупосожжения с украшенной ручным способом лепной славянской керамикой. Позднейшая часть этого первого кладбища характеризуется трупоположением. В этой части находится самое богатое погребение № 36 с мечом особого типа 1, который в известной мере и с чисто типологической точки зрения можно отнести к находкам из Старого Места у Угерского Градиште и из Микульчиц, однако меч из погребения № 36 в Нехвалине относится к более поздним типам. Другое нехвалинское кладбище содержит три погребения представителей знати с мечами, восходящие уже к IX в. В Жданицах, менее чем в 5 км от Нехвалина, было найдено еще одно погребение представителя славянской знати; в могиле находился меч особого типа вместе с древним оружием, называемым «пилум», и бронзовой пряжкой характерного для VIII в. типа¹⁹.

Находки в Нехвалине и Жданицах, так же как и находки в Коуржиме, имеют одну особенность — они обнаружены в горных и труднодоступных областях. Так же расположены и другие находки в долине р. Турса в окрестностях г. Мартина в Словакии. Находка из Блатницы у Мартина не была систематически исследована, поэтому невозможно определить, было ли это трупоположение или трупосожжение. Блатницкая находка характеризуется роскошным мечом, аналогичным находке из Вааге. Большинство исследователей издавна считали этот меч каролингским и в большинстве своем датировали его концом VIII в.²⁰ на основе собственно типологического анализа, некоторых аналогий и сопровождающих находок. Взгляды Д. Ласло, основанные на известных выводах П. Паульсена о датировании блатницкой находки X в. и ее связи с новой волной старых мадьяров²¹, мы оставляем в стороне прежде всего потому, что они недостаточно аргументированы. Блатницкая находка не содержит никаких украшений или других предметов старомадьярского характера, какие нам, например, известны по погребению старомадьярского воеводы в Земплине²² или по другим находкам указанного периода. Блатницкий меч с рукояткой, характерным образом расчлененной горизонтально на три части, расположенные на массивном биконическом основании с короткой, также биконической перекладиной,

Й. Петерсен, основываясь на специфической орнаментации, обозначил как тип Д. В то же время необходимо учесть, что этот меч составляет одну большую группу с аналогичным мечом из Жданиц и с мечом из погребений № 36 в Нехвалине.

К этой группе относится еще один интересный экземпляр, происходящий из Хохенберга²³ в австрийской Штирии. Здесь в конце прошлого века, поблизости от очень старого костела, было найдено кладбище. В одной из первых могил был обнаружен скелет воина и при нем меч с короткой массивной перекладиной и рукояткой, горизонтально расчлененной на три части. Ложный имел железные шпоры с массивным острием и большими пластинами с двумя рядами заклепок вдоль выступающего плеча, т. е. шпоры типа Бискупье—Црквина. На поясе у воина — литые бронзовые украшения, родственные известным находкам из Брестоваца у Пожеги, а также большей части клада в Сан-Николаул-Маре. Поэтому эту находку в труднодоступной местности, лежавшей в стороне от дорог в центре Карпатской котловины, мы можем датировать концом VIII в. или же началом IX в.

Однако шпоры типа Бискупье—Црквина как характерный атрибут погребений представителей славянской знати конца VIII — начала IX в. найдены и в восточной части пограничной полосы Карпатской котловины. Находки в Тыртыре в Трансильвании²⁴ показывают, что и здесь мог существовать один из местных центров, подобных тем, какие были в Коуржиме, в Южной Моравии, в Турце или в Штирии.

Описанная группа находок, археологически отмеченная шпорами типа Бискупье—Црквина и мечами с рукояткой, горизонтально разделенной на три части, позволяет высказать некоторые соображения общего характера. Прежде всего это то, о чем уже было сказано: на окраинах некогда существовавшей сферы власти аваров на протяжении второй половины VIII в. возникают в относительно труднодоступных местах укрепления, отделенные от центральной части Карпатской котловины, выдающееся положение которых подтверждается багатыми погребениями знати типа Бискупье—Црквина. Кроме литых бронзовых украшений, соответствовавших надэтнической моде, этих представителей знати отмечает прежде всего особое вооружение и снаряжение, свидетельствующее об иной военной тактике по сравнению с аварами. В период упадка аварского племенного союза эти погребения символизируют ростки новых социально-политических образований, из которых позднее возникают, с одной стороны, Великая Моравия, с другой — Хорватское государство.

В этой связи, однако, нужно упомянуть о так называемом довеликоморавском слое на некоторых великоморавских городищах. Для этого слоя характерны шпоры с крючками, а также погребальный ритуал трупосожжения, т. е. элементы, которые в описанных выше погребениях знати с мечами и шпорами типа Бискупье—Црквина уже не обнаруживаются. Это приводит нас к мысли, что указанный слой со шпорами с крючками нужно от-

носить, как об этом свидетельствует и стратиграфический анализ древнейших городищ, ко времени, предшествовавшему слою с мечами с горизонтально расчлененными рукоятками и шпорами типа Бискупье—Црквина.

Обратимся снова к сообщению Эйнхарда о том, как легко франки победили аваров. Нам должно быть ясно, что поход Карла Великого в последних годах VIII в. проходил в условиях, когда наследники силы и славы бывших аварских военных дружин уже не могли устраниТЬ центробежные тенденции славянской знати на окраине их бывшей сферы власти. Поход Карла Великого ускорил и завершил процесс распада Аварской державы.

- 1 Einhardi Vita Karoli, cap. 13.— In: Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters. B., o. J., Bd. V, S. 180.
- 2 Einhardi Vita Karoli, cap. 13, S. 182.
- 3 Magnae Moraviae Fontes Historici. Brno, 1966, d. I, s. 133.
- 4 Huszar L. Das Münzmaterial in den Funden der Völkerwanderungszeit im mittleren Donaubecken.— In: Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Bp. 1955, t. 5, p. 61—109.
- 5 Амброд A. K. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.— СА, 1971, № 2, с. 96—123; № 3, с. 106—132.
- 6 Klanica Z. Předvelkomoravské pohřebiště v Dolních Dunajovicích. Brno, 1971, s. 53.
- 7 László G. Blatnica.— In: Reallexikon der germanischen Altertumskunde. B.; N. Y., 1978, t. 3, S. 62—63.
- 8 Poulik J. Mikulčice. Sídlo a pevnost knížat velkomoravských. Pr., 1975.
- 9 Preidel H. Slawische Altertumskunde des östlichen Mitteleuropas im 9. und 10. Jh. Gräfelfing, 1964, T. II, S. 67.
- 10 Vinski Z. Novi ranokarolinski nalazi u Jugoslaviji.— Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu, 1977—1978, ser. III, N 10—11, s. 166 i n.
- 11 Petersen J. De norske vikingesverd: En typologisk-kronologisk studie over vikingetidens vaaben. Kristiania, 1919.
- 12 Menghin W. Neue Inschriften schwerten aus Süddeutschland und die Chronologie karolingischer Späthen auf dem Kontinent.— In: Vorzeit zwischen Main und Donau: Erlanger Forschungen. Erlangen, 1980, Reihe A, Bd. 26, S. 227—272.
- 13 Hrubý V. Staré Město. Velkomoravské pohřebiště na Valách. Pr., 1955.
- 14 Vinski Z. Novi ranokarolinski nalazi...; Jovanović V. S. Prilozi hronologiji srednjevekovnih nekropola Jugoslavije i Bugarske (I).— Balkanoslavica, 1975, t. 4, s. 141—187.
- 15 Solle M. Stará Kouřim a projevy velkomoravské kultury v Čechách. Pr., 1966.
- 16 Solle M. Stará Kouřim...
- 17 Poulik J. Výsledky výzkumu na velkomoravském hradišti «Valy» u Mikulčic.— Památky archeologické, 1957, r. 48, s. 241—388.
- 18 Petersen J. De norske vikingesverd..., s. 111.
- 19 Dostál B. Slovanská pohřebiště ze střední doby hradištní na Moravě. Pr., 1966.
- 20 Arbmann H. Blatnica und Vaage.— Památky archeologické, 1962, r. 53, s. 331—338; Benda K. Karolinská složka blatnického nálezu.— Slovenská archeológia, 1963, r. XI, s. 199—222.
- 21 László G. Blatnica, S. 62—63.
- 22 Budinský-Krička V., Fettich N. Das altungarische Fürstengrab von Zemplín. Br., 1973.
- 23 Fischbach O. A Hohenbergi leletről.— Archeologiai Ertésítő, 1895, t. 15, 249—253. 1.; Niederle L. Život starých Slovanů. Pr., 1921, d. 3.
- 24 Horedt K. Untersuchungen zur Frühgeschichte Siebenburgens. Buc., 1958, S. 113, Abb. 33.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СЛАВЯН
ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ
И ИХ ОТНОШЕНИЯ С ЗАПАДНЫМИ СОСЕДЯМИ
В VII — НАЧАЛЕ IX в.

С момента своего возникновения в VI—VII вв. на западных рубежах славянского ареала племенные княжества полабских, подунайских и альпийских славян развивались в тесном взаимодействии друг с другом и со своими германскими соседями. Между тем внешнеполитические аспекты генезиса раннефеодальной государственности у славян Центральной Европы на самом раннем этапе изучены еще далеко не полностью. В этих условиях новое обращение к немногочисленным данным латинских письменных памятников VII—IX вв. позволило бы до некоторой степени судить о том, как были связаны между собой развитие политической организации славянских княжеств и их внешнеполитическая деятельность в период раннего средневековья.

О внутреннем устройстве славянских княжеств в эти «темные века» западные источники сообщают очень мало. Большая часть данных относится к первой четверти IX в., когда славяне испытывали уже воздействие каролингской цивилизации. Выделить материал о положении дел в предшествующий период, в VII — середине VIII в., не представляется возможным. Кроме того, даже на основе этих данных трудно выявить соотношение демократических начал и начал господства и подчинения в политической организации славян того времени, функции и значение отдельных институтов.

Нет, однако, сомнений, что в Полабье, как и на Дунае, черты военной демократии преобладали тогда над зачатками государственности, выступавшими скорее в виде тенденций, чем в виде реально уже существующих элементов¹. Главная военная сила княжества — многотысячное ополчение. Высшая санкционирующая инстанция — собрание полноправных членов племени, доминирующего в племенном союзе (*populus*)². «Populus» политически активен: он — источник власти (так, князь вильцев «обладает властью, врученной ему его народом»), т. е. распределяет («утверждает над собой королем»), а в случае необходимости и перераспределяет княжеские прерогативы внутри правящей семьи — «по обычаям племени» (*secundum ritum gentis*)³. К югу от Дуная, где Карантанское княжество раньше и ближе других подошло к порогу государственности, существовала такая же, по выражению М. Коса, «система инвеституры» князя со стороны «политического народа»⁴. Также и в Карантании собранис, в котором решающую роль играл, очевидно, особый привилегированный слой воинов⁵, санкционировало передачу княжеской вла-

сти от одного члена правящего рода к другому («сделали его князем»; «дали ему княжескую власть»)⁶.

Как в начале IX в. у вильцев, чей общественный строй отличался известной консервацией архаических, военно-демократических черт и признаков⁷, так в докаролингскую эпоху во всех, по-видимому, славянских княжествах «обычай племени» ставил жесткие пределы политической воле князя или всего правящего слоя, оказывая определяющее влияние и на формирование внешней политики племенного объединения.

Показательно, что в рассказе Псевдо-Фредегара о выступлении «винидов» против аваров, в наиболее раннем свидетельстве о политико-правовой процедуре внутри западнославянского общества, активно действующим субъектом тех или иных политических акций оказываются сами «виниды»: они воюют против «гуннов», «избирают королем» Само, затем нападают на франкских купцов, дают отпор Дагоберту и т. д.⁸ Роль самого «короля винидов» поначалу ограничивается тем, что он дает соплеменникам полезные советы и служит им как военный вождь (*suo consilio et utilitate Winidi semper Chunus superant*). Позднее, по мере укрепления его авторитета, прямое воздействие Само на внешнюю политику заметно возрастает: разгромив франков, славяне вторгаются в пределы Тюрингии по его «приказу» (*iusso Samone*)⁹.

Уже в первой половине VII в. славяне Центральной Европы, особенно к югу от Дуная, вступили в бурный, переломный период истории — период разложения и трансформации институтов военной демократии. Даже наши немногословные источники не оставляют сомнений в том, что несколько знатных родов во главе с правителями отдельных племенных областей и верховным правителем — князем (*dux, rex, princeps*) постепенно узурпировали в это время руководство княжеством и — через выделяющиеся институты публичной власти — подчинили его политику своим групповым интересам¹⁰. О некоторых механизмах воздействия знати на политику племени мы можем судить хотя бы по аналогии с описанным в главе 11 «Германии» Тацита: старейшины заранее «подготавливали» решения вопросов, выносившихся на общее собрание. Уже первые славянские князья VII—VIII вв. известны нам по именам (Само, Дерван, Валлук, Драговит и другие). Называя их имена, франкские авторы подчеркивали тем самым центральное, репрезентативное положение князя в племенном союзе. Даже с поправкой на «монархизирующую» тенденцию памятников нельзя отрицать, что князь и его окружение стремятся в этот период еще больше утвердить себя как реальных субъектов политических акций княжества. Противоречие между старым и новым, между традициями политического полновластия «народа» и узурпаторскими тенденциями нарождающейсяprotoфеодальной княжеской аристократии, между «обычаем племени» и волей правящей верхушки определяет всю историю славянских обществ VII—VIII вв., в том числе историю их внешней политики.

ки, почти полностью скрытую от нас молчанием каролингских писателей.

Это все более острое противоречие частично разрешалось во вне — в развертывании каждым княжеством военно-территориальной экспансии, составляющей отличительный признак поздневарварских обществ. Походы на соседей с целью грабежа и отражение их собственных набегов отвечали потребностям всего племенного коллектива в накоплении общественного богатства, в постоянном притоке добычи и плебиев, а иногда и даней с покоренных племен. В отдельные периоды война приводила и к расширению земельного фонда, к продвижению славянских поселений за пределы первоначального ареала. Наконец, в обстановке беспрестанных войн значительно усиливались позиции боевого вождя и его ближайшего окружения. Естественно, что племенная элита во главе с князем, которая руководила военными действиями, в распоряжение которой в конечном счете и поступали дани, львиная доля добычи и новые земли, была наиболее заинтересована в экспансии — «ради славы и ради приобретения земель», как писал о саксах Видукинд Корвейский¹¹. В условиях «войны всех против всех» сама внешняя политика княжеств становилась более динамичной, изменчивой, напряженной. Мирные дипломатические отношения с соседями все чаще сменялись взаимными набегами и пограничными стычками. Конфликтные ситуации между некоторыми народами приобрели характер затяжной, хронический (ободриты и вильзы; ободриты и саксы; альпийские славяне и лангобарды).

До середины VIII в. отношения славян с германскими соседями складывались в формах, показательных для эпохи военной демократии, когда вооруженное ополчение всех свободных членов племенной общности являлось еще посчителем основных политических функций. Пока племенная общность сохраняла относительное внутреннее единство, пока социальная элита продолжала зависеть от традиций родового строя, а князь и его окружение не стали еще монопольным субъектом внешней политики княжества, сами двусторонние договоры раннесредневековых *«gentes»* в Центральной Европе были целиком ориентированы на племенные обычаи (*mos gentis*) партнеров. Рассматривая дипломатическую практику европейских народов VII—IX вв., нетрудно заметить, какую огромную роль играли в ней процедуры, восходящие к племенным обычаям той или иной стороны, а не установленные в ходе переговоров по взаимному соглашению контрагентов¹². Субъектами и гарантами любого правоотношения формально выступали *«gentes»* — племенные коллективы как целое (*«саксы... обещали... вносить подать»*¹³; *«ободриты... были приняты франками в союз»*¹⁴; *«народ тимочан... стал союзником»* Людовита Посавского¹⁵). Принимая на себя международноправовые обязательства, каждая сторона давала присягу *«по обычаям племени»*¹⁶, т. е., по представлениям людей того времени, наполняла эти обязательства конкретным содержанием в соот-

вествии с собственным пониманием достигнутой договоренности.

Отражая еще весьма примитивную практику взаимоотношений, эти договоры не создавали новых, более жестких и единообразных правовых норм, основой которых могли бы явиться персональные или групповые связи представителей правящих слоев контактирующих обществ. Понятно, что такие договоры, заключавшиеся между «gentes» и фактически допускавшие до известной степени их одностороннюю интерпретацию каждым партнером, могли утвердить лишь самые элементарные формы отношений, которые длились столько же (обычно очень недолго), сколько породившая их конъюнктура: расстановка и соотношение военных и политических сил.

Памятники VII—X вв. свидетельствуют о разных договорноправовых формах взаимных контактов между славянами и германцами (ободриты и саксы; сорбы и тюринги; альпийские славяне и бавары/лангобарды):

1. *Договор о мире*. «С той стороны, где восходит солнце,— читаем мы в «Перенесении мощей св. Александра»,— [саксы гранчат] с ободритами, а там, где оно заходит, с фризами, от которых (? — B. P.) они непрестанно защищали пространства своих пределов или договорами, или — в случае необходимости — сражаясь»¹⁷. «Мир и согласие» (*pacis concordia*) заключил со славянами в верховьях Дравы в первой четверти VIII в. фриульский герцог Пеммо¹⁸.

2. *Союз против третьей стороны*. В рассказе Видукинда Корвейского о покорении Тюрингии франки покупают себе помошь саксов, используя противоречия между соседями. Но в сферу подобных же отношений обычно вовлекались и некие «варварские народы» (*barbarae nationes*), как Видукинд привык именовать полабских славян. Германские племена нередко вступали с ними в союзы друг против друга, «нанимая их за деньги»¹⁹, т. е., вероятно, за долю добычи. Более прямое указание на союз мы склонны видеть в сообщении Мецких анналов под 743 г. о том, что бавары двинулись в поход против франков, взяв с собой на помошь саксов, алеманнов и славян (очевидно, карантанских словенцев)²⁰. Можно вспомнить также союз фриульского герцога Арнефрита в 663—664 гг. с карантанцами против короля лангобардов Гrimоальда²¹.

3. «*Дружба*» (или, по терминологии В. Фритце, «сделанная дружба»²²). Это более формализованное и устойчивое правоотношение упомянуто Псевдо-Фредегаром: отстаивая свою самостоятельность, тюрингский герцог Радульф около 640 г. «утвердил дружбу с винидами» (*amicicias cum Winidis firmans*)²³.

4. *Трибутарная зависимость*. Об уплате славянами в течение более ста лет подати фриульским герцогам говорит в своей «Истории лангобардов» Павел Диакон²⁴. Однако это явное преувеличение: на протяжении этого времени (начало VII — начало VIII в.) мир между славянами и лангобардами неоднократно прерывался вооруженными столкновениями²⁵.

В целом славяно-германские отношения складывались и развивались аналогично межгерманским и межславянским. Названные выше основные формы этих отношений полностью соответствовали дипломатической практике поздневарварских обществ, для которой характерно господство обычного права, когда каждая сторона могла понимать то или иное соглашение по-своему, соотнося его со своими племенными обычаями. Отсюда — крайняя неустойчивость и непродолжительность действия этих договоров, практически не имевших силы вне конкретной военно-политической ситуации. Как только реальное положение менялось, привычная «война всех против всех» подводила черту под кратковременным договором, вновь сводя народы друг против друга. Более стабильных и длительных форм взаимного общения мы здесь еще не находим.

Между тем в VII и особенно в VIII вв. контакты славян с их западными соседями становились все более регулярными и интенсивными. Дипломатические связи со славянами предстают в источниках как неотъемлемая часть исторического быта германских народов. Согласно «Житию св. Лебуина», созданному в IX в., но отразившему более раннюю традицию, один знатный сакс, уговаривая соплеменников выслушать миссионера, напоминал им: «Когда норманны, или славяне, или фризы... шлют к нам своих послов, мы с миром их принимаем и терпеливо выслушиваем»²⁶. Для героя Павла Диакона, фриульских герцогов VII—VIII вв., их общение (подчас тайное) с живущими поблизости славянами — привычный элемент их политических комбинаций: они то и дело прибегают к помощи славянских вождей в борьбе за власть в герцогстве, вовлекают их в свои династические интриги²⁷.

Само развитие системы внешних сношений славянских княжеств, частые переходы от войны к миру и снова к войне воздействовали определенным образом и на внутреннее положение племенных объединений, усиливая те тенденции, которые вызывали в политической организации княжеств существенные структурные перемены. Все более подвижная, быстро меняющаяся международная ситуация во многом благоприятствовала возышению тех, в чью компетенцию входило как руководство боевыми операциями, так и ведение переговоров, отправка и прием послов, заключение договоров и соглашений. Усложнение внешнеполитических функций племенного союза, требовавшее дальнейшей специализации аппарата публичной власти, заметно сужало сферу непосредственной политической власти «народа». «Populus» уступал свои позиции некоторым знатным родам, сосредоточившим в своих руках племенные институты управления.

Еще большее влияние на эти процессы оказали отношения славян с Франкским государством, ставшие при Карле Великом особенно тесными и регулярными. Со стороны славян главная предпосылка их контактов с Каролингами — растущее обособление знати во главе с князем от основной массы населения и их стрем-

ление реализовать (и упрочить) свой высокий социальный статус и ведущее положение в племенном союзе посредством более широкой и целенаправленной военной экспансии и дальнейшей активизации внешних сношений. Именно эта тенденция общественного развития славян Центральной Европы испытывала прямое воздействие политики Каролингов.

Союзы Карла с ободритами против саксов и вильцев и с южными славянами против аваров заставили его восточных партнеров значительно расширить масштабы своей внешнеполитической деятельности. Есть все основания предполагать, что в ходе больших, затяжных войн с саксами и аварами славянская верхушка расширила подвластную ей территорию (в Нордальбингии, в Нижней Паннонии), присвоила себе добычу, упрочив тем самым свой политический и социально-психологический статус внутри княжеств. Далекие походы вместе с франками и другими германскими племенами сами по себе повышали престиж и авторитет славянского военачальника-князя, особенно в тех случаях, когда он стоял во главе совместной экспедиции союзников (Войномир в 795 г., Траско в 798 г.)²⁸. Для координации же союзнических действий зачастую оказывались необходимы и прямые дипломатические контакты местных славянских правителей с франкским королем²⁹. Все это также, несомненно, способствовало социальному и политическому обособлению княжеской аристократии, ее постепенному превращению в господствующий класс раннефеодального общества.

Насколько можно судить по данным латинских памятников, к концу VIII в. происходит существенное перераспределение ролей в проведении внешней политики княжеств, реальным субъектом которой предстает уже не столько «gens», сколько «dux gentis». Правда, главной военной силой в межплеменных столкновениях по-прежнему было ополчение, а в сфере дипломатии князь и местная верхушка действовали от имени общности как ее уполномоченные. До середины VIII в. (а к северу от Дуная — и до начала IX в.) мы не сталкиваемся в источниках с конфликтами внешнеполитических ориентаций внутри княжества: воля князя и воля племенного коллектива в целом не расходятся между собой, но необходимо дополняют друг друга. Однако заметное упрочение позиций князя, ведущая роль его династии во внешней политике неоспоримы.

Уже в хронике Псевдо-Фредегара не только могущественный глава обширной конфедерации племен — «король винидов» Само — «приказывает» своим подданным совершать набеги на Тюрингию, но и князь сорбов Дерван выступает инициатором смены внешнеполитического курса племени. Решение князя перейти со стороны франков на сторону Само оказывается ipso facto решением самой «gens» и было, видимо, поддержано ею (se ad regnum Samoni cum suis tradidit)³⁰. Как показывает пример Драговита в 789 г., князь вильцев был вправе от имени всего объединения предпринимать шаги, определявшие дальнейшую

внешнеполитическую ситуацию княжества: например, брать на себя обязательство не совершать враждебных действий против соседей³¹. Князь вступал в дипломатические спошения (так, около 745 г. карантанский князь Борут «велел известить баваров», что против него идут войной авары, «и попросил их прийти к нему на помощь»³²). Он же вел переговоры, давал — «по обычанию племени» — клятвенное обещание соблюдать договоренности, а также выставлял заложников, преимущественно из собственной семьи, которая, таким образом, занимала центральное место во внешнеполитических акциях княжества³³.

Вместе с тем непременное условие легитимации подобных шагов князя — чтобы «и другие знатные лица и князья (primitores ac reguli) последовали его примеру»³⁴. Впоследствии племенная общность и ее аристократическая верхушка не раз отказывали своему князю в поддержке. Альтернативной опорой его власти становилась дружина — «его люди» (sui, manus delecta, praetorigiani)³⁵. Сравнительно небольшая, но лично преданная своему вождю, она давала ему возможность действовать автономно и в конечном счете проводить свой собственный курс. Усиление централизованной княжеской власти, консолидация правящего слоя вокруг династии, с одной стороны, и обострение внутренних конфликтов в племенном объединении, с другой,— таковы основные линии развития политической организации славян Центральной Европы в каролингскую эпоху, процессы, протекавшие параллельно.

Постепенная узурпация княжеской верхушкой руководства внешней политикой создала предпосылки для более сложной и разнообразной системы внешних связей между славянскими княжествами и такими высокоразвитыми (для того времени) политическими образованиями, как Бавария Агилольфингов или Франкская держава Каролингов. Появилась новая, более устойчивая и персонализированная договорно-правовая форма — *вассалитет*.

Союз карантанцев с баварами против франков в 743 г. длился не долго. Попав в зависимость от франков, Бавария стала, однако, еще сильнее, и теперь, несколько лет спустя, когда самой Каартании угрожали авары, новое баваро-карантанское соглашение могло быть только неравноправным. Баварский герцог и его франкский сюзерен стремились превратить земли альпийских славян в зависимый «буфер» против «гуннов», утвердить там свое политическое влияние и закрепить его при помощи христианской миссии. Каартанский же князь видел в более тесных узах с западными правителями новую и решающую опору своей власти в борьбе с внутренними центробежными элементами. Князь Борут выдал баварам сына и племянника в качестве заложников, попросив воспитать их в христианской вере³⁶.

Та же обоюдная заинтересованность правящей элиты могущественного раннефеодального государства и небольшого племенного княжества в установлении новой договорно-правовой формы

связей проявилась полвека спустя, на рубеже VIII–IX вв., и в отношениях Карла Великого с ободритами³⁷. Социальная подоплека вступления ободритского князя Траско в вассальную зависимость от императора была аналогична той, что вызвала к жизни вассалитет карантанцев, хотя конкретные военно-политические обстоятельства этой трансформации были здесь, разумеется, иными: вместо «аварского фактора» — угроза со стороны датчан и вильцев.

Важнейшие правовые нормы вассалитета — коммендация, присяга на верность, санкция сюзерена при наследовании верховной власти в зависимом княжестве, взаимная помошь «советом и делом», а также — в случае необходимости — личная явка ко двору сюзерена по его вызову как критерий вассальной преданности³⁸. От всех предшествующих договорно-правовых форм нормы вассалитета отличались особой, непривычной четкостью и жесткостью обязательств сторон и более или менее строгой определенностью их истолкования. Так, вассальная коммендация Каролингам происходила не «по обычаям племени», а только «по обычаям франков». Принимаемые сторонами обязательства считались пожизненными.

Вступление карантанцев в середине VIII в. в вассальную зависимость от Франкского государства (до 788 г. опосредованную их подчинением Баварии), также как и признание ободритами, славянами в Нижней Паннонии и хорватами в начале IX в. сюзеренитета Каролингов не могли оставаться без последствий для общественного развития этих славянских княжеств, переживавших тогда решающую стадию перехода от поздневарварского строя военной демократии к раннефеодальной государственности. Мы вправе ожидать, что политическая организация у славянских партнеров Карла Великого претерпела за время его правления известные изменения. Разумеется, при неблагоприятном состоянии источников едва ли возможно определить, насколько продвинулась политическая эволюция славян за 30–40 лет их особенностных контактов с Западом, или тем более измерить относительное воздействие на этот процесс тех или иных факторов. Ограничимся поэтому гипотетической реконструкцией некоторых ближайших структурно-значимых последствий самих франко-славянских взаимоотношений.

В период, предшествовавший утверждению в Центральной Европе вассальных связей, внешнеполитическая активность славянских княжеств влияла на развитие их политической организации двояко: повышению престижа и авторитета князя и его окружения способствовала их ведущая роль и в войне, и в дипломатии. Вступление некоторых славянских княжеств в вассальные связи с Карлом Великим потребовало от них еще больших усилий в обеих этих сферах.

При отношениях вассалитета военное взаимодействие Франкской державы и ее восточных соседей стало тесным как никогда прежде (ср. хотя бы описание в Королевских анналах совместно-

го выступления франков, саксов и ободритов в 815 г. против датчан³⁹). На этом этапе зависимый правитель должен был участвовать в походах только под командованием франкского государя или его легатов и просто присоединялся со своими отрядами к их войску⁴⁰. Так княжеская дружина приобретала особую мобильность и хорошее знакомство с западноевропейской тактикой, что позволяло ей играть внутри самого племенного союза роль весьма влиятельной силы, способной в одиночку или при помощи извне решать крупные военные и политические задачи. Опираясь на дружину, князь мог теперь более или менее благополучно преодолевать сопротивление своих подданных, навязывая свой политический курс соплеменникам или другим племенам в составе объединения. Именно небольшой отборный отряд (*collecta rorilarium manus*) помог в 809 г. князю Траско вернуть под власть ободритов отшавшие племена глинян и смолинцев⁴¹, а в 819 г. хорватский правитель Борна лишь при поддержке своих «преторианцев» сумел вновь подчинить себе восставшее племя гудусканов⁴². Также и князья Карантании, по справедливому предположению Б. Графенауэра, неоднократно подавляли в 760-х годах силами одной своей дружины массовые выступления альпийских славян против христианских миссионеров из Баварии⁴³. «Люди» князя предстают в источниках IX в. как уже конституировавшийся особый социальный слой — ядро будущей раннефеодальной знати.

Важным фактором узурпации правящим слоем публичной власти в племенном союзе была и дипломатическая деятельность княжеской верхушки. С утверждением вассалитета руководство внешней политикой племени заметно усложнилось, приобрело новые функции. Теперь князь и сплотившиеся вокруг него знатные роды не только заключали мир и союзы, но и давали вассальную присягу, лично являлись ко двору франкского императора. Далекие и дорогостоящие путешествия князей и знати на запад, частичное превращение племенных повинностей в протокольные дары Каролингам (*tunera, dona*), как и вообще дальнейшая специализация и «профессионализация» политического руководства княжеством — все это еще больше отделяло публичную власть и ее носителей от основной массы свободных соплеменников.

Но вассалитет означал не только это. По мере эволюции франко-славянских связей от союза к вассалитету возрастало и становилось обычной практикой непосредственное вмешательство франкского монарха во внутренние порядки у восточных соседей. Разумеется, Карл «не создал у славян никаких новых отношений господства и подчинения, но лишь использовал структуры, которые уже застал, и через избранный им способ связи поддерживал выдвижение политически сильных...»⁴⁴. С этим суждением западногерманского исследователя Р. Эрнста нельзя не согласиться.

Санкционируя переход княжеской власти от одного члена правящей семьи к другому или выступая арбитром в социально-по-

литических конфликтах в зависимом княжестве, сюзерен прямо-вмешивался во внутренние процессы, способствуя — объективно и субъективно — усилинию и обособлению социальной элиты. Регулярные личные контакты с могущественным иностранным государем во многом изменили положение публичной власти в княжестве, самые основы ее легитимации. Опираясь на авторитет ахенского двора как санкционирующей и арбитражной инстанции, князь и его окружение могли действовать более независимо, решительнее навязывать свою волю, активнее влиять на политику племенного объединения, ориентировать ее на собственные групповые или династические интересы. Наглядный пример этого: в 826 г., когда среди «племени» ободритов были «различные мнения о том, надо ли принимать обратно своего короля» Цедрага, «некоторым лучшим и выдающимся» удалось — с санкции Людовика Благочестивого — провести в жизнь собственное решение, и князь был восстановлен на престоле⁴⁵. Показательно, что политическая победа той или иной «партии» ободритской знати над соперниками — а полем «битвы» обычно выступал дворец Людовика — немедленно реализуется в конкретных коллективных действиях ободритов как целого, т. е. всего племенного объединения⁴⁶.

Связь с императором стала в глазах племенной элиты альтернативной основой ее могущества, средством «освобождения» ее от традиций политического полновластия «народа». При этом в развитии контактов с Каролингами были заинтересованы в IX в. не только правящие слои вассальных княжеств. К арбитражу Людовика Благочестивого прибегли в 823 г. в споре о престолонаследии и члены княжеской семьи у вполне независимых вильцев. Показательно, что и здесь решение «народа», племенной общности в целом перестает быть решением в последней инстанции и может быть оспорено. Так, «народ вильцев» (*populus Wilzorum*) уже постановил передать княжескую власть от старшего брата младшему, ибо первый «управлял не совсем так, как должно». Однако это решение еще не положило конца спорам. Конфликт братьев-князей продолжался и был вынесен вовне — ко двору франкского императора. Только арбитраж Людовика, подтвердившего «волю племени» (*gentis voluntas*), дал, наконец, определяющее решение⁴⁷.

Здесь, как и в описанном выше случае с ободритским князем Цедрагом в 826 г., интересы и позиции верхушки племенного коллектива в целом заметно расходятся. Возникает характерная уже для раннеклассовых обществ социально-психологическая ситуация, которую мы бы назвали ситуацией «двух политик». Отныне в уже поляризованном, расколотом обществе существуют и противоборствуют по меньшей мере два политических курса, две внешнеполитические ориентации — княжеско-аристократическая и «народная» (*gentis voluntas; gentis sententia*⁴⁸), причем именно решение князя и знати, добытое зачастую извне, считается окончательным и определяющим.

Ситуация «двух политик» нередко оказывается взрывоопасной. В княжествах, где централизация власти уже зашла достаточно далеко — а именно эти княжества и вступали в вассальные связи, — их тесные контакты с западными государствами обостряли все противоречия централизационного процесса и прежде всего — противоречия между княжеской верхушкой и «народом». В этих условиях любой толчок извне, любые внешнеполитические осложнения нарушали хрупкое равновесие социально-политических сил внутри княжества, вызывая бурные и подчас затяжные конфликты.

Наиболее ранние столкновения славянских «верхов» и «низов», упомянутые в латинских источниках, произошли в 60-х годах VIII в. в Карантании. Политическое и церковное проникновение баваров и франков, поддерживаемое местными князьями, привело к глубокому расколу в карантанском обществе: массовые антихристианские восстания славян были направлены и против «своих» князей, покровительствовавших миссионерам⁴⁹.

У ободритов первые признаки разногласий внутри их племенного объединения мы находим в анналах в начале IX в. Еще в 798 г. дела у ободритов обстояли благополучно: князь Траско выступил «со всеми своими войсками» против нескольких тысяч саксов и одержал убедительную победу⁵⁰. Но в последующие десять лет заметное усиление княжеского единовластия — как следствие тесного сближения с франкским двором — сделало внутреннюю ситуацию в княжестве напряженной и нестабильной. Как только в 808 г. натиск датчан на ободритские земли нарушил внешнеполитический статус-кво, Траско, верный вассал Каролингов, утратил поддержку «снизу» и именно поэтому, как подчеркивают Королевские анналы, вынужден был бежать. Спустя год он, уже «не полагаясь на верность соплеменников» (*popularium fidei diffidens*), силами одной своей дружины пытался вернуть под свою власть отпавшие племена, обратившись при этом за помощью к саксам⁵¹.

Так обстоятельства внешние все больше и больше раскалывали племенное объединение. Они давали выход противоречиям, таившимся подспудно, превращая их в противоречия внешнеполитической ориентации («за франков» — «против франков» и т. п.). Но внешний фактор оказывал и более глубокое воздействие на политическую организацию зависимых княжеств, вызывая конфликты и в среде самого правящего слоя, способствуя политическим «передвижкам» внутри знати.

Мы помним, что при заключении договоров о мире или о союзе обязательства принимал на себя не только князь, но и другие представители знатных родов (ср. в 789 г. у вильцев: для присяги «прибыли короли той земли с их королем Трагвитом»; князь дал клятву соблюдать соглашение, «и другие знатные лица и князьки последовали его примеру»⁵²). При новой форме международных связей правовая ответственность ложилась прежде всего на местного правителя лично. Вассальная присяга, которую

давал князь, и утверждение Каролингами его наследственных прерогатив ставили его и его семью в совершенно особые отношения с императором и тем самым в исключительное положение среди племенной элиты (ср.: в 826 г. Людовик, подозревая князя в неверности, «прочих ободритов отпустил, Цедрага же удержал при себе»⁵³). Это, несомненно, подогревало оппозиционные настроения соперничающих или центробежных группировок знати.

С другой стороны, прямой «выход» тех или иных славянских «*primores*» к каролингскому двору, их частые явки «пред лицо императора» (*ad praesentiam imperatoris*) давали им возможность непосредственно апеллировать к сюзерену их князя, отстаивать там свои интересы. Аббитраж императора становился, таким образом, специфической формой разрешения противоречий в «верхах», инструментом борьбы за власть между аристократическими «партиями». Например, часть ободритской знати в 821–826 гг. непрерывно интриговала против своего князя Цедрага, обвиняя его перед императором в «измене»⁵⁴, тогда как другая часть оставалась верна князю и от его имени защищала его при дворе⁵⁵.

Используя внутренние разногласия в среде славянской верхушки, Каролинги обычно поощряли консолидацию знати вокруг княжеской династии, сдерживая в то же время монархические тенденции. В дальнейшем, по мере ослабления франкского влияния и надежности вассальных уз, императоры стремятся создать политический противовес единовластному правителю (ср. требование к ободритскому князю Славомиру в 817 г. разделить власть с Цедрагом, вероятно, его племянником)⁵⁶.

В этих конфликтах «*primores*» и сам князь все острее осознавали свои интересы как отличные от интересов большинства населения. Вмешательство Каролингов во внутренние процессы придавало дополнительный импульс и развитию исторического самосознания правящей династии — складыванию политически значимого предания о «заслугах предков» (*merita parentum*) князя перед иностранным сюзереном, как это проявилось у ободритов в событиях 823 г.⁵⁷

Применение норм вассалитета привело к интеграции славянских обществ в более развитую систему международного права раннефеодального мира. А это, в свою очередь, ускоряло трансформацию структур власти военной демократии у славян и усиливало — во внешнеполитическом плане — руководящую роль княжеской династии и поддерживавшей ее аристократической группировке. В источниках IX в. франко-славянские отношения все более «персонализируются»: если под 789–807 гг. Королевские анналы называют по именам 6 славянских предводителей, то за такой же срок под 808–826 гг.— уже 12. Подобную «персонализацию», как обоснованно полагал Г. Ловмянский, вполне можно считать критерием прогрессирующей дифференциации и поляризации общества⁵⁸.

Отметим также огромные идеологические и политические по-

следствия крещения некоторых славянских князей и их приближенных. Уже во второй половине VIII в. карантанским князьям удалось, как известно, с помощью зальцбургских миссионеров укоренить в «народе» новое вероучение, идеологически укреплявшее централизацию. С этого времени князь обрел дополнительную опору в лице баварского духовенства, а его внешнеполитические возможности возросли⁵⁹. Также и крещение князя Славомира в 821 г. доказывает социально-психологическую готовность ободритской элиты к принятию христианства⁶⁰ — еще один бесспорный признак общества, вступающего на путь государственного развития.

Сложную, многоаспектную проблему воздействия международных отношений, особенно контактов между обществами формационно различных типов, на внутренние процессы нередко сводят лишь к одному из ее аспектов — так называемым «влияниям», т. е. в нашем случае — к рецепции славянами IX—X вв. политических, правовых и культурно-религиозных форм и институтов более высокой каролингской цивилизации. Не отрицая важности этого направления исследований, мы поставили себе целью проследить, как внешнеполитическая практика славянских княжеств VII — начала IX в., отражая внутренние процессы развития политической организации племенных объединений, сама по себе *непосредственно* воздействовала на эти процессы. Внешняя политика как бы «наводила» перемены в политике внутренней, значительно ускоряя переход к раннефеодальной государственности.

¹ Об основных чертах политической организации у славян к северу от Дуная в VII—IX вв. см.: *Łowmiański Г.* Основные черты позднеплеменного и раннегосударственного строя славян.— В кн.: Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972, с. 9—13; *Die Slawen in Deutschland/Hrsg. v. J. Herrmann, 3. Aufl. B., 1974, S. 200—206.*

² Подробнее о роли племенных собраний см.: *Łowmiański H. Początki Polski. W-wa, 1970, t. IV, s. 81—84, 86—95.*

³ *Annales regni Francorum, a. 823/Ed. F. Kurze. Hannoverae, 1895, p. 160.*

⁴ *Kos M. L'Etat slovène en Carantanie.— In: L'Europe aux IXe—XIe siècles. Varsovie, 1968, p. 129.*

⁵ Cp.: *Grafenauer B. Zgodovina slovenskega naroda/3. izd. Ljubljana, 1978, zv. 1, s. 379—389, 395, 405—413.*

⁶ *Conversio Bagoariorum et Carantanorum, cap. 4.— In: Wolfram H. Conversio Bagoariorum et Carantanorum: Das Weissbuch der Salzburger Kirche über die erfolgreiche Mission in Karantanien und Pannonien. Wien; Köln; Graz, 1979, S. 42.*

⁷ Cp.: *Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder/Neisse und Elbe. B., 1968, S. 172—174; Die Slawen in Deutschland, S. 204.*

⁸ *Chronicarum q. d. Fredegarii lib. IV, cap. 48, 68.— In: MGH Scriptores rerum Merovingicarum. Hannoverae, 1888, t. II, p. 144—145, 154.*

⁹ *Chronicarum q. d. Fredegarii lib. IV, cap. 48, 75, p. 145, 159.*

¹⁰ Подробнее о роли князя и знати в славянских обществах до IX в. см.: *Łowmiański H. Początki Polski, t. IV, s. 109—115; 1973, t. V, s. 252—257; Grafenauer B. Družbeni temelji Karantanije in «Karantancev».— Jugoslovenski istorijski časopis, 1978, 17, s. 71—75.*

¹¹ *Widukindi Res gestae Saxonicae, lib. I, cap. 9/Hrsg. von P. Hirsch. B., 1935, S. 13.*

- ¹² Проблема обычая и договора в международном праве раннего средневековья будет рассмотрена нами подробнее в специальной работе.
- ¹³ Annales regni Francorum, a. 758, p. 16.
- ¹⁴ Annales q. d. Einhardi, a. 798.— In: Annales regni..., p. 105.
- ¹⁵ Annales regni Francorum, a. 819, p. 150–151.
- ¹⁶ Cp.: Annales q. d. Einhardi, a. 758, p. 17; Annales regni Francorum, a. 777, 811, p. 48, 134; Annales Mettenses priores, a. 789/Ed. B. Simson. Hannoverae; Lipsiae, 1905, p. 78.
- ¹⁷ Translatio S. Alexandri, cap. 1.— In: MGH Scriptores. Hannoverae, 1829, t. II, p. 675.
- ¹⁸ Pauli Historia Langobardorum/Ed. G. Waitz. Hannoverae, 1878, lib. VI, cap. 45, p. 233.
- ¹⁹ Widukind Res gestae Saxonicae, lib. I, cap. 9, S. 11.
- ²⁰ Annales Mettenses priores, a. 743, p. 33.
- ²¹ Pauli Historia Langobardorum, lib. V, cap. 22, p. 194.
- ²² Fritze W. Die fränkische Schwurfreundschaft der Merowingerzeit.— Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Germanistische Abteilung, 1954, Bd. 71, S. 83–87, 95–102, 110–116.
- ²³ Chronicarum q. d. Fredegarii, lib. IV, cap. 87, p. 165.
- ²⁴ Pauli Historia Langobardorum, lib. IV, cap. 38, p. 167.
- ²⁵ Cp.: Pauli Historia Langobardorum, lib. V, cap. 22; lib. VI, cap. 24, 45, p. 195, 222–223, 232–233.
- ²⁶ Vita Lebuini antiqua.— In: MGH Scriptores. Hannoverae, 1934, t. XXX, pars 2, p. 794.
- ²⁷ Cp.: Pauli Historia Langobardorum, lib. V, cap. 22; lib. VI, cap. 24, 51, p. 194, 222, 236.
- ²⁸ Annales regnum Francorum, a. 796, 798, p. 98, 104.
- ²⁹ Cp.: Annales Mettenses priores, a. 748, p. 41; Annales regni Francorum, a. 789, 795, p. 84, 86, 96.
- ³⁰ Chronicarum q. d. Fredegarii lib. IV, cap. 68, p. 155.
- ³¹ Cp.: Annales q. d. Einhardi, a. 789, p. 87.
- ³² Conversio Bagoariorum et Carantanorum, cap. 4, S. 42.
- ³³ Annales regni Francorum, a. 809, p. 128; Conversio Bagoariorum et Carantanorum, cap. 4, S. 42.
- ³⁴ Annales q. d. Einhardi, a. 789, p. 87.
- ³⁵ Annales regni Francorum, a. 809, 819, 820, p. 128, 151, 153.
- ³⁶ Подробнее см.: Grafenauer B. Zgodovina..., zv. 1, s. 416–419.
- ³⁷ Подробнее см.: Ernst R. Die Nordwestslaven und das fränkische Reich. B. (West), 1976, S. 165–170.
- ³⁸ Об элементах вассалитета см.: Ронин В. К. Международно-правовые формы взаимоотношений славян и империи Карла Великого (союз и вассалитет).— Сов. славяноведение, 1982, № 6, с. 43–45.
- ³⁹ Annales regni Francorum, a. 815, p. 141–142.
- ⁴⁰ Cp.: Annales regni Francorum, a. 763, 788, 815, p. 20, 22, 82, 141–142.
- ⁴¹ Annales regni Francorum, a. 809, p. 128.
- ⁴² Annales regni Francorum, a. 819, p. 151.
- ⁴³ Grafenauer B. Zgodovina..., zv. 1, s. 406, 413, 429.
- ⁴⁴ Ernst R. Die Nordwestslaven..., S. 170.
- ⁴⁵ Annales regni Francorum, a. 826, p. 171.
- ⁴⁶ Cp.: Annales regni Francorum, a. 817, 819, p. 147, 149–150, 152.
- ⁴⁷ Annales regni Francorum, a. 823, p. 160.
- ⁴⁸ Annales regni Francorum, a. 823, 826, p. 160, 171.
- ⁴⁹ Conversio Bagoariorum et Carantanorum, cap. 5, S. 130–131.
- ⁵⁰ Annales q. d. Einhardi, a. 798, p. 105.
- ⁵¹ Annales regni Francorum, a. 808, 809, p. 125, 128–129.
- ⁵² Annales Laureshamenses, a. 789.— In: MGH Scriptores. Hannoverae, 1826, t. I, p. 33; Annales q. d. Einhardi, a. 789, p. 87.
- ⁵³ Annales regni Francorum, a. 826, p. 171.
- ⁵⁴ Annales regni Francorum, a. 821, 823, 826, p. 157, 162, 169, 171.
- ⁵⁵ Annales regni Francorum, a. 823, p. 162.

⁵⁶ Annales regni Francorum, a. 817, p. 147.

⁵⁷ Annales regni Francorum, a. 823, p. 162.

⁵⁸ Łowmiański H. Początki..., t. IV, s. 307.

⁵⁹ Conversio Baogariorum et Carantanorum, cap. 4, 5, S. 130–131.

⁶⁰ Annales regni Francorum, a. 821, p. 157.

Г. Э. Санчук

ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И РАННЕФЕОДАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ У СОРБОВ

Изучение социально-экономической и политической истории полабских славян до их завоевания немецкими феодалами и до их включения в немецкую державу помогает выяснить ту большую политическую роль, которую они сыграли в истории Центральной Европы.

Первостепенное значение имеют результаты социально-экономических исследований. Как свидетельствуют археологические и письменные источники, нет никаких оснований относить полабских славян IX–X вв. к числу отсталых народов и считать, что в их хозяйстве решающую роль играли бортничество, охота и рыболовство, как это подчеркивалось ранее¹.

Основными занятиями полабских славян в IX–X вв. были земледелие и скотоводство. О большом удельном весе этих областей хозяйства сообщают франкские анналы, хроники X–XI вв. и грамоты². Для решения вопроса о главных сельскохозяйственных культурах и орудиях земледелия в IX–X вв. особое значение имеют данные археологических раскопок на территории Лютицкого племенного союза (в районе г. Плашкова) и на землях лужичан в Торнове, а также данные раскопок ободритского града Любека. Особенно важна находка железного лемеха в поселениях полабских славян в районе современного Лейпцига³.

Основу составляло зерновое хозяйство (ржнь, пшеница, ячмень). Преобладало двухполье. Значительного развития достигло скотоводство. В археологических раскопках чаще всего встречаются кости домашних животных: свиньи, овцы, козы, лошади, крупного рогатого скота⁴. Только в некоторых районах, в зависимости от географических и климатических условий, значительное место занимало бортничество (например, в Нижних Лужицах, в некоторых областях племени стодоран, в районе нынешнего Бранденбурга) или рыболовство (на побережье Балтийского моря).

Еще до IX в. у полабских славян в рамках крестьянского хозяйства развились ремесла (обработка льна, шитье одежды), а в IX в. выделяются отдельные ремесла. Особую роль играли обработка дерева, железа (выделка оружия, сельскохозяйственных

орудий), керамическое производство (гончарный круг получает распространение в X в.)⁵.

Сельское хозяйство и ремесло стимулировали развитие торговли, о которой говорится, например во франкских анналах⁶. В IX—X вв. во внутренней торговле эквивалентом служили платки, в торговле с иноземцами — драгоценные металлы, деньги. Данные письменных источников подкрепляются находками значительного количества серебра. Клады обнаружены на территории лютичей, ободритов и сорбов⁷. Об оживленной торговле свидетельствуют находки монет: восточных (IX в.), немецких и английских (X в.)⁸. Предметами торговли с иноземцами были: рабы, пушнина, лошади, зерно, рыба, скот, мед, воск. Торговля основывалась на разветвленной сети торговых пунктов, из которых наиболее значительными были: у сорбских племен — Торгау (севернее Мейсена), у ободритов — Рерик (северо-восточнее Гамбурга), у лютичей — Убаба (близ г. Волина)⁹. Экономическое развитие обусловило в IX—X вв. у полабских славян формирование раннефеодального уклада.

Основными формами политической организации полабских славян IX—X вв. были территориально-племенные союзы (*regiones*) и «градские области» (*civitates*). В IX—X вв. племена, жившие между Эльбой и Одером, находились на высшей стадии развития военной демократии¹⁰, и борьба между территориальными союзами полабских славян, как и борьба внутри этих союзов, была одним из проявлений военной демократии, а не следствием якобы присущей славянам политической разобщенности¹¹. Особенностью политической эволюции полабских славян в тот период было то, что за апогеем военной демократии VIII—IX в. последовало крайне замедленное развитие раннефеодальных отношений, лишь у ободритов увенчавшееся образованием устойчивого государства. Причина такого развития крылась не в примитивном уровне производительных сил у полабских славян, а в специфике их внутренних процессов и — еще больше — в объективных внешних условиях. Особенностями внутреннего развития были: замедленное складывание феодального поместного землевладения и отсутствие сильного племени, способного возглавить централизацию. Важнейшим и решающим явился внешний фактор — отражение в IX в. территориально-политической экспансии Восточно-Франкской державы. В X в. борьбу за земли полабских славян повели немецкие и польские феодалы.

Несмотря на эти крайне неблагоприятные обстоятельства, в обществе полабских славян в IX—X вв. постепенно вызревали раннефеодальные отношения. Об этом свидетельствует социальная структура. При всей неравномерности развития племенных союзов в Полабье, для всех их характерно выделение трех слоев: 1. Высшего, в состав которого входили племенные князья и знать в градах; 2. Свободных крестьян с земельными владениями разных размеров (от 4 до 20 «сох». «Соха» — 1,5 га); 3. Обедневших крестьян, некогда свободных, но попавших к X в. уже в

личную зависимость. К ним примыкали рабы, не игравшие значительной роли в производстве¹².

Своебразной оказалась историческая судьба Сорбского племенного союза, занимавшего территорию между реками Заале и Эльба. Первые сведения франкских письменных источников о сорбских племенах восходят к середине VII в., значительно больше их для VIII и IX вв. Сообщения эти, разумеется, весьма отрывочные, освещают в основном военные действия франкских и восточнофранкских королей против сорбского союза.

Франкские источники сообщают не обо всех племенах, а преимущественно о гломачах (доленчапах) и сиуслах¹³. Особенно велико количество сведений об экспансии Каролинской державы и его преемников против сорбов. Эти сведения дают основание считать, что из всех полабских славян именно сорбский племенной союз был главным объектом франкской экспансии еще во времена Восточно-Франкского государства. Из общего количества военных походов франков в VIII–IX вв. против полабских славян (таких походов было около 30) против сорбских племен было предпринято 14, из них 2 – специально против племени гломачей (доленчан), сыгравших позднее очень большую роль в славянской политике Генриха I. Важны также сообщения Баварского Географа: он дает сведения о могуществе сорбских племен к середине IX в. (на территории сорбов к этому времени насчитывалось уже около 50 градов)¹⁴. Еще во времена Само один из сорбских князей – Дерван – освободился от франкской зависимости и присоединился к державе Само, о чем сообщает Псевдо-Фредегар¹⁵. Особенno памятной была военная экспедиция франков против сорбов в начале IX в.: во время ее был убит их племенной князь Милидух, которого франкский памятник называет «tex superbus»¹⁶. Сорбов, наряду с вильцами, ободритами и чехами, Эйнхард причислял к наиболее значительным славянским народам¹⁷. Из последующих походов франков против сорбов наиболее крупный состоялся в 839 г.¹⁸

Хотя Сорбский племенной союз на протяжении IX в. и не достиг такой степени единства, как княжество вильцев или ободритов, однако он выступал уже как значительная политическая сила.

Большое значение для успешного сопротивления сорбов Восточно-Франкскому королевству имело могущество Великой Моравии. Восточнофранкские короли вынуждены были вести по отношению к сорбам осторожную политику. Когда в конце IX в. саксы выступили против сорбов, то император Арнульф даже выступил в защиту славян как посредник, за что получил дары от сорбов¹⁹. Появление сорбских послов у императора Арнульфа – последнее свидетельство о политических действиях сорбского союза.

К началу X в. у сорбских племен обнаружились элементы государственной организации. К наиболее развитым племенам сорбского союза того времени относились племена гломачей и сиус-

лов, на что указывает особенно значительная система градов на территории этих племен и большие успехи внутренней колонизации²⁰.

Могущество Великой Моравии сдержало натиск Восточно-Франкского королевства и не позволило ему поглотить сорбов еще в IX в.²¹ Однако о силе напора свидетельствует не только большое количество походов, но и особые меры франков, предвосхитившие формы немецкой восточной экспансии X в. Во второй половине IX в. на границе тюрингов и сорбов франки создают особыю пограничную область, правители которой (*comites; duces*) были наделены властью вести войну с сорбами и взимать с последних дань²². Этот пограничный «пояс», называемый в источниках *«Limes Sorabicus»*, оказывал влияние на земли сорбов, лежавшие непосредственно на востоке от р. Заале. *«Limes Sorabicus»* был прообразом маркграфства на территории сорбов, возникшего в X в.

Резкое ухудшение международного положения сорбских племен в связи с крахом Великой Моравии позволило преемникам Восточно-Франкского королевства — саксонским герцогам обрушить удар на сорбов. Угрожающую позицию в отношении сорбов занял уже в начале X в. саксонский герцог Оттон Светлый (отец Генриха I), которого источники называют «стражем тюрингского рубежа». Тот же герцог послал своего сына, будущего Генриха I, против гломачей (доленчан)²³.

Доленчане возглавили сопротивление сорбских племен против нового противника — складывающегося Немецкого государства. В борьбе с саксами они прибегли к союзу с венграми и сами перешли в наступление: в 908 г. предприняли поход против Саксонии и Тюрингии вместе с венграми²⁴.

В первой половине X в. немцам удалось подчинить себе некоторые местные племена. При Генрихе I и Оттоне I были покорены племена доленчан, затем мильчан, лужичан. Это происходит именно в то время, когда у сорбских племен начала формироваться государственная организация, элементы которой получили особенное развитие у лужичан, стодоран и спреван.

Процесс государственно-политической эволюции сорбских племен был прерван немецким завоеванием, которое сопровождалось и завершилось колонизацией и германизацией, однако для развития международных отношений в Центральной Европе, для определения темпов и направлений немецкой феодальной экспансии в X в. сопротивление сорбов имело большое значение.

Социально-экономическое развитие сорбско-лузицких племен вплоть до середины IX в. не отличалось существенно от уровня развития соседних славянских племен — польских и чешских. Много общего было у них и с соседним заэльбским народом — саксами — вплоть до окончательного включения их в состав Франкской империи в 804 г.

Саксы, с включением их в державу Каролингов, сумели использовать преимущества своего нового положения и получили

затем перевес в социально-экономическом и политическом развитии по сравнению с главнейшими племенами между Эльбой/Заале и Одером. Поэтому на протяжении IX в. процесс феодализации к западу от линии Эльба/Заале шел значительно быстрее, чем к востоку²⁵. Следствием этого явилось запоздалое формирование раннефеодальной государственности у сорбов—лужицан. Однако решающую роль в замедлении, а затем и в прекращении их самостоятельного государственного развития сыграла внешняя экспансия.

* * *

Уже под 631 г. сорбы выступают в хронике Псевдо-Фредегара в качестве общности, именуемой «gens», предводитель их называется «dux»²⁶. Этот «dux» вместе со своими людьми («cum suis») перешел на сторону Само²⁷. Из других источников, относящихся уже к VIII—IX вв., мы узнаем о территории расселения сорбов: она располагалась между р. Заале и р. Эльбой²⁸. Объективные условия содействовали обособлению сорбов — место их поселения представляло собой замкнутую область, где сложились предпосылки для развития земледелия²⁹. Археологи отмечают общие культурно-археологические черты этой области³⁰. Начало формирования этнической общности сорбов следует, видимо, отнести еще ко времени освоения ими данной страны, причем большую роль для складывания их общего самосознания сыграла принадлежность к одному племени, именуемому «сорбами»³¹. Некоторые ученые полагают, что сорбы при поселении представляли собой одно большое племя — которое затем, в соответствии с локальными очагами поселения, распалось на отдельные обособленные племенные области, послужившие основой для формирования территориальных общностей, приобретавших иногда название в зависимости от местности³². Во франкских и немецких анналах, хрониках Видукинда и Титмара упоминаются отдельные племена: доленчане, сиуслы, колодицы, мильчане, лужичане³³. Характерно, что у Титмара названия некоторых из этих племен выступают в связи с определенными территориями (*Milcini territori*)³⁴. Количество племен в союзе сорбов определить точно затруднительно. Оно изменялось со временем. Так, например, мильчане и лужичане вошли в союз позже. К IX в. этническую территорию сорбов (*regio*) составляли отдельные племенные области (*regiones*), в свою очередь включавшие в себя около 50 областей, объединенных вокруг «града» (*civitas*) и поэтому именуемых градскими областями (*civitates*). На это указывает источник первой половины IX в., так называемый Баварский Географ³⁵. Существуют разные мнения о том, в каком соотношении находятся упоминаемые «*regiones*» с известными нам племенами из союза сорбов³⁶. В данном случае важнее отметить территориальный признак в определении союза и его составных частей. Ясно намечается градация: общая область (*regio*) сорбов состоит из племенных областей (*regiones*), а последние включают в себя град-

ские территории (*civitates*). Сорбский политический союз выдержал длительный и сильный натиск Франкской и Восточно-Франкской державы. Возможно, что франко-сорбская конфронтация была главной причиной объединения сорбских племен³⁷. В этой связи следует, однако, заметить, что для сорбов характерна была не только оборона, но и экспансия. Хронист отметил, например, военное выступление с целью захвата земель, расположенных к западу от р. Заале³⁸. Этую военную активность следует объяснить, как мы полагаем, прежде всего особенностями общественно-го строя сорбов.

Судя по имеющимся сведениям, основной формой поселения была деревня (*villa*)³⁹. Для сорбов VII–VIII вв. характерно наличие сельской общины, стал намечаться процесс социального расслоения сорбского общества. Археологические данные говорят о начавшемся распаде строя, основанного на общинной собственности, следы этого распада остались в обособившихся дворах, хуторах, обнаруживаемых в беспорядочно расположенных деревнях⁴⁰. Очевидно, в IX в. масса сельского населения становится неоднородной, чему, видимо, содействовали занятия ремеслом и последствия войны⁴¹. В состав привилегированного слоя, жившего за счет труда крестьян, входили прежде всего племенные князья, именуемые в источниках «duces» и «reges»⁴². Если для VII–VIII вв. сведения о них единичны⁴³, то в IX в. они учащаются (*dux Miliduoch*⁴⁴; *dux Tunglo*⁴⁵). Такие военные и политические предводители упоминаются у отдельных племен (например, у колодицев — под 839 г.⁴⁶). «Duces» и «reges» «могли заключать мир, давать заложников, пользовались особыми правами, пример, могли оказывать особое гостеприимство»⁴⁷. Характерно, что «dux Tunglo» назван в анналах «*unus de Soraborum primoribus*»⁴⁸. Следовательно, существовали «primores», в которых можно видеть сорбскую знать⁴⁹. Сказанное дает основание говорить об оформлении к IX в. привилегированного правящего слоя, состоящего из «reges», «duces», «primores».

Опорой представителей этого слоя стали грады — «civitates»⁵⁰. Это подтвердили археологические раскопки⁵¹. Строительство таких градов отражало основную тенденцию развития сорбского общества в VII–IX вв.: если вначале они служили прежде всего убежищем в борьбе с франками, то впоследствии становились преимущественно складочными пунктами военной добычи и богатства знати, резиденцией ее представителей. Экономическое и политическое значение градов возросло. Они возникают в каждом очаге поселения, причем в местах удобных не только для обороны, но и для развития коммуникаций и обмена. Этот факт отражает начавшийся переход от высшей стадии первобытнообщинного строя — военной демократии — к раннефеодальному государству⁵². Процесс перехода к сорбскому раннефеодальному государству был, однако, прерван немецким завоеванием X в.

После сообщения Псевдо-Фредегара под 631 г. новые сведения о сорбах появляются лишь много времени спустя — под

782 г., а затем под 789 г.⁵³ Наконец, для начала IX в. имеются краткие известия о сорбах и их князе⁵⁴. Историки не вправе из этих сообщений сделать вывод о распространении власти князя на все племена, входившие в союз, и о патrimonиальном характере этой власти⁵⁵. Последующие сообщения об «одном из знатных лиц», Тунгло⁵⁶, и о «короле» (гех) одного из сорбских племен — колодицей — Цымысле⁵⁷ также можно рассматривать прежде всего как сведения о территориальной власти, не имеющей четко выраженного государственного характера, без указаний на ее патrimonиальную основу. Письменные источники свидетельствуют об активизации политической деятельности сорбов в IX в.: последние отправляют послов на собрания имперской знати⁵⁸, отстаивают свою самостоятельность от натиска франков⁵⁹, временно входят в Великоморавскую державу⁶⁰, а в конце IX в. вновь вступают в политические контакты с Восточно-Франкским королевством⁶¹. Сведений о принципиальных изменениях в политической организации сорбов в IX в. нет. Можно согласиться поэтому с мнением, что тенденция к образованию государства (выразившаяся в нарастании социальной дифференциации и в укреплении в связи с этим территориального характера власти) вплоть до начала X в. не привела к успеху⁶². В начале X в. сорбы стали объектом экспансии нового государства, образовавшегося вслед за распадом Восточно-Франкской державы,— Немецкого государства во главе с Саксонской династией⁶³.

Война, начатая по инициативе Оттона Светлого и проходившая под руководством Генриха I, увенчалась большой победой саксов в 928—929 гг.: после разгрома доленчан и мильчан Сорбский союз был разгромлен и сошел с политической арены, а сами сорбские племена оказались под властью Немецкого государства⁶⁴. В отличие от других групп полабских славян (вильцев и ободритов), возобновивших борьбу и восстановивших свою независимость, сорбы были подчинены окончательно: в сообщениях о восстании полабских славян в конце X в. о сорбах уже не упоминается.

Для дальнейшего развития этнического самосознания сорбов решающее значение имел, таким образом, факт их завоевания, которое произошло раньше, чем сформировалась собственная сорбская государственность. Отсутствие ее в VII—IX вв. крайне тормозило складывание сорбской народности. Тем не менее далеко зашедший процесс дифференциации сорского общества, а также длительная и успешная конфронтация с франками (отчасти — и с соседними славянскими племенами) благоприятствовали формированию этнической общности, обусловленному процессом консолидации общности политической.

Об этническом самосознании сорбов может свидетельствовать само название племени, восходящее к термину **sr̥b*⁶⁵. По мнению языковедов, название «сорб» (**sr̥b*) определяло отношение к этому племени. Наиболее вероятная этимология термина «сорб»

предложена П. Шафариком: «сорб» следует возводить к русскому «посерб» или польскому «pesierb», что означает «пасынок», «падчерица»⁶⁶. Первоначально «сорб» означало «род», «народ». Название «сорб» стало общим для тех, кто хотел обозначить себя членом данного племени, и вместе с тем стало выступать в значении «союзник». Как подчеркнул Г. Ловмяньский, название «сорб» сформировалось не только в соотнесении данного славянского племени с другими славянскими племенами, но прежде всего в конфронтации собственной славянской организации с иноэтническими элементами, особенно с германцами⁶⁷. То, что одна из групп славян взяла себе имя «сорбы», произошло, очевидно, в период занятия страны славянами в ходе их борьбы с остатками германских племен. Новейшие немецкие исследователи, так же как и польские, пришли в выводу, что название «Surbi», известное у славян между Эльбой и Заале по письменным источникам с VII в., представляет собой древнее племенное самоназвание⁶⁸. Важно отметить, что для древнесорбской языковой области можно наблюдать тесную взаимосвязь между племенными и местными названиями. Исторически известный материал о названиях славянских племен и местностей, систематизированный на основании данных из анналов и императорских грамот, а также сведений Баварского Географа⁶⁹, может быть классифицирован прежде всего по его языковому происхождению. К дославянским названиям лингвисты относят этнонимы «Dalemiure», «Srimunt». Это названия не славянские, и объяснение их встречает трудности. Возможно, эти наименования отражают трансформацию германских названий, что могло быть следствием германо-славянских контактов. Не исключено, что они имеют еще более древнее происхождение. Такие славянские названия, как «Lusici», «Nitići», «Sitici» отражали условия местности (sit — тростник; bog — болото; nik — низкое место). Название «Plisići» восходит к дославянскому гидрониму «Plisa» (ныне р. Плейсе). Славянский суффикс имеют названия жителей на -jane: «Nisane», «Bezunzane». Неясно название «Colodici». Некоторые полагают, что оно указывает на происхождение рода, как от ствола («колодицы» возводится к понятию «колудина» — «жердь», «ствол»)⁷⁰.

Важнейшим фактором самосознания сорбской общности был славянский язык. Сорбов, доленчан, сиуслов, низан, наряду с лужичанами и мильчанами лингвисты относят к сорбской языковой общности⁷¹. Диалекты этих племен можно классифицировать на основе позднейших памятников языка и свести в группы так называемых верхнесорбского и нижнесорбского языков.

Для этимологии названий характерно выделение двух областей: западной (между Заале и Эльбой) и восточной (между Эльбой и Бобером). Древнесорбские названия сосредоточены в западной области. Они представлены в виде двучленных наименований (Kosobody, Selekury) и в виде названий, образованных с помощью суффикса -j- (в названиях жителей — на -jane, -ici — Nizane, Zogorici)⁷².

Древнесорбская область (между Эльбой и Заале) характеризуется также наличием древнейших дославянских названий и архаическим лексическим фондом. Только в этой области обнаруживаются местные названия, находящиеся в связи с племенными названиями сорбов⁷³. Именно здесь располагалась первоначальная область поселения. Только с X в. началось распространение сорбского языка на север, а также на юг и на область между реками Эльбой и Нейссе⁷⁴. Так что территории, где жило «племя сорбов» (*gens Soraborum*), известное по сообщению Псевдо-Фредегара, нельзя отождествлять с позднейшей областью сорбского языка, зафиксированной по данным ономастики. Именно поэтому для характеристики общественного строя и самосознания сорбов до X в. следует исходить из данных, относящихся к древнесорбской области.

Этническая обособленность сорбов сказывалась и в своеобразии их материальной культуры, отмеченной археологами. Славяне, поселившиеся между Эльбой и Заале, отличались от окружающих полабских племен VI—VII вв. некоторыми признаками: они строили относительно малые дома (до 16 м²), глубоко вкапывая их в землю. Умерших они сжигали, а пепел хоронили в неглубоких ямах, часто выложенных камнем. В качестве ури для пепла они употребляли сосуды особой формы — так называемого пражского типа⁷⁵.

Можно сказать, что развитие этнического самосознания сорбов в условиях явно наметившегося с IX в. перехода к раннефеодальной государственности отличалось тенденцией к формированию сорбской народности. Наряду с осознанием себя славянами вообще («славянское самосознание») у сорбов IX—X вв. складывались представления о своей стране, о своем народе, о своей территориальной власти, выражавшей и защищавшей интересы привилегированного слоя.

Процесс развития сорбской народности и ее самосознания был, однако, нарушен в результате завоевания. Начался новый период этнического развития сорбов — уже в составе Германии.

¹ См., например: *Trautmann R. Die slawischen Völker und Sprachen. Leipzig*, 1948.

² Об этом прямо говорят как сообщения Ибрагима ибн-Якуба о западных славянах, так и особенно данные Видукинда Корвейского, Титмара и Гельмольда о характере податей. О значении земледелия см.: *Brankačk J. Studien zur Wirtschaft und Sozialstruktur der Westslawen zwischen Elbe/Saale und Oder. Bautzen*, 1964, S. 62–63.

³ *Brankačk J. Studien...*, S. 75.

⁴ Cp.: *Die Slawen in Deutschland. Ein Handbuch: Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neisse vom 6. bis 12. Jahrhundert*. B., 1974, S. 49–66.

⁵ *Brankačk J. Studien...*, S. 117; *Die Slawen in Deutschland...*, S. 73–103.

⁶ О развитии торговли позволяют также судить Раффельштеттенский таможенный устав и сообщения Ибрагима ибн-Якуба. Cp.: *Kowalski T. Relacja Ibrahima ibn Jakuba z pdoróży do krajów słowiańskich w przekazie Al Bekriego. Kraków*, 1946 (Monumenta Poloniae Historica, 1).

⁷ См. об этом: *Brankačk J. Studien...*, S. 122.

- ⁸ Die Slawen in Deutschland..., S. 115.
- ⁹ Ibid., S. 113–122.
- ¹⁰ Brankač J. Studien..., S. 124.
- ¹¹ Как это часто утверждали в старой историографии, особенно немецкой.
- ¹² Brankač J. Studien..., S. 166–167.
- ¹³ Annales Fuldenses, a. 856, 874.– In: Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters. B., o. J., Bd., VII, S. 48, 92.
- ¹⁴ «Iuxta illos est regio, quae vocatur Surbi, in qua regione plures sunt quae habent civitates 50» (Descriptio civitatum ad septentrionalem plagam Danubii/Vyd. B. Horák, D. Trávníček. Pr., 1956, s. 2).
- ¹⁵ Chronicarum quae dicuntur Fredegarii lib. IV, cap. 68.– In: MGH Scriptores rerum Merovingicarum. Hannoverae, 1888, t. II, p. 154.
- ¹⁶ Chronicon Moissiacense, a. 806.– In: MGH Scriptores. Hannoverae, 1826, t. I, p. 308.
- ¹⁷ Einhardi Vita Karoli, cap. 15.– In: Ausgewählte Quellen... B., o. J., Bd. V, S. 184.
- ¹⁸ Annales Bertiniani, a. 839.– In: Ausgewählte Quellen... Berlin, o. J., Bd. VI, S. 48, 50.
- ¹⁹ Annales Fuldenses, a. 897, S. 170.
- ²⁰ Die Slawen in Deutschland, S. 206–207.
- ²¹ Cp.: Havlík L. Velká Morava a středoevropskí Slované. Praha, 1964.
- ²² Annales Fuldenses, a. 849, 858, S. 36, 56.
- ²³ Widukind Res gestae Saxonicae, lib. I, cap. 17.– В кн.: Видукинд Корвейский. Деяния саксов/Пер. Г. Э. Санчука. М., 1975, с. 74.
- ²⁴ Widukind Res gestae..., lib. I, cap. 17, 20.– Там же, с. 74–75.
- ²⁵ К такому выводу пришел еще немецкий историк Э. Шульце в конце XIX в. (Schulze E. O. Die Kolonisierung und Germanisierung der Gebiet zwischen Saale und Elbe. Leipzig, 1896).
- ²⁶ Brankač J. Studien..., S. 415.
- ²⁷ Chronicarum quae dicuntur Fredegarii, lib. IV, cap. 68, p. 154.
- ²⁸ Annales rerum Francorum, a. 782.– In: Ausgewählte Quellen..., Bd. V., S. 42; Einhardi Vita Karoli, cap. 15, S. 184.
- ²⁹ Подробнее см.: Die Slawen in Deutschland, S. 8–9, 18–19.
- ³⁰ Brachmann H. Slawische Stämme an Elbe und Saale. B., 1978, S. 229.
- ³¹ Eichler E. Studien zur Frühgeschichte slawischer Mundarten zwischen Saale und Neisse. B., 1965, S. 111.
- ³² Cp.: Schlesinger W. Die Verfassung der Sorben.– In: Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder. Giessen, 1960, S. 70–78.
- ³³ Систематизацию этих названий дает В. Шлезингер (Schlesinger W. Die Verfassung..., S. 79, Anm. 35–40).
- ³⁴ Thietmari Merseburgensis episcopi Chronicum, lib. IV, cap. 45.– In: Ausgewählte Quellen... B., 1955, Bd. IX, S. 160.
- ³⁵ Descriptio civitatum ad septentrionalem plagam Danubii, s. 2.
- ³⁶ Cp.: Brachmann H. Slawische Stämme..., S. 242.
- ³⁷ Brankač J. Betrachtungen zur politischen Geschichte der elbslawischen Stammesverbände.– In: L'Europe aux IXe–XIe siècles. Varsovie, 1968, p. 394.
- ³⁸ Chronicarum q. d. Fredegarii lib. IV, cap. 74, 75, 77, 158–159.
- ³⁹ Schlesinger W. Die Verfassung..., S. 75–76.
- ⁴⁰ Brachmann H. J. Slawische Stämme..., S. 230.
- ⁴¹ Herrmann J. Siedlung..., S. 95ff.
- ⁴² Schlesinger W. Die Verfassung..., S. 70ff.
- ⁴³ Chronicarum q. d. Fredegarii lib. IV, cap. 68, p. 155.
- ⁴⁴ Continuationes q. d. Fredegarii, cap. 31.– In: MGH Scriptores rerum Merovingicarum, t. II, p. 181.
- ⁴⁵ Annales regni Francorum, a. 806, S. 82.
- ⁴⁶ Annales regni Francorum, a. 826, S. 114.
- ⁴⁷ Annales Bertiniani, a. 839, S. 50.
- ⁴⁸ Annales Fuldenses, a. 857, S. 50. Подробнее см.: Brachmann H. J. Slawische Stämme..., S. 235.

- ⁴⁹ *Annales regni Francorum*, a. 826, S. 114.
- ⁵⁰ Письменные свидетельства о них см.: *Brachmann H. J. Slawische Stämme...*, S. 235.
- ⁵¹ См.: *Herrmann J. Siedlung...*, S. 162; *Die Slawen...*, S. 164–173.
- ⁵² *Łowmiański H. Początki Polski*. W+wf, 1973, t. V, s. 237; *Brachmann H. J. Slawische Stämme...*, S. 229.
- ⁵³ *Annales regni Francorum*, a. 782, 789, S. 42, 58. До этого времени имеются лишь косвенные свидетельства: речь идет о славянах, в которых можно предположительно видеть сорбов. (*Annales Mettenses priores*, a. 748/Ed. B. Simson. Hannoverae; Lipsiae, 1905, p. 41).
- ⁵⁴ *Chronicon Moissiacense*, a. 805.– In: *MGH Scriptores. Hannoverae*, 1826, t. I, p. 318; *Annales regni Francorum*, a. 806, S. 82.
- ⁵⁵ Cp.: *Bulin H. Počátky státu veletského*.— *Pravněhistorické studie*, 1959, V, s. 313; *Łowmiański H. Początki...*, t. V, s. 239.
- ⁵⁶ *Annales regni Francorum*, a. 826, S. 144.
- ⁵⁷ *Annales Bertiniani*, a. 839, S. 50.
- ⁵⁸ Особенно показательно сообщение под 822 г., где сорбы фигурируют наряду с ободритами и вильцами (*Annales regni Francorum*, a. 822, S. 130).
- ⁵⁹ *Annales Fuldenses*, a. 869, 880, S. 72, 74, 112.
- ⁶⁰ *Annales Fuldenses*, a. 880, S. 112.
- ⁶¹ *Annales Fuldenses*, a. 897, S. 170.
- ⁶² *Łowmiański H. Początki...*, t. V, s. 242.
- ⁶³ См: *Bartmuss H. J. Die Geburt des ersten deutschen Staates*. B., 1966, S. 101 ff.
- ⁶⁴ *Thietmari episcopi Merseburgensis Chronicon*, lib. I, cap. 16, S. 20.
- ⁶⁵ *Eichler E. Studien...*, S. 111.
- ⁶⁶ Подробнее см.: *Łowmiański H. Początki...* W-wa, 1963, t. II, s. 58, 178.
- ⁶⁷ Ibid., s. 92.
- ⁶⁸ *Die Slawen...*, S. 10.
- ⁶⁹ См. об этом: *Eichler E. Die Gliederung des altsorbischen Sprachgebietes im Lichte der Namenforschung*.— In: *Beiträge zur sorbischen Sprachwissenschaft*. Bautzen, 1966, S. 23ff.
- ⁷⁰ *Die Slawen...*, S. 10.
- ⁷¹ Ibid., S. 33–35.
- ⁷² Ibid., S. 34.
- ⁷³ *Eichler E. Grundsätzliche Bemerkungen zur Erforschung des vorslawischen Substrats in der altsorbischen Onomastik*.— *Zeitschrift für Archäologie*, 1968, Jg. 2, S. 117 ff.
- ⁷⁴ *Brachmann H. J. Slawische Stämme...*, passim.
- ⁷⁵ *Die Slawen...*, S. 18, 75.

Е. П. Наумов

К ВОПРОСУ О РАЗНЫХ УРОВНЯХ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ У ЮЖНЫХ СЛАВЯН (эпоха раннего средневековья)

Сложные процессы становления и развития этнического самосознания в средние века, как уже показано в работах советских историков и этнографов, непосредственно связаны с проблемой иерархичности самосознания, т. е. конкретного соотношения определенных этнических общностей и присущего им самосознания

на том или ином этапе их истории¹. Следует отметить несомненные достижения в разработке данной проблематики применительно к ареалу восточных и западных славянских народов, а также раннесредневековой Германии; в частности, в имеющихся работах наглядно показано одновременное существование этнических общностей разных уровней, соответственно — и разных уровней этнического самосознания². В свою очередь, говоря об изучении этнической истории южных славян, необходимо подчеркнуть важность дальнейшего исследования этого круга проблем на материале раннефеодального периода. Научная значимость и перспективность такого анализа, по нашему мнению, обусловлена возможностью сопоставить аналогичные линии и тенденции этнического развития у южных, западных и восточных славян, выявляя тем самым общие черты и специфические особенности в разных частях славянского мира, далее — сравнить эти процессы с одновременными или сходными явлениями, имевшими место в других регионах или странах Европы (в частности — в Германии). Вместе с тем, на наш взгляд, разработка данных вопросов иерархичности этнического самосознания представляет большой интерес и потому, что в трудах советских и зарубежных ученых применяются неодинаковые термины для раннесредневековых общностей (например, в советской литературе — народность, протонародность, субэтнос, в югославской — народ, этническое ядро, ядро национальности и т. д.)³. Иными словами, анализ этих проблем может быть полезен и в методологическом плане, для уточнения понятий и терминов, употребляемых историками и этнографами для этнических процессов этой эпохи.

Итак, каковы же были уровни этнического самосознания в южнославянских странах той поры? Без сомнения, в данном случае нужно прежде всего сказать, как справедливо отметил В. Д. Королюк, о сознании славянами единства своего происхождения, о понятии славянской общности, достаточно развитом в ту эпоху чувстве принадлежности к большой семье славянских народов. Об этом говорят исторические источники, относящиеся не только к западным и восточным, но и к южным славянам⁴.

Вместе с тем наличие данного уровня этнического самосознания, т. е. чувства принадлежности к славянскому этносу, наглядно свидетельствует о сложности и противоречивости этнических процессов той поры, которые могли, как пишет Ю. В. Бромлей, «идти как бы на разных ярусах и подчас даже в разных направлениях»⁵. Действительно, уже в то время возникают раннефеодальные народности в славянских странах, однако осознание славянского единства вовсе не мешало развитию самостоятельного самосознания этих новых славянских народностей, напротив, по словам В. Д. Королюка, оно «помогало включить историю славянских народов» во всемирно-исторический процесс, и поэтому «славянское самосознание следует считать даже очень существенной частью национального самосознания славянских народов XII в.». Иными словами, «осознавая себя славянами, русские,

поляки или чехи» (как и южные славяне) приобретали возможность «осознать себя как самостоятельную народность среди других народов Европы и Средиземноморья»⁶. Таким образом, если мы можем считать достаточно понятными в целом развитие и соотношение данных уровней этнического самосознания у славянских народов той поры, т. е. общеславянского и народностного сознания, то как только мы начинаем переходить к анализу иных, т. е. «низших», локальных этнических общностей, которые либо предшествовали возникновению раннефеодальных народностей, либо сочетались с ними,— состояние изученности этнического самосознания на этом уровне следует признать еще неудовлетворительным. В связи с этим нужно подчеркнуть особую важность тщательного анализа таких, «низших», этнических общностей у южных славян и их места в этнической иерархии той поры, поскольку изучение данных вопросов взаимосвязано с соотношением разных уровней самосознания и тем самым может помочь воссоздать и понять неравнозначные и противоречивые процессы возникновения раннефеодальных южнославянских народностей⁷.

Что же предшествовало раннефеодальным народностям в разных славянских странах, соответственно — народностному самосознанию? Как показывают имеющиеся исследования этнических процессов эпохи раннего средневековья, общая картина развития этносоциальных общностей в различных славянских землях вовсе не была одинаковой; к тому же далеко не равнозначны соответствующие материалы сохранившихся исторических памятников, которые можно использовать для целей такого анализа. В частности, в некоторых случаях возможно констатировать наличие союзно-племенного самосознания, присущего представителям тех или иных союзов племен (т. е. военно-территориальных объединений, фигурирующих в средневековых источниках нередко под названием «племена»); иногда,— как это было у полабских славян,— возникала многоступенчатая иерархия самосознания, включавшая не только общеславянское и региональное (т. е. полабское), но и союзно-племенное и узкоплеменное⁸. В то же время панорама этнического развития славян в эпоху формирования раннефеодальных народностей оказывается неоднозначной и в силу заметно различающейся терминологии в работах разных авторов. Так, например, иногда употребляются термины «протонародность» или «областная общность»⁹, в других случаях — «преднародность»¹⁰; при этом названные обозначения необходимо также соотносить с термином «субэтнос», предложенным в советской этнографической литературе¹¹.

Вполне понятно, что ввиду таких расхождений в понятийном аппарате исследований раннесредневековых этнических процессов необходимо дальнейшее уточнение терминологии, однако уже здесь нам представляется целесообразным высказать следующие соображения по данному поводу. Разумеется, было бы неправомерно вводить в качестве самостоятельного понятия «областная общность», т. е. некое объединение, возникшее «на межплемен-

ной основе»¹²; в действительности, как мы указывали выше, речь идет о военно-территориальном объединении племен, или «племенном княжении». Иными словами, как отмечал Ю. В. Бромлей, такие «этносоциальные области» образовывали в масштабах этнической иерархии ступень «протонародностей»¹³. Если же говорить о соотношении протонародности и субэтноса, то, вероятно, следует иметь в виду замечание Ю. В. Бромлея, что для «поздне-средневековых народностей (особенно крупных) характерна определенная культурная гетерогенность, выражаящаяся в наличии этнографических групп или *субэтносов*»¹⁴. Следовательно, термин «субэтнос» признается более пригодным для обозначения этнических подразделений более позднего времени, нежели раннего средневековья. В правильности такого понимания хронологических рамок для применения понятия «субэтнос» убеждает и другое наблюдение Ю. В. Бромлея, который констатировал, что племенные подразделения превращаются постепенно в областные общности или этносоциальные области, которым соответствовали протонародности, а происходило это «на начальном этапе» складывания народностей¹⁵, т. е. для славянского ареала — в раннем средневековье.

Вместе с тем, говоря об этом сложном процессе формирования раннефеодальных славянских народностей и одновременно — протонародностей на Балканском полуострове, следует подчеркнуть также и другое немаловажное обстоятельство, связанное с результатами заселения славянами этих районов Юго-Восточной Европы. Речь в данном случае идет о наличии здесь дославянского местного населения, т. е. о существовании этнического субстрата¹⁶; такой субстрат, быть может, невольно в какой-то мере смешивался бы с субэтносом.

Признавая таким образом правомерным употребление термина «протонародность» для этнических процессов в южнославянских странах в эпоху раннего феодализма, мы можем в некоторых случаях отметить существование и развитие одновременно раннефеодальной народности и протонародностей на той или иной части ареала, в котором складывалась соответствующая народность. Так, например, возможно для того времени (вплоть до второй половины или конца X в.) говорить о постепенном складывании древнесербской народности, и в то же время — о возникновении в пределах отдельных княжеств (или архонтий) протонародностей — дуклян, захумлян, тервуниотов и каналитов (т. е. жителей областей Требинье и Конавли), далее — неретвлян («пананов») и, наконец, «сербов» в узком смысле — т. е. представителей сербской протонародности, жителей внутренней Сербии, позднее называвшейся Рацкой¹⁷.

Весьма важно для понимания всех этих сложных процессов, характеризовавшихся многограновым и противоречивым «диалектическим взаимодействием» разных уровней этнического самосознания¹⁸, что соотношение народности и протонародностей в рамках ее ареала вовсе не оставалось стабильным. Мы можем,

в частности, указать на тот примечательный факт, что уже к XI в. связи неретвлян — «паганов» с другими землями, составлявшими сферу формирования древнесербской народности, постепенно ослабели и в конце концов оборвались, с чем связано нарастание контактов неретвлян с соседними областями Хорватии¹⁹. В то же время, разумеется, следует обратить внимание и на появление в рамках древнесербской народности (видимо, с конца XI в.) новой протонародности — в Боснии, которая прежде даже не представляла собой особого княжества или политико-административной единицы²⁰. Более того, XII век в Боснии, как мы знаем, был рубежом не только для образования самостоятельной государственности, но и, видимо, для превращения местной протонародности в особую феодальную народность²¹.

Иными словами, как нам представляется, рассмотрение данных элементов этнической иерархии в югославянских землях периода раннего средневековья дает нам не только возможность отметить наличие разных уровней этнического самосознания — т. е. общеславянского, далее — принадлежности к сербской народности и, наконец, к какой-то протонародности, — но и предпосылки для перспективных и полезных сопоставлений с материалом по истории соответствующих или сходных процессов в других славянских и неславянских странах, в особенности — в раннесредневековой Германии²². Так, например, в свидетельствах об этническом развитии полабских славян мы находим проявления узкоплеменного самосознания, а также признаки союзно-племенной общности, начавшегося зарождения сознания общности нового типа — народности (ободритов, вильцев, лютичей-сорбов). Вместе с тем можно судить и о существовании одновременно других уровней самосознания у полабских славян, а именно — общеславянского и регионального (полабского)²³.

Точно так же в целом складывалась и этническая картина в раннесредневековой Германии, где сохранившиеся источники убедительно свидетельствуют о существовании тогда в ее границах «народностей разных уровней». В частности, наряду складывавшейся там немецкой народностью «и в ее рамках одновременно функционируют в качестве эс, а соответственно и этникосов, сформировавшиеся в результате политической раздробленности баварская, саксонская, швабская и другие народности»²⁴. Весьма важно в данном случае, что эти «немецкие народности» (а в то же время — «части немцев» как единого целого, как составные части немецкой народности), как их называют средневековые памятники, «сохранили наименование уже исчезнувших племенных союзов», т. е. прежних племен баваров, саксов и др.²⁴

Все это, на наш взгляд, не позволяет согласиться с точкой зрения болгарского историка Г. Сотирова, полагающего, что «ход вещей в процессе возникновения немецкой народности является обратным», т. е. направленным вовне, «от более узкого к более широкому региону, от более низкого к более высокому уровню».

Именно это, по мысли Сотирова, составляет существенную «разницу», отличие этнических процессов в раннефеодальной Германии от аналогичных линий и тенденций развития древнесербской народности²⁵. При этом, ссылаясь на статью Б. Н. Флори²⁶, болгарский историк констатирует, что тогда «у немцев элементы более низкого уровня сохраняются относительно, но как элементы общего, как носители *общенемецкого* народностного сознания»²⁷. Любопытно, однако, что в цитируемой Г. Сотировым работе Б. Н. Флоря делает совсем иные выводы, а именно — заключение об *изживании* традиций племенного самосознания в Древнепольском государстве, с чем находится в резком контрасте «иная картина» этнических отношений в немецком раннефеодальном королевстве²⁸.

Так, подчеркивает далее Б. Н. Флоря (и этот вывод, как мы видели выше, вполне согласуется с точкой зрения других советских исследователей), в рамках раннесредневековой Германии, «а отчасти и далее» (т. е. в последующие периоды) можно выявить такие этнические общности, как швабы, бавары, саксы. «Эти общности, сложившиеся на базе племенных союзов, а затем племенных княжеств еще до создания на территории Германии единого раннефеодального государства и в его рамках, изменяя свою социальную структуру и превращаясь в феодальные княжества, продолжали сохранять как сознание принадлежности к особой этнической общности, так и своей преемственной связи с лежавшим у ее истоков племенным союзом». Следовательно, по словам Б. Н. Флори, в раннефеодальной Германии, «очевидно, судьбы племенного самосознания оказываются *иными, оно не распадается*, а входит как важный компонент в сознание этнических общностей уже классового общества»²⁹. Иными словами, анализ сохранившихся свидетельств о раннесредневековой Германии и этнических процессах на ее территории вовсе не дает оснований говорить о том,— как полагает Г. Сотиров,— что «элементы более низкого уровня» сохраняются только «*как элементы общего, как носители общенемецкого* народностного сознания»³⁰.

В действительности, как известно, этническая иерархия разных уровней самосознания в Германском королевстве той поры была гораздо более сложной и противоречивой, а тем самым — и в известных чертах сходной с той этнической картиной и системой различных этносоциальных общностей, которую мы наблюдаем, например, в рамках Сербского государства (Дуклянского королевства) XI—XII вв. и образовавшихся позднее на его территории отдельных политических образований. На наш взгляд, создавшееся тогда в Германии (как и на землях полабских славян), а также в древнесербском ареале соотношение разных уровней сознания сближается не только в силу наличия такой многоступенчатой иерархии этнических общностей, но и ввиду появления весьма примечательной — региональной или наднародностной, метаэтнической близости, которая иногда была связана с любопытной динамикой *внутри* этой иерархии общностей.

Как отмечал В. И. Ленин, при анализе национального вопроса важна именно эта динамика, учет данных изменений, т. е. заслуживаю особого внимания «смена эпох; типы стран как исторические ступени этой смены...»³¹ Соответственно постепенному развитию этнического самосознания, в частности в Германии эпохи раннего средневековья, мы наблюдаем не только формирование раннефеодальной немецкой народности и ряда протонародностей, но затем и складывание на базе данных процессов — ряда более узких народностей, упомянутых нами выше (швабской, саксонской и др.); в силу этого изменяется место общеменемецкой народности в создавшейся этнической иерархии, она уже становится народностью *иного уровня*, нежели существующие с ней названные, более узкие и локальные народности. Таким образом, в данном случае имеются основания говорить о тех тенденциях, которые возможно сравнить с образованием *метаэтнических* общностей, характерных, как отмечается в советской этнографической литературе, для докапиталистических обществ³².

Точно так же протекали, как можно судить, процессы складывания этнических общностей у полабских славян, где постепенно, с образованием племенных союзов и началом превращения их в раннефеодальные народности возникает и самосознание регионального (полабского) единства, т. е. наднародное сознание общеполабской принадлежности — в противовес не только немцам, но и соседним славянским народам³³.

Все это, по нашему мнению, позволяет не согласиться с выводом Г. Сотирова, который полагает, будто предложенный нами для сербских земель дополнительный уровень этнической иерархии (а именно — с XI—XII вв. общесербская «наднародность» и, соответственно, «наднародное сознание») — это «конструкция», которая, по его словам, «уж слишком сомнительна и искусственна»³⁴. Как мы отмечали ранее, данный дополнительный уровень (т. е. метаэтнической, или наднародностной, общности) был обусловлен реальными изменениями в этнической структуре сербских земель, когда в рамках древнесербской народности началось обособление Боснии. Между тем, несмотря на то, что таким образом формировалось самосознание особой протонародности (а затем — народности) на территории Боснии, для жителей ее в известных нам памятниках (как местных, так и иностранных) сохранялось тогда обозначение «сербы», применявшееся ранее лишь для населения «внутренней Сербии» (или Рашки) или же — в более широких рамках, т. е. для понятия принадлежности к древнесербской народности³⁵.

Весьма показательны в этом смысле сведения византийского писателя, внимательного наблюдателя и очевидца этих сложных и все еще неясных полностью этапов истории Боснии — Иоанна Киннама. Любопытно, что этот византийский автор, отдавая дань архаизаторским тенденциям византийской литературы (в частности, он сербов называет «далматами»)³⁶, четко отделяет Боснию от других сербских земель не только в географическом, но

и в этнополитическом плане. Так, например, он пишет, что бан Борич стоит во главе «далматской земли Боснии» (речь идет о событиях середины XII в.), что р. Дрина отделяет «Боснию от остальной Сербии»³⁷, а сама «Босния не подчинена архијупану сербов, а народ ее имеет особый образ жизни и управления»³⁸. Следовательно, жители Боснии в ту пору, согласно Киннаму, принадлежали к сербам (или «далматам»), но в то же время — это уже особый народ («этнос» — в сочинении Киннама), обладавший своими отличительными чертами, т. е., добавим, своим самосознанием. Наглядным подтверждением этого ценнейшего сообщения Киннама служит хотя бы грамота боснийского бана Матвея Нинослава (XIII в.), где для жителей Боснии применяется этоним «сръблинь», т. е. серб³⁹.

Примечательно также, что не только данный этоним выполнял в югославянских областях Балканского полуострова в ту пору роль многозначного термина, служившего для обозначения разных этнических общностей, соответственно — разных уровней самосознания. Так, например, в местных латинских памятниках в таком качестве выступает и этоним «славяне», употреблявшийся для определения славянского населения в противовес иным народам и этносам⁴⁰ и одновременно — в более узком, но уже наднациональном значении. Характерным примером этого является этническая терминология Летописи попа Дуклянина, где вовсе отсутствуют этонимы «сербы» и «хорваты», а вместо них мы находим лишь этоним «славяне», применяявшийся, однако, уже только для югославянского населения от Винодола до Диrrахия⁴¹.

Все это, как нам представляется, позволяет более полно исследовать этническую иерархию в южнославянских землях в эпоху раннего средневековья, которая, как мы можем судить даже по скучным свидетельствам сохранившихся письменных источников, нередко была весьма усложненной, многоступенчатой, включавшей разные уровни этнического самосознания. Весьма примечательно также и то обстоятельство, что изучение данного вопроса об иерархичности самосознания и этнических процессах на материале южнославянских народов позволяет делать полезные сопоставления с другими славянскими и неславянскими странами, где в некоторых случаях возможно наметить сходные или близкие тенденции, в частности, наличие не только самосознания общеславянского и отдельных раннефеодальных народностей (а на предшествующем этапе развития — и протонародностей), но и обозначений, применяявшихся для широких этносоциальных и региональных общностей, т. е. общностей наднационального характера⁴².

¹ См., например: Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973; *Он же.* Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981; *Он же.* Очерки теории этноса. М., 1983; ср. также: Королюк В. Д. К исследованиям в области этногенеза славян и восточных роман-

- цев.— В сб.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976; и др.
- ² См., например: Королюк В. Д. О славянском самосознании в Киевской Руси и у западных славян в XI–XII вв.— В кн.: Советское славяноведение: Материалы IV конференции историков-славистов. Минск, 1969; Беркович М. Е. О характере немецкой средневековой этнической общности в XI–XIII вв.— В кн.: Средние века. М., 1973, вып. 36; Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982; и др.
- ³ См., например: Бромлей Ю. В. Этнос..., с. 140–141; Наумов Е. П. Процессы формирования средневековой сербской народности и балканские влахи в XII–XIII вв.— В сб.: Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981, с. 187–191.
- ⁴ См., например: Развитие этнического..., с. 73, 192–193, 242, 264; Королюк В. Д. О славянском..., с. 530.
- ⁵ Бромлей Ю. В. Современные проблемы..., с. 76; ср.: Развитие этнического..., с. 254–255.
- ⁶ Королюк В. Д. О славянском..., с. 533.
- ⁷ Ср.: Королюк В. Д. К исследованиям..., с. 23.
- ⁸ Развитие этнического..., с. 253–256.
- ⁹ Развитие этнического..., с. 189; Бромлей Ю. В. Этнос..., с. 141; Савчук В. С. Проблемы истории полабо-прибалтийских славян (VI–XII вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984, с. 17.
- ¹⁰ Развитие этнического..., с. 242.
- ¹¹ Бромлей Ю. В. Современные проблемы..., с. 48, 51, 277–279.
- ¹² Савчук В. С. Проблемы..., с. 17; ср.: Развитие этнического..., с. 253, 258.
- ¹³ Бромлей Ю. В. Современные проблемы..., с. 277.
- ¹⁴ Там же. с. 279 (курсив наш.— Е. Н.).
- ¹⁵ Бромлей Ю. В. Этнос..., с. 141.
- ¹⁶ См., например: Развитие этнического..., с. 40 и сл.; Бромлей Ю. В. Современные проблемы..., с. 260 и сл.
- ¹⁷ Развитие этнического..., с. 188–189.
- ¹⁸ Ср.: Там же, с. 254–255.
- ¹⁹ Там же. с. 189.
- ²⁰ Ср., например: Наумов Е. П. Процессы..., с. 191.
- ²¹ Ср.: Там же, с. 194; см. также: Историја народа Југославије. Београд, 1953, т. 1, с. 515 и сл.
- ²² Развитие этнического..., с. 197 и сл., 255.
- ²³ Бромлей Ю. В. Этнос..., с. 140–141 (курсив наш.— Е. Н.).
- ²⁴ См., например: Беркович М. Е. О характере..., с. 176.
- ²⁵ Сотиров Г. Новый труд об этногенезе славянских народов.— Старобългаристика, 1983, № 1, с. 102.
- ²⁶ Флоря Б. Н. Формирование чешской раннефеодальной государственности и судьбы самосознания славянских племен Чешской долины.— В кн.: Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981.
- ²⁷ Сотиров Г. Новый труд..., с. 102 (курсив наш.— Е. Н.).
- ²⁸ Флоря Б. Н. Формирование чешской..., с. 125 (курсив здесь и далее наш.— Е. Н.).
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Сотиров Г. Новый труд..., с. 102 (курсив наш.— Е. Н.).
- ³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 389.
- ³² Бромлей Ю. В. Современные проблемы..., с. 54–56.
- ³³ Развитие этнического..., с. 198, 200, 255.
- ³⁴ Сотиров Г. Новый труд..., с. 102.
- ³⁵ Наумов Е. П. Процессы..., с. 194.
- ³⁶ Византијски извори за историју народа Југославије. Београд, 1971, т. IV, с. 27, 29.
- ³⁷ Там же, с. 51, 28.
- ³⁸ Там же, с. 28 (курсив наш.— Е. Н.).
- ³⁹ Новаковић С. Законски споменици српских држава средњега века. Београд, 1912, с. 145.

- ⁴⁰ Ср.: например: Королюк В. Д. О славянском..., с. 531; Литаврин Г. Г. Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках.— В сб.: Вопросы этногенеза..., с. 213; Бибиков М. В. Народы Карпато-Дунайского региона в византийских текстах конца IX–XII вв.— В кн.: Античная балканистика: Карпато-балканский регион в диахронии. М., 1984, с. 5–6.
- ⁴¹ См., например: Шишић Ф. Летопис попа Дукљанина. Загреб; Београд, 1928; Развитие этнического..., с. 192–193; подробнее см.: Наумов Е. П. Летопись попа Дуклянина об этнических представлениях на Балканах (в эпоху раннего средневековья).— СЭ, 1985, № 1, с. 25–35.
- ⁴² Бромлей Ю. В. Современные проблемы.... с. 54, 56; Он же. Очерки теории этноса, с. 82; ср. также: Расы и народы. М., 1982, т. 12, с. 275 (в рец. В. В. Пименова на книгу Ю. В. Бромлея «Современные проблемы этнографии»).

В. Тышкова-Заимова

ФОРМЫ ВЛАСТИ В ВИЗАНТИИ И В БАЛКАНСКИХ ГОСУДАРСТВАХ (ДО X в.)

Центры государственной власти, которые появляются у южных славян, были расположены в районах, хотя и различавшихся в социально-экономическом отношении, но связанных еще с древних времен с государственными формами управления. А это означает, что процессы формирования государственности могли здесь опираться на опыт и традиции предшествующих цивилизаций.

В этой связи на первом месте следует, конечно, упомянуть Византию в ранний период ее развития. Она играла неоспоримую роль в кристаллизации этих процессов. Эта общая постановка вопроса заставляет, однако, коснуться и множества конкретных проблем именно в связи с присутствием Византии на Балканах. Хотя период могущества Римской империи остался позади и императорская власть имела уже сравнительно меньшее значение, римские традиции все же продолжали оказывать серьезное воздействие на процесс становления балканских государств, возникавших близ Византии и в немалой степени в борьбе с нею. Кроме того, Византия по-прежнему находилась «на перекрестке» цивилизаций Востока и Запада, так что около нее фокусировались все те элементы, которые обусловили создание новых общественных структур на Балканах.

Впрочем, в VII–X вв. и сама идея имперского универсализма не прекратила своего развития. После кризисного периода, охватывавшего весь VII в., эта идея продолжала проводиться в жизнь в течение всего времени правления Исаакийской династии, которую некоторые авторы называют (с известной долей модернизации) объединительницей разобщенных частей империи. С особой силой эта идея проявилась в правление императоров

Македонской династии, уже первые представители которой со-действовали новому возвышению империи¹. Начиная с правления Василия I была развернута большая программа «реэллинизации» империи, т. е. отвоевания территорий, утраченных во время крупных славянских нашествий. Эта программа имела особое значение прежде всего потому, что еще задолго до IX в. совершился процесс выделения южнославянских государств, о которых и пойдет речь ниже. У нас есть, таким образом, основания придерживаться традиционных воззрений на значение императорской власти в этот период.

Исследования показывают, что в византийской дворцовой титулатуре сохранялись такие элементы, как *οἰκουμένη* и *κόσμος*, свидетельствующие о том, до какой степени здесь оставалась в силе идея неизменности власти василевса, ее божественного происхождения². Особенно сильный упор в эпоху Исаурийской и Македонской династии делался, кроме универсализма, на принцип внутреннего единства империи, в которой обеспечение постоянного и неизменного «порядка» (*τάξις*) приписывалось именно власти василевса. Этот взгляд широко отражен не только в таких сочинениях, как трактаты Константина Багрянородного, лучше других осведомленного в этих вопросах, но и в юридических сборниках, которые определяли отношения между государем и его подданными. Наконец, он отражен и в посланиях крупных церковных деятелей, таких, как Фотий и Николай Мистик.

Следует, с одной стороны, разграничить несколько этапов развития идеи о власти в Византии в связи с коронацией Карла Великого и последующим разделом Франкской империи (когда в Византии снова начали говорить о западных людях с презрением, как о «народах темных и кочующих»), а также в связи с признанием болгарской государственности и ее эволюцией от языческого периода до времени Симеона, который стремился утвердить новый тип болгарской государственной власти. С другой стороны, и опять же в связи с этими двумя основными событиями, следует рассмотреть также позицию империи в отношении других балканских государств.

Утверждение болгарами своей власти на Дунае и признание Империей болгарской государственности по договору 681 г. сразу же было расценено некоторыми современниками-византийцами как попрание общепринятых норм византийского универсализма, как следствие «грехов», совершенных подданными империи и приведших к нарушению божественного и правового «порядка», о котором шла речь выше.

Вместе с тем болгарские ханы принесли с собой институты, которые имели свою предысторию. Быть может, Болгария Кубрата была временным объединением, не имевшим стабильных поселений, но там, очевидно, закладывались традиции, которые уже достигли значительного развития ко времени, когда оформлялась верховная власть в Дунайской Болгарии³. У протоболгар имелось свое летосчисление: согласно «Именнику болгарских ханов».

первые владетели управляли необычайно долго, что придавало их власти сверхъестественный характер⁴. Важную роль играли династические связи болгарских ханов. Старые протоболгарские традиции нашли отражение главным образом в надписях, в которых утверждалась мысль, что болгарский хан правит *ειχ Θεού*, т. е. что его власть является божественной по своему происхождению. Омуртаг заявлял, что он «хозяин земли, на которой родился». На первом этапе своего существования Болгарское государство отличала строгая иерархия государственного аппарата (расчлененность должностей и функциональное распределение рангов)⁵. Кроме того, в процессе становления болгарской государственности отчетливо проявлялось и определенное отношение к Византии: по мере усиления политической и военной мощи Болгарии власть болгарских ханов (также «божественная») противопоставлялась власти византийских императоров. Конечно, все это отнюдь не проходило без конфликтов и потрясений. Известны династические распри в Болгарии, столкновения про- и антивизантийских партий. Известны также колебания и даже конфликты при осуществлении того, что некоторые авторы определяют как синтез славяно-болгарских институтов, в котором на первый план выступала, видимо, не социально-экономическая, а военно-политическая сфера⁶. С болгарской стороны исходил импульс, направленный на прекращение сепаратистских устремлений отдельных вождей и на обеспечение организованной обороны всей государственной территории⁷.

Временный кризис, последовавший за принятием христианства, показал особенно ясно двойственность процесса становления государственной власти. Борис принял несколько славянских титулов, начиная с самого титула «князь», равнозначного византийскому *ἄρχοντ*. Но отсутствие четкой расчлененности терминов в титулатуре на этом этапе все еще свидетельствовало о различиях в развитии у двух народов (славян и протоболгар) юридических и военных институтов. Известна реакция протоболгарской аристократии, настаивавшей в этот исторический момент на верности «закону отцов». Подчеркнем лишь, что и Симеон действовал еще по этому «закону», не отказываясь, естественно, в то же время от идеи, что он является христианским властителем⁸. Несмотря на то, что этот период уже подвергался подробному изучению в исторической литературе, необходимо еще раз отметить его значение с государственно-правовой точки зрения. С одной стороны, в качестве христианского правителя Симеон, этот «полугрек», хотел выглядеть как защитник болгарской христианской литературы, которая развивалась параллельно и была единой по духу с литературой византийской. С другой стороны, он продолжал политику, направленную на объединение и интеграцию этнической общности в Болгарском государстве, противопоставляя таким образом свою политическую линию византийской. Он же создал своеобразный болгарский «оikуменизм» (конечно, ограниченный балканским регионом), который противово-

стоял византийскому. Развивая свою идею болгарской власти. Симеон опирался на древние протоболгарские традиции, но заимствовал и элементы византийской доктрины власти — с тем, чтобы противопоставить их опять-таки самой имперской власти. Так, Симеон принял регалии царской власти, что явствует из его печатей, на которых изображены крест, корона, земной шар⁹. Мы приблизительно знаем, какие именно знаки отличия были пожалованы Борису империей — «крестной матерью» нового христианского владетеля — и что из всего этого было воспринято Симеоном. Византийские авторы говорят о короне (*στέφανος* и *στέψις*)¹⁰. В миниатюрах хроники Скилицы (Мадридская рукопись) видна разница в одежде болгарского правителя в языческий и христианский периоды. Тем не менее Иван и Боян-Вениамин выразили явное нежелание принять новую дворцовую одежду, которая означала для них отказ от «традиций отцов». Кроме того, до конца X в., несмотря на оформление славяно-болгарской общности и заимствование ряда государственно-политических институтов из Константинополя, не исчезли и такие важнейшие собственно болгарские должности и ранги, как, например, кавхан, а по мнению некоторых исследователей, сохранились и старые административные подразделения государства (комитаты). Но упрочившееся государственное, а затем и народностное единство (чему способствовало само государство) закреплялось также в сознании более широких кругов болгарского общества. Это нашло отражение, например, в более поздней анонимной легенде, относящейся к XI в., но, бесспорно, основанной на сложившемся ранее предании: в легенде поставлены в один ряд хан Аспарух, основатель Плиски и Дристы, и какой-то князь Слав, воплощавший славянское начало¹¹.

В течение всего VIII и IX вв. Византийская империя строила свои отношения с уже сложившимися славянскими общественными структурами на Балканах. И сами они вступали в отношения с империей и существующим с конца VII в. Болгарским государством, которое становилось все более славянским, объединяя в своих пределах славян так называемой болгарской группы. Процессы образования государства у других групп южных славян протекали медленнее, поскольку у них не было центра, вокруг которого они могли бы объединиться. В силу этого отсутствовала и синхронность в этапах развития этих славян и тех, которые оказались в границах Болгарского государства.

Остановимся на некоторых важных моментах внутреннего развития сербов и хорватов, и — в меньшей степени — карантанцев, развитие которых было связано в большей степени не с Балканами, а с Центральной Европой. Все большее подтверждение находит мнение, что жупная организация, сохранившая архаические формы, утверждалась там повсюду¹². В западных частях полуострова процесс складывания догосударственных образований, характерных и для германских областей, протекал в течение более продолжительного времени.

Близость между племенными группами сербов и хорватов была весьма велика. Это находило иногда отражение даже в неопределенности представлений об их этнической территории. Так, например, в некоторых текстах упоминается, что «сербы» населяли земли к западу от Дукли, в других же источниках те же земли называются «хорватским» владением. В X в. именем «Хорватия» обозначали и словенские земли, и часть Босны. Есть случаи, когда даже земли самих карантанцев определялись как «сербские». И наоборот — в IX в. наименование «карантанцы» давалось и некоторым паннонским славянам¹³.

В историографии справедливо подчеркивалось, что и сама географическая раздробленность сербов являлась одной из причин более медленного оформления у них единой государственной власти: это явствует из перечисления племен, которые, согласно Константину Багрянородному, населяли несколько регионов и постепенно группировались около одной «архонтии». Эти племена образовывали иерархическую структуру, в которой мало-помалу выделялось объединение во главе с более высокопоставленным «архонтом». Приведем еще одно сообщение из сочинения того же автора. «Страна тервунитов и капалитов представляет собой одно целое», — пишет он. Наиболее характерна эта внутренняя иерархичность отношений между сербскими племенами для эпохи Властимира (830—850). Этот «архонт» выдал свою дочь замуж за Крайну, сына травунского жупана Белоя, и сделал его «самостоятельным» (τέξιος). Из этого следует, что ранее травунский жупан был подвластен «архонту». Но внутренняя спайка объединения Властимира оставалась слабой, сразу после смерти «архонта» его государства распалась, и дело дошло до столкновений между его тремя сыновьями.

Говоря о более слабо выраженной динамике оформления государственной власти у сербов, надо подчеркнуть и тот факт, что главные центры сербских объединений располагались вдали от Византии. Она не представляла здесь непосредственной и постоянной угрозы, как это имело место в отношении Болгарского государства. Независимо, однако, от своей территориальной удаленности Византия, проводя последовательную универсалистскую политическую линию, вовлекала в сферу своего влияния также и сербские и хорватские земли. Не случайно, по данным Константина Багрянородного, история сербского и хорватского расселения на Балканах в VII в. начиналась с федератских отношений этих славян с империей. (Особенно большое значение для Византии имела Далмация, города которой сохраняли до XI в. статус особой византийской фемы). Отношение Византии к этому славянскому региону выражалось со времени Василия I в традиционных приемах — империя посыпала сюда своих церковных миссионеров, стремясь постепенно привязать христианизируемых славян к константинопольской церкви¹⁴.

Для истории становления Хорватии имело значение влияние не только Византии, но и Аварского хаганата. В состав этого

объединения полукочевого типа (по мнению некоторых археологов, оно переживало тогда третий этап развития кочевого общества — этап полуоседлости) входила некоторое время часть хорватских земель. Во второй половине VII—VIII в. Аварский хаганат еще сохранял свою силу, хотя действия аваров против Византии после безуспешной осады Константинополя в 626 г. носили весьма ограниченный характер. Конечно, хаганат играл отрицательную роль в деле оформления хорватской государственности, но нестабильностью отличались и централизующие тенденции у самих хорватов: интеграция здесь чередовалась с дезинтеграцией — как в ранний период, так и в IX в.¹⁵

Одной из сил, которые имели серьезное значение для процессов становления государственной власти у славян в западных частях Балканского полуострова, была Франкская империя¹⁶. Здесь излишне повторять, как отнеслась сама Византия к имперской коронации Карла Великого в 800 г. Важнее то, что по отношению к внутренней Хорватии имело место своего рода соперничество между обеими империями, которые старались установить свой контроль над северо-западными балканскими районами и ограничить самостоятельность местных славянских владетелей. Решающую роль играло здесь не столько различие внутренних структур, сколько различие внешнеполитических ориентаций. Хотя институт центральной княжеской власти у хорватов приобрел в IX в. уже известную стабильность, он оказался под двойкой «опекой». Никифор I Геник и Карл Великий договорились о том, чтобы далматинское побережье осталось византийским владением, как уже было упомянуто, а внутренняя Хорватия и Истрия находились под контролем франков. Нам кажется весьма справедливой постановка вопроса о вассальной зависимости посавского и далматинско-хорватского князей от франкского императора в начале IX в.: вассалитет предусматривал санкцию сузерена при наследовании княжеской власти, участие в походах императора и личную явку к его двору¹⁷. Против этого положения встала со временем группировка посавского князя Людовита, который воевал против франков с помощью карантанцев и славян болгарской группы, проживавших по течению Тимока. Далматинский князь Борна, однако, действовал на стороне франкского императора. Во времена Льва V и Михаила II Византия снова предъявила претензии на протекторат над внутренними хорватскими землями. Именно тогда племянник Борны Ладислав принял власть не только «по просьбе народа», но и «с согласия императора». Другими словами, в ходе соперничества между Византией и Франкским государством в Хорватии оформилась единая княжеская власть, но, несмотря на это, до политической самостоятельности Хорватии дело не дошло. После 843 г. и наступившего распада Франкской империи Хорватия как особое самостоятельное государство в источниках не упоминается, хотя, вероятно, оно сохранилось, находясь в вассальных отношениях, а не в отношениях прямого подчинения.

По мнению некоторых исследователей, Трпимир оставался вассалом Лотаря I, короля Италии, которого он упоминает в своей грамоте от 852 г. Известно, что немного позже, в связи с арабской осадой Бари, Людовик II, называемый «императором Италии», нашел поддержку у Василия I и некоторых сербских правителей, а на втором этапе борьбы вмешался в ход дел и хорватский князь Домагой. Так как в дальнейшем отношения между византийцами и славянами в Далмации стали враждебными, Людовик II отправил письмо в Константинополь, в котором именовал Хорватию «*Sclavinia nostra*», а хорватов — «*Sclavi nostri*». Немного позже Бари снова оказался в византийских руках, и славяне-неретвляне признали византийскую власть¹⁸.

Мы привели эти несколько примеров, чтобы показать, как сложны были отношения в этом районе полуострова, где, добавим, наряду с соперничеством двух великих держав, имело место вмешательство и Болгарского государства, начиная с правления Омуртага и Пресиана. Временно установившееся двустороннее соперничество вновь стало трехсторонним (место Аварского хаганата было, так сказать, занято Болгарским государством) — главным образом, во второй половине IX — начале X в. Константин Багрянородный не случайно два раза подчеркнул, что Византия, а не Болгария имеет право на власть над сербскими и хорватскими землями. Он добавил при этом, что подношения, которые были сделаны Болгарию Сербией и Хорватией, были «дарами» (*ξενία*), а не «данью» (*πάκτω*)¹⁹. Томислав добился титула «*rex Chroatorum*», когда Симеон отказался отстаивать свои интересы в северо-западной части полуострова (было ли это временным решением или нет, мы не знаем, потому что вскоре после этого Симеон умер).

Итак, приведенные выше характерные моменты во взаимных отношениях между разными политическими силами могли бы помочь нам проследить особенности процессов формирования государственной власти на Балканах. В Болгарии существовала определенная централизация власти, лишь частично основанная на византийской модели, поскольку сочеталась с протоболгарской политической традицией. Сложившаяся к середине X в. болгарская государственная система обладала большой устойчивостью, сохраняя свои традиции в течение следующих веков. В XI—XII вв., когда Византия снова добилась перевеса над Болгарским государством и временно покорила его, эта традиция продолжала жить в полуофициальной литературе, где выражалась уверенность в конечной победе и возрождении Болгарии. Централизация сохранялась в течение долгого времени и после восстановления Болгарии. Между тем, империя Карла Великого распалась в течение всего нескольких десятилетий, и хотя позднее она была восстановлена, ее можно характеризовать скорее понятием «*ministerium*», нежели «*auctoritas*»²⁰. Особенно ясно это проявилось впоследствии при Оттонах, при которых делался упор на том, что власть императора «делегирована» ему при посредниче-

стве римского папы, игравшего эту внешнюю роль в связи с коронацией. Образ древнего Рима сохранялся теперь больше в формулах, служащих для классификации государственных систем на Западе²¹. Известно, между тем, что по отношению к Византии теория континуитета по-прежнему оставалась в силе, сохранялась также и идея неразрывной теоретической связи между светской и императорской духовной властью. Болгарская государственная система была близка, как мы уже сказали выше, к византийской модели, но в Болгарии в то же время была создана своя собственная модель, которая оказалась более приемлемой для остальных южнославянских государств на Балканах. Как и в Болгарии, в этих государствах имело место активное использование захваченной земли при поддержке государственной власти (мы оставляем вне рассмотрения возникшие позднее Валахию, Молдавию и Албанию).

В развитии государственной власти в более позднюю эпоху у других народов Балканского полуострова важную роль играло, бесспорно, влияние Византии и Болгарии, которые благодаря своему государственному авторитету превосходили возникавшие, но еще не достигшие зрелости политические организмы, особенно те, у которых не было стабильного центра, вокруг которого могла бы сформироваться устойчивая верховная власть. Что касается Аварского хаганата, то его сильная военная организация еще не являлась, по-видимому, свидетельством большой зрелости социальных отношений, если сравнить его структуру со славянскими обществами, имевшими земледельческие традиции²². Это тем более верно, что в период, когда оформлялись южнославянские государства, хаганат уже приходил в упадок.

²¹ Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'Empire byzantin. P., 1975, p. 29 sq., 39 sq.; Obolesky D. The Byzantine Commonwealth. L., 1971, p. 202sq.

²² Mastino A. Orbis, οἰκουμένη, κόσμος: l'idea di impero universale da Augusto a Teodosio.—In: Roma, Costantinopoli, Mosca (Da Roma alla terza Roma): III Seminario internazionale di studi storici, 21–23 aprile 1983. Roma, 1983, p. 15–100.

³ Литаврин Г. Г. К проблеме становления болгарского государства.—Сов. славяноведение, 1981, № 4, с. 30.

⁴ Дуйчев И. Именник на първобългарските ханове и българската държавна традиция.—Векове, 1973, № 1, с. 8; Täpkova-Zaimova V. Le passé et le présent dans les relations byzantino-bulgares.—Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik, 1982, Bd. 32, S. 215.

⁵ Каймакамова М. Политическо утвърждаване на България през VII–IX в. според българската историко-летописна традиция.—В кн.: България в света от древността до наши дни. С., 1979, т. 1, с. 311–317.

⁶ Литературу по этим вопросам см.: История на България. С., 1981, т. 2, с. 207.

⁷ Златарски В. Н. История на българската държава. С., 1918, т. 1, ч. 1, с. 151–192; Литаврин Г. Г. Формирование этнического самосознания болгарской народности (VII – первая четверть X в.) — В кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с. 63–74.

⁸ Войнов М. Промяната на българо-византийските отношения при цар Симеон.—Известия на Института за история при БАН, 1967, т. 18, с. 147–202.

- ⁹ Герасимов Т. Три старобългарски моливдовула.— Известия на Българския археологически институт, 1934, т. VIII, с. 350; *Он же*. Оловни печати на български царе Симеон и Петър.— Там же, 1939, т. XII, с. 355.
- ¹⁰ Тъпкова-Заимова В. Към вопроса за византийското влияние върху българското облекло.— Известия на Института за българска история при БАН, 1955, т. 1, с. 303; Божков А. Мициатюри от Мадридския ръкопис на Йоан Скилица. С., 1972.
- ¹¹ Литаврин Г. Г. Формирование..., с. 73.
- ¹² Бромлей Ю. В. Стаповление феодализма в Хорватии. М., 1964, с. 176–178.
- ¹³ Grafenauer B. Die Völker Jugoslaviens.— In: Actes du 1er Congrès international des études balkaniques et sud-est européennes, III. Histoire. S., 1969, p. 32–33, 45.
- ¹⁴ Тъпкова-Заимова В. Възникването на южнославянските държави и Византия.— Славянска филология, 1973, т. 14, с. 49 и сл.
- ¹⁵ Грачев В. П. Сербская государственность X–XIV вв. М., 1972; Havlik L. The Slavic Balkan states in 9th century.— In: Rapports, co-rapports, communications tchécoslovaques pour le IVe Congrès de l'Association internationale d'études Sud – Est européennes. Пр., 1979, p. 95–98.
- ¹⁶ Loungis T. C. Les ambassades byzantines en Occident depuis la fondation des Etats barbares jusqu'aux Croisades (407–1096). Athènes, 1980, p. 179–211.
- ¹⁷ Ронин В. К. Франко-хорватские отношения в трактате Константина VII Багрянородного «Об управлении империей».— Византийский временник, 1983, т. 44, с. 65–66.
- ¹⁸ Наумов Е. П. Возникновение этнического самосознания раннефеодальной хорватской народности.— В кн.: Развитие этнического самосознания..., с. 173–176; *Он же*. Формирование самосознания древнесербской народности.— Там же, с. 189–191.
- ¹⁹ Тъпкова-Заимова В. Възникването..., с. 50–51.
- ²⁰ Siniscalco P. Roma e le concezioni cristiane del tempo e della storia nei primi secoli della nostra era.— In: Roma, Costantinopoli, Mosca, p. 40 sgg.
- ²¹ Херман Й. Българската държава от VII–IX в. и проблемът за държавните структури и държавните типове в средна и източна Европа.— В кн.: Българската държава през вековете. С., 1982, т. 1, с. 17–32.
- ²² Это мнение об аварской «модели» поддерживает Г. Ловмяньский (Ловмяньский Г. Происхождение славянских государств.— ВИ, 1977, № 12, с. 189–190).

Д. Тржешник

СРЕДНЕЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕЛЬ ГОСУДАРСТВА ПЕРИОДА РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Для большинства историков империя Карла Великого и его преемников является до сих пор каким-то идеальным типом государства эпохи раннего средневековья. Это вытекает из традиций европейской медиевистики, которая зародилась именно в государствах — преемниках этой империи, и эти традиции повлияли также на марксистскую историографию, прежде всего потому, что К. Маркс и Ф. Энгельс строили свои теоретические представления о возникновении раннефеодального государства

на примере как раз империи Каролингов. Империя Каролингов стала, таким образом, образцом, с которым сопоставлялись остальные ранние государства Европы. Но Европа не ограничивается и даже в период раннего средневековья не ограничивалась территорией между Рейном и Атлантикой — ее политическое лицо сформировалось не в IX, а в конце X в.¹ На территории бывших «окраин» возник тогда ряд государств — от Скандинавии и могучей Киевской Руси до Средней (Центральной) Европы, где тогда рядом с новой Германской империей образовались три государства, раньше всего — Чешское (примерно 935—960 гг.), затем — Польское (после 960 г.) и, наконец, Венгерское (приблизительно 1000 г.). Все эти новые государства стояли перед столь же неотложными проблемами обеспечения своего существования, как империя Каролингов, однако при их решении они избрали совсем другой путь. Среди них особую группу образуют среднеевропейские государства, которые по структуре, организационным принципам и отдельным институтам так схожи друг с другом, что невозможно преодолеть впечатление, что они строились по единой модели, либо самопроизвольно возникшей, либо заимствованной откуда-то в готовом виде. Исследования последних лет поэтому приводят к общему выводу, что следует говорить о едином типе государства, относящегося к раннему средневековью², который мы могли бы называть среднеевропейским типом, так же как, очевидно, к одному особому типу принадлежали, например, скандинавские государства. Это региональное ограничение одновременно указывает, что, видимо, здесь дело не только в типологическом сходстве между отдельными государствами, но и в генетическом, определяемом общим происхождением модели.

В то же время, однако, верно, что это несомненное единство организационных принципов среднеевропейского государства не обусловливалось этническим единством населения региона. Хотя мы в Польше и Чехии имеем дело с относительно очень мало дифференцированным славянским земледельческим этносом, в Венгрии, однако, речь идет о кочевом угро-финском этносе с сильной примесью тюркских элементов (в особенности среди знать), который наложился на ранее здесь поселившееся земледельческое славянское население. Это одновременно означает, что среднеевропейское государство не может являться результатом «классического» процесса возникновения государства путем завоевания, подчинения земледельцев кочевниками. Если такой вариант и можно было бы принимать во внимание по отношению к Венгрии, то в отношении Чехии и Польши это полностью исключено.

Различия между среднеевропейским и западноевропейским государством, развивавшимся на основе каролингских традиций, обнаруживаются ярче всего именно при решении основной проблемы обеспечения существования государства, т. е. прежде всего — содержания государственного аппарата. В обоих случаях

экономическая сила государства основывалась на крупном землевладении, разница, однако, состояла в том, что пржемысловский, пястовский или арпадский правители были не только самыми крупными землевладельцами в стране, но единственными землевладельцами. Все эти правители распоряжались по существу неограниченно почти всем хозяйственным потенциалом страны, т. е. прежде всего землей и людьми. Они распоряжались ими не как частные лица, какими являлись по отношению к своим имениям правители Запада, но как главы государств, значит, говоря современным языком, на основе своей публично-правовой власти.

В такой ситуации само собой очевидно, что социальная и хозяйственная основа управления государством по существу совпадали. Его основной опорой была так называемая «градская организация», т. е. территориальное, юридическое, полицейское и военное управление, опирающееся на грады, в которых жили чиновники князя³. Аналогичное территориальное управление было, конечно, известно во всей Европе, однако только в средней Европе оно последовательно связывалось с градами⁴, и его юрисдикция распространялась на всех людей административного округа, центром которого был град. Земель, изъятых из-под этой юрисдикции благодаря предоставлению иммунитета, иммунитетных владений, которых это правоочие не касалось, до XII в. не существовало. Управлению градов полностью подчинялось и церковное управление. Первые костелы возникли на градах, учрежденные при них священники являлись скорее чиновниками князя, чем епископа⁵. Грады контролировали жизнь населения до мельчайших подробностей, действенность этого контроля, однако, зависела от численности государственного аппарата. Этот аппарат необходимо было также содержать и награждать. На Западе эту проблему решали путем выделения ленов из владений правителя, в среднеевропейских государствах избрали другое решение: правитель предоставлял своим чиновникам (в том числе и священникам) долю из своих доходов, значит, он давал им не землю и людей, а часть доходов, взимаемых и собираемых в градах. Весь правящий класс, таким образом, практически совпадал с чиновниками и воинами правителя, и весь он жил на государственные доходы.

Рядом с градской организацией существовала в среднеевропейских государствах также и собственно хозяйственная организация, так называемая служебная организация⁶. Эта организация ориентировалась не на производство, а на удовлетворение самых различных потребностей государственного аппарата, она должна была не производить материальное имущество, а предоставлять все необходимые службы, содержать, снабжать и обслуживать правителя и его людей. На Западе существовало нечто подобное, известное как «servitium regis», однако лишь в имениях правителя и церкви и в гораздо меньшем масштабе⁷.

Экономический принцип этой организации был прост, но осуществить его было нелегко. Сельское хозяйство давало прак-

тически постоянный прибавочный продукт, который нельзя было увеличить. Значит, необходимо было эту ограниченную сумму прибавочного продукта распределить таким образом, чтобы удовлетворить максимальные запросы потребления. Это был основной принцип всякой замкнутой экономической системы и из него неизбежно вытекала необходимость тщательного планирования⁸. Для удовлетворения государственных нужд требовалось самые различные изделия и службы, однако, если бы этим занимались специализированные ремесленники и слуги, необходимо было бы их содержать, и тем самым имеющаяся совокупность прибавочного продукта значительно уменьшилась бы. Правитель поэтом размещал своих слуг и ремесленников в окрестностях своих дворов и замков, дав им землю, и брал от них только часть их труда, либо освобождал целые деревни своих крестьян от большинства налогов и повинностей и возлагал на них наследственную, «на вечные времена», особую службу. Характер службы затем часто давал название деревне. Местные названия, как Винарже (виноделы), Штитары (они производили щиты), Златники (они обрабатывали или промывали золото), Праче (они стирали — по-чешски «прали» — белье гарнизонов на градах), Псары (они ухаживали за охотничими собаками князя) и т. д., до сих пор являются значительной составной частью местных названий в Чехии, Польше и Венгрии.

Служебная организация была, конечно, только одной составной частью комплексного планирования средневероятского государства. Другим значительным источником доходов князя были налоги и повинности лично свободного населения и, конечно, урожай с личных владений князя, обрабатываемых в большинстве случаев рабами. Средневероятское государство можно, таким образом, приравнять к одной большой усадьбе, где поселился князь со своими воинами и где все остальное население являлось по существу зависимыми крестьянами князя. Очевидно, что это государство должно было основываться на совершенно иной общественной структуре, чем та, которая преобладала на западе Европы. Основное и решающее различие состояло в том, что в Центральной Европе не существовало никакого «частного» крупного землевладения и тем самым никаких «частных» подданных или феодалов. Все люди, т. е. и аристократия, и простой народ являлись в политическом смысле подданными правителя. Масса населения, однако, подчинялась князю также и экономически. Тем, что она платила ему налог и выполняла для него различные повинности, она отдавала ему часть своего прибавочного продукта и своего прибавочного труда. Эти прибавочные продукты и труд образовывали львиную долю той суммы экономических источников существования государства, которую необходимо было принимать в расчет во время «планирования» потребностей государства и которая в конечном счете распределялась самым различным образом среди господствующего класса, являясь, следовательно, основой его существования.

Источники свидетельствуют о нескольких различных критериях, в соответствии с которыми подразделялась социальная общность. Основным, как и во всей Европе, выступало деление на свободных и несвободных, причем несвободные, рабы принадлежали к собственно обществу только отчасти⁹. Следующим дифференцирующим критерием, особенно четким в Польше и Венгрии, было деление общества на воинов и простых земледельцев, которое только частично совпадало с делением на «народ» и «знатных». Разница состояла в том, что не все воины принадлежали к числу «знатных». В Чехии, например, последовательно отличались «воины первого ряда» от «воинов второго ряда», причем только первые из них считались знатными¹⁰. «Milites secundi ordinis» в Чехии, «milites» с особым «ius militare» в Польше и «iobagiones» в Венгрии¹¹ считались свободными. Однако «неблагородные» воины, освобожденные от большинства служб и даней в пользу князя, платили налог, установленный для свободных и собираемых в Чехии и в Венгрии — первоначально и в Польше — всегда в деньгах¹². Знатные воины не были подданными князя. Они не платили налогов и были обязаны князю только верностью, но не безусловным повиновением¹³. В Чехии, например, четко различали, что князю как военному начальнику надо оказывать повиновение, а по отношению к нему как правителю надо соблюдать верность¹⁴. Князь являлся прежде всего воином, так же как и его «верные», и лишь затем военачальником и правителем. Отношения верности не были отношениями службы, они одинаково обязывали как правителя, так и его воина, их верность была взаимной, и выражением ее были дары, награды и должности, с одной стороны, и безупречная служба, — с другой¹⁵.

Массу населения составлял простой народ, к которому в источниках причисляют как познатных воинов, так и «крестьян князя». Обе эти категории подчинялись управлению града, они считались «людьми града». Этот народ включал в себя несколько групп, самой значительной из которых были «крестьяне князя» (*rustici ducis*), свободные люди, которым земля принадлежала по наследству, поэтому они часто назывались «дедичами»¹⁶. Те свободные, которые сидели на земле, пожалованной им в пользование князем, назывались «гостями» (*hospites*). С предоставленной им в пользование земли они вносили плату¹⁷. Между свободными и несвободными стояли слуги князя.

За этой картиной, как ее изображают источники, скрываются по существу целых три уклада одновременно. Первым является уклад, основанный на частной собственности типа франкского аллода. Этот уклад характерен для простого крестьянского населения, прежде всего для «дедичей». Они и до возникновения государства не жили в родовых общинках, у них уже полностью развились частная собственность, и они были объединены самое большое связями типа соседской общины¹⁸.

Догосударственного происхождения, наверное, был и другой

уклад, реализованный в усадьбах аристократии¹⁹ и основанный на такой же частной собственности типа аллода, однако с более распространенным использованием рабского труда и с некоторыми другими, только на вид прогрессивными элементами, заключавшимися в наделении рабов землей и в подчинении ранее свободных людей связями даннической зависимости. С этими элементами мы встречаемся в аналогичных аллюдальных владениях во всей Европе²⁰, но они нигде не сыграли прогрессивной роли²¹. Прогрессивным становится только крупное землевладение, и оно возникает не путем роста этого мелкого аллюдального имущества. Значит, этот уклад был способен лишь к воспроизведству, не сопровождаемому изменениями.

Это «дворовое хозяйство» вельмож перешло в новое государство практически без изменений, тогда как старый уклад, характерный для жизни земледельческого населения, был глубоко преобразован, однако не изнутри, путем взаимодействия противоположностей, свойственных его структуре, а извне — государством. Система «княжеского права» являлась новым укладом, который в X—XI вв. полностью господствовал и определял характер общества и государства. В отношениях государства и княжеских крестьян, в которых были превращены первоначально свободные собственники аллодов, мы должны поэтому искать «скрытую основу всей общественной конструкции»²² среднеевропейских государств. Это, конечно, вопрос не простой, и понятно, что взгляды на этот вопрос значительно расходятся.

Очевидно, что и существенные и производственные отношения в системе «княжеского права» отнюдь не совпадают с западноевропейскими, как они представлены в классической сеньории. В наших государствах мы не находим «частных» поземельных собственников и даже «частных» подданных. Единственные подданные, которых мы знаем, это — подданные государства. Такое положение «государственного подданства», где земледельцы прямо подчиняются государству и правящий класс состоит только из чиновников правителя, мы находим во многих формах во всем мире. К. Маркс когда-то характеризовал его в общем как азиатский способ производства²³. Аналогия с этим производственным способом действительно привлекательна, она даже заходит так далеко, что во многих государствах мы находим и элементы служебной организации²⁴. Однако налицо одна весьма принципиальная разница. Все «азиатские» государства основывались на подчинении родовых общин, однако в среднеевропейских государствах исходным пунктом являлось существование частных собственников, значит, государство не могло как бы «вдвинуть» себя на место общины и таким образом ее экспроприировать. Государства азиатского типа нельзя сравнивать с государствами среднеевропейскими.

Значит, принципиальный вопрос состоит в том, можно ли их считать феодальными, т. е. являлась ли разветвленная и сложная система налогов и служебных обязанностей по отношению к

князю и всему правящему слою, который в ней принимал участие, поземельной рентой, т. е. прибавочной работой и прибавочным продуктом, отбиравшимся у княжеских крестьян. В таком случае, однако, государство должно было бы быть как собственником земли княжеских крестьян, так и их господином. Оно должно было бы лишать их как их собственности, так и свободы. Оба эти условия являются необходимыми для возможности получать ренту от непосредственного производителя, который держит — в большинстве случаев по наследству — землю и самостоятельно ее обрабатывает собственными орудиями и которого, следовательно, нельзя путем экономического принуждения заставить платить ренту. Бессмысленно предполагать, что князь сообщил бы народу, что с определенного момента устанавливает свою собственность над его землей. Дело обстояло по-другому. Исходным пунктом феодализации была не собственность, а свобода. Достаточно было потребовать со свободного аллодиста дани и работы в виде службы, чтобы это тут же было воспринято как потеря свободы. Когда император Генрих IV стал со свободных саксонских крестьян требовать дани, это привело к восстанию, которое ознаменовало собой начало крупных, структурно обусловленных потрясений в империи, обозначаемых традиционно как борьба за инвеституру. Тогда, по преданию, один из вождей восстания говорил: «Не принимайте, славные саксы, не принимайте крепостного ига, не допускайте, чтобы ваша наследственная земля стала оброчной,... удерживайте руки свои от оплаты налога, сохраните вашу собственность свободной, как свободной вы ее получили от ваших отцов»²⁵. Наверное, нельзя было более четко выразить, как тесно связана была свобода аллодиста с его собственностью. Как только государство начинало требовать со свободных людей налогов и службы, это неизбежно обозначало — и не только в представлениях людей, — что они лишены и свободы, и собственности. Значит, эти налоги являлись фактически поземельной рентой, и наследственная собственность княжеских крестьян стала в действительности только наследственным владением. Собственность на их землю была феодальной собственностью с типичным для нее раздвоением: с одной стороны, она являлась собственностью крестьян, с другой стороны — князя, который имел определенную верховную власть над их землей.

В этом разделении собственности на землю и власти над людьми и заключена собственно тайна «общественной конструкции» среднеевропейских государств. Сами по себе эти основы не являются типичными только для среднеевропейского государства. Его исключительная особенность, которая дает нам право видеть здесь единый тип, состоит скорее в поразительном сходстве конкретных учреждений Чехии, Венгрии и Польши: служебной организации, специфической формы градской организации, устройства королевского двора, церковной организации и т. д., т. е. внешних форм, которые не вытекают с необходимостью из основополагающей общественно-экономической структуры. Сход-

ство столь велико, что часто высказывалось предположение, будто здесь имел место общий образец. Если принять это предположение,— а все заставляет его принять,— то надлежит думать или об империи Оттонов X в. или о каком-либо более раннем государстве. Здесь следует обратить внимание прежде всего на Великую Моравию уже потому, что Чехия являлась ее непосредственной преемницей, как отчасти и Венгрия. Что касается Польши, то для нее образцом послужила, очевидно, Чехия. Если, например, исследовать структуру дворцовых должностей, то можно определить, что для них ни в коем случае не мог стать образцом двор Оттонов, а только непосредственно двор Карла Великого²⁶. Если же мы рассмотрим вопрос о зарождении служебной организации, то обнаружим самые древние следы ее в Баварии Агилольфингов, т. е. именно в эпоху Карла Великого, причем характерно, что здесь она исчезла, по-видимому, в связи с внедрением франкского крупного землевладения. К аналогичным результатам мы приходим и при наблюдении за организацией церкви. Архиепископиаты, существовавшие при градских костелах в X—XI вв., невозможно было заимствовать с тогдашнего Запада, так как там они исчезли уже в IX в. Значит, у нас отсутствует промежуточное звено, и им в подобном положении могло быть только Великоморавское государство. Его внутреннюю организацию мы знаем пока недостаточно, так что суждения о происхождении модели среднеевропейского государства из Великой Моравии остаются только гипотезой, которую подтвердит или опровергнет дальнейшее исследование.

¹ Tymieniecki K. Z dziejów tworzenia się Europy w X wieku.— Przegląd Zachodni, 1955, r. 11, s. 126—163; Dvornik F. The Making of Central and Eastern Europe. L., 1949.

² Мы пока не располагаем такой специальной работой, которая имела бы целью систематическое сравнение структуры и типа эволюции государств Центральной Европы. Убеждение в идентичности Чешского, Польского и Венгерского государства как институтов с принципиально единой общественной структурой в эпоху раннего средневековья было до сих пор результатом изучения отдельных государственных учреждений. Мы сами пришли к нему несколько лет назад путем сравнительного исследования так называемой служебной организации (Cp.: Kremieńska B., Třeštík D. Služebná organizace v raně středověkých Čechách.— CsČH, 1964, r. 12, s. 665; Idem. Zur Problematik der Dienstleute im frühmittelalterlichen Böhmen.— In: Siedlung und Verfassung Bohemens in der Frühzeit. Wiesbaden, 1967, S. 92). Это предположение для истории Венгерского государства подтвердил М. Кучера (Cm.: Kučera M. K problému včasnostredovekej služobníckej organizácií na Slovensku.— HC, 1964, r. 12, s. 571; Idem. Sociálna struktúra obyvateľstva Slovenska v 10.—12. storočí.— HC, 1965, r. 13, s. 44; Idem. Anmerkungen zur Dienstorganisation im frühmittelalterlichen Ungarn.— In: Zborník Filozofickej fakulty University Komenského v Bratislavě: Historica, 1970, t. 21, s. 119, 121). На тех же позициях стоит и Д. Геккенаст (Cm.: Heckenast G. Fejedelmi (királyi) szolgálónépek a korai Árpád-Korbau. Br., 1970, 66 I.). Сравнительным изучением градской организации с этой точки зрения занимался Т. Лялик (Cm.: Lalik T. Organizacja grodowo-prowincjonalna w Polsce XI i początków XII w.— In: Studia z dziejów osadnictwa, 1967,

- t. 5, s. 6–9; *Idem*. Sors et aratrum. Contribution à l'histoire sociale de la grande propriété domaniale en Pologne et Bohême au Moyen Age.—KHKM, 1969, r. 17, s. 4–7; *Idem*. Wiośc kanoników starobolesławskich w pierwszej połowie XI wieku. Ze studiów nad organizacją domeny książęcej.—KHKM, 1971, r. 19, s. 399–401). Есть и ряд другихпольских работ на эту тему. Так, типологию структуры власти в государствах Центральной Европы разрабатывает в некоторых своих исследованиях Ст. Руссоцкий (Cp.: *Russocki St.* Rola «fidelitas» i «beneficium» w ustroju państw słowiańskich.—In: *Z polskich studiów slawistycznych*, ser. 4. *Historica*. W-wa, 1972, s. 68, 78; *Idem*. Zgromadzenia przedstanowe średkowej Europy.—*Czasopismo Prawno-Historyczne*, 1973, r. 25, s. 1; *Idem*. Początki zgromadzeń stanowych w Europie średkowej.—*Przegląd Historyczny*, 1975, r. 66, s. 169–172; *Idem*. Prémisses d'un «Constitutionnalisme» médiéval: le «Ius resistendi» dans le Centre-Est de l'Europe.—In: *L'Album Elemér Malyusz*. Bp., 1976, p. 185–197).
- ³ Обзор литературы по проблемам всех трех государств дает Т. Лялик (*Organizacja...*, s. 5, przyp. 1).
- ⁴ Аналогичная градская организация существовала во Фландрии и Бургундии. (Cm.: *Studia historyczne: Księga jubileuszowa St. Arnolda*. W-wa, 1965, s. 97–107). Этим вопросом затем специально занимался М. Миттераэр (*Mitterauer M.* Herrnburg und Burgstadt.—*Zeitschrift für bayerische Landesgeschichte*, 1973, N 36, S. 470–521). Из его обзора явствует, что градская организация центральноевропейских государств, вопреки мнению самого М. Миттераэра, практически не имеет аналогии в других регионах Европы.
- ⁵ На роль церковного управления в рамках градской организации указывают так называемые Декреты Бржетислава I 1039 г. Они приведены в хронике Козьмы Пражского (*Cosmae Pragensis Chronica Boemorum*, II, 4 (MGH SS rer. germ. NS II). B., 1923, p. 86–88). Cp.: *Hrubý Fr. Církevní zřízení v Čechach a na Moravě a jeho poměr ke státu*.—ČCH, 1916, r. 22, s. 29–36; *Novotný V.* Ceské dějiny. Pr., 1928, d. I, č. 3, s. 359–361.
- ⁶ Основную литературу по всей проблематике приводит А. Гонсеровский (*Gąsiorowski A.* Slużebne osady.—In: *Słownik Starożytności Słowiańskich*. Wrocław i inn., 1975, s. 311–312). Из самых новых публикаций следует привести: *Buczek K.* Organizacja służebna w pierwszych wiekach państwa polskiego.—*Studia Historyczne*, 1977, r. 20, s. 353–376; *Krzemiencka B., Třešťík D.* Služebná organizace...; *Idem*. Zur Problematik...; *Idem*. Přemyslovská hradistička a služebná organizace přemyslovského státu.—AR, 1965, r. 17, s. 624–655; *Kučera M.* K problému...; *Idem*. Slovensko...; *Heckenast G.* Fejedelmi (királyi) szolgálónépek...; *Patkoš P.* O služebných miestnych názvoch v Dunajskej kotlini.—HC, 1971, r. 19, s. 385–396; *Dąbrowska E.* Elementy słowiańskie w organizacji służebnej wczesnofeudalnych Węgier.—In: *Cultus et cognitio: Studia z dziejów średniowiecznej kultury*. Warszawa, 1976, s. 107–114; *Győrffy G.* Az árpádkorú szolgálónépek kérdésékez.—*Történélműszemle*, 1972, t. 15, s. 261–320.
- ⁷ *Brühl C.* Fodrum, gistum, servitium regis. Köln; Graz, 1968.
- ⁸ Cp.: *Cipolla C. M.* Questioni aperte sul sistema economico dell'alto medioevo.—*Rivista storica italiana*, 1951, t. 73, p. 96–99.
- ⁹ О положении несвободных см.: *Łowmiański H.* Zagadnienie niewolnictwa u Słowian we wczesnym średniowieczu.—In: VII Powszechny zjazd historyków polskich: Historia Polski do połowy XV wieku. W-wa, 1960, s. 43–62; *Idem*. Początki Polski. W-wa, 1967, t. III, s. 498. Вопрос о положении рабов в Венгрии подробно разработал М. Кучера (Cm.: *Kučera M.* O otrokoch v Uhorsku v 10.–12. storočí.—*Historické štúdie*, 1959, r. 5, s. 221–263; *Idem*. Slovensko..., s. 259–334).
- ¹⁰ Cp.: *Třešťík D.* K sociální struktuře přemyslovských Čech: Kosmas o knížecím vlastnictví půdy a lidí.—ČsCH, 1971, r. 19, s. 554; *Nový R.* Přemyslovský stát..., s. 103.
- ¹¹ Cp.: *Kučera M.* Slovensko..., s. 364.
- ¹² О чешском «tributum pacis» cp.: *Nový R.* Přemyslovsky stát..., s. 58.

Подробно о венгерских «liberi denarii» ср.: *Hóman B.* Die erste ungarsche Steuer.— Ungarische Rundschau, 1912, Bd. 1, S. 750–771. Об апалигиях в Польше ср.: *Buczek K.* Powołowe — poradne — podymne.— РН. 1972, г. 63, с. 1–30. Ибрагим ибн-Якуб (*Kowalski T.* Relacja Ibrahima ibn Jakuba z podrózy do krajów słowiańskich w przekazie Al-Bekriego. Kraków, 1946, с. 50) сообщает, что польский князь Мешко I взимал дани в «миткал ал-маркятия» и выплачивал ежемесячное жалование своей большой трехтысячной дружине. Эти «миткалы» В. Кубяк определил как монеты весом в 4,23 г, что в нашем случае скорее всего указывает на арабские дирхемы, которые были тогда в Польше в довольно большом количестве (*Kubiak W.* Zagadnienie «odwazników handlowych» i Ibrahima ibn Jakuba.— *Slavia Antiqua*, 1956, т. 5, с. 368 etc.). По нашему мнению, эта дань, взимаемая князем Мешко, должна была совпадать с чешским «tributum pacis» и венгерскими «liberi denarii», а следовательно, восходит к общему чешско-венгерскому образцу.

¹³ Ср.: *Russocki St.* Rola «fidelitas»..., с. 68 etc.

¹⁴ *Cosmae Pragensis Chronica Boemorum*, lib. I, cap. 42, p. 78–79: «...Hunc assignamus vobis in ducem et collaudamus, quo ei obediatis, ut dignum est duci, et debitam fidelitatem exhibeatis, et par est suo principi».

¹⁵ *Russocki St.* Rola «fidelitas»..., с. 76.

¹⁶ О «дедицах» в Чехии см.: *Třeštík D.* K sociální struktuře..., с. 553 etc; *Nový R.* Přemyslovský stát..., с. 61 etc. «Дедичей» в Польше К. Бучек считает «полусвободными» (*Buczek K.* Powołowe..., с. 27–30). Венгерские оседлые свободные крестьяне назывались «cives», «civiles», «cives castrenses», т. е. подчеркивалось прежде всего их подчинение граду (См.: *Kučera M.* Slovensko..., с. 362 etc.; *Bella J.* A Közsabadság a XI–XII században.— *Történelmi szemle*, 1973, т. 16, 1–29, 1).

¹⁷ О «hospites» в Чехии см.: *Třeštík D.* K sociální struktuře..., с. 554; *Nový R.* Přemyslovský stát..., с. 63; О польских аналогиях: *Buczek K.* O chłopach w Polsce piastowskiej.— РН, 1975, г. 41, с. 66 etc. О «hospites» в Венгрии см.: *Schünemann K.* Die Deutschen in Ungarn bis zum 12. Jahrhundert. B.; Leipzig, 1923, S. 61 etc, 112 etc. Как и в Чехии, венгерские «hospites» уплачивали налог «pro libertate» (Ibid., S. 113).

¹⁸ *Buczek K.* Organizacja opolna w Polsce średniowiecznej.— *Studia Historyczne*, 1970, г. 13, с. 205–250; *Lalik T.* W sprawie badań porównawczych nad wojskowymi dziejami chłopów na ziemiach słowiańskich.—КН, 1963, г. 70, с. 293–296.

¹⁹ Усадьбы этого типа были обнаружены археологами в материалах IX в. в Великой Моравии (Ср.: *Dostál B.* Břeclav-Pohansko: Velkomoravský velmozský dvorec. Brno, 1975; *Ruttay A.* Výzkum včasnostredovekého opevněného sídla v Ducovom, okres Trnava.— AR, 1972, г. 24, с. 130–139). О положении в пржемысловской Чехии см.: *Třeštík D.* K sociální struktuře..., с. 560 etc. Для Венгрии см.: *Kučera M.* Slovensko..., с. 301. Например, в Чехии рабы работали на полях своего господина шесть дней в неделю, однако у них были и свои участки земли. Как об обычной практике говорится об этом в кн.: *Laurentii monachi Casinensis Passio* s. Wencezlai, cap. 12.— In: *MGH Quellen zur Geistesgeschichte*. Weimar, 1973, Bd. 7, S. 39–40.

²⁰ *Duby G.* L'économie rurale et la vie des campagnes dans l'Occident médiéval. P., 1962, т. 1, р. 124. Яркий образ дворового хозяйства баварских феодалов рисует в своей книге В. Штёрмер (*Störmer W.* Früher Adel. Stuttgart, 1973, Bd. 1, S. 118–156).

²¹ *Müller-Mertens E.* Die Genesis der Feudalgesellschaft im Lichte der schriftlichen Quellen.— *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, 1964, Bd. 12, S. 118–156.

²² *Маркс К.*, Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 113.

²³ *Маркс К.*, Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 462–464.

²⁴ РН, 1966, г. 57, с. 235–250.

²⁵ *Brunonis Saxonicum bellum*, cap. 84.— In: *Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters*. B., 1963, Bd. 12, S. 322.

²⁶ Ср.: *Archeologia Polski*, 1971, т. 16, с. 317–325.

ХАРАКТЕР СЛАВЯНСКОГО ЗАСЕЛЕНИЯ
И ВОЗНИКОВЕНИЕ
РАННЕФЕОДАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ
(на примере Чехии и Моравии)

Древняя история чешского народа находилась во многом под влиянием естественного характера границ чешских земель, т. е. Чехии и Моравии. Чешская котловина, которую окаймляют горные горы, образует географически единое, хорошо защищенное от внешних сил пространство. Средневековая граница проходила «*in media silva*», т. е. посреди пограничного леса, поэтому ее постепенное или быстрое перемещение было практически исключено. Хотя Моравия была географически открыта на юг и на север, однако и здесь водные преграды представляют собой ясно видимые рубежи, которые в своем нынешнем виде сложились около середины XI в. Заслуживает внимания и для Европы уникален также и тот факт, что границы Чехии и Моравии, начиная от раннего средневековья и до наших дней, не претерпели значительных изменений, поэтому государственная граница здесь почти всюду проходит по естественным, образованным природой рубежам¹.

Проблема прихода славян в чешские земли связана с установлением общего направления их продвижения из прародины на запад и юго-запад. Это не простой вопрос: по этому поводу было высказано много соображений и созданы всевозможные теории. По последним данным истории, археологии и других смежных наук можно заключить, что на территорию Моравии, а позднее Чехии славяне пришли двумя переселенческими волнами, различными по времени. Первая из них характеризуется керамикой так называемого пражского типа (она проникла на нашу территорию в первой четверти VI в.), а вторая, связанная с распространением так называемой придунайской керамики, наложилась на слой более древней славянской культуры (с пражским типом керамики) где-то в конце VI — начале VII в. Откуда и кудашли эти люди, остается еще в деталях неясным, несмотря на то, что эта проблема является предметом усиленных научных изысканий².

Что же касается расположения наиболее старых славянских поселений, то с самого начала становится ясно, что самый большой интерес славянские переселенцы проявляли к областям с наиболее благоприятными условиями для сельского хозяйства. В Моравии это были плодородные долины в бассейне рек Дыни, Свратки и Моравы, в Чехии — области на нижней Влтаве и прилегающей Пражской области, на средней Лабе и средней Огрже. В других местах лишь редкие изолированные находки свидетель-

ствуют о том, что славянские поселения сравнительно быстро стали распространяться и по направлению к другим, более высоко расположенным и пересеченным местностям³.

Сравнение с более старым, дославянским расселением показывает, что славяне занимали области чаще всего уже до этого заселенные и обрабатываемые. Славянским поселениям непосредственно предшествовали поселения германцев, последняя фаза которых, однако, характеризовалась редкостью населенных пунктов, подвижностью и малой стабильностью населения⁴. В своем продвижении в глубь чешских земель славяне наталкивались на остатки германского населения. Сохранились и некоторые конкретные следы этого контакта славянских племен с германцами⁵. Немногочисленные группы германцев были, однако, вскоре полностью ассимилированы, о чем говорит отсутствие их памятников материальной культуры более позднего времени. Теория о том, что оттесненные германцы скрылись в отдаленных, а также в горных областях Чехии, чтобы несколько столетий спустя снова появиться на сцене в виде немецких средневековых колонистов и немецких граждан чешских городов⁶, была отклонена как абсолютно не соответствующая действительности. Отвергнута она и реалистическими кругами немецкой буржуазной историографии⁷. Фактом остается то, что в течение всего раннего средневековья до начала XIII в. чешские земли оставались чисто славянской территорией⁸.

Возвратимся, однако, к характеру раннего славянского заселения. Мы имеем о нем представление прежде всего благодаря сохранившимся остаткам материальной культуры. Большую роль здесь играет случайность, но, несмотря на это, с помощью археологических и других источников можно хотя бы грубо реконструировать внешний вид славянского поселения. Эта мозаичная картина постоянно дополняется и уточняется не только благодаря новым находкам, но и вследствие прогресса в датировании керамики, деталей захоронений и т. п. Как уже было отмечено, самые древние поселения славян располагались на территориях как Чехии, так и Моравии. В дальнейшем, однако, между обеими частями чешских земель происходит определенная дифференциация. В то время как средоточием поселений в Моравии остались долины рек Дыни, Свратки и Моравы, а также других более или менее крупных рек, где плотность населения постоянно росла, пересеченная местность в Чехии способствовала скорее образованию протяженных и чаще всего друг от друга изолированных областей поселения. Для периода до середины X в. можно выделить несколько подобных областей, где концентрировались славянские поселения. Наибольшая плотность населения была в нижнем Повлтавье, особенно в широком месте Пражской котловины; следующей важной областью были и район вокруг Коуржима на среднем течении р. Лабы и полоса поселений, тянущаяся от среднего течения р. Огрже до ее устья. Кроме этих районов, где поселения располагались наиболее плотно, можно

отметить группы поселений под Крушиными горами в бассейне р. Билины, в центральном течении р. Изеры, в некоторых местах Южной и Западной Чехии и в других местах. Однако плотность населения здесь значительно уступала плотности населения в районах Праги, Коуржима и Жатца⁹.

Считается общепринятым, что социальное и экономическое развитие протекало сначала быстрее в Моравии, чем в Чехии. Здесь общество более ускоренными темпами могло переходить от первоначальных родовых отношений к зачаточным классовым; здесь раньше произошел процесс объединения, и Великая Моравия IX в. предстает перед нами как развитое, цельное и сильное объединение, которое с успехом противостояло написку соседнего Восточно-Франкского королевства¹⁰. Более сложной была ситуация в Чехии. Здесь можно целиком опустить вопрос о так называемом «государстве Само». Нам не ясны ни его характер, ни даже местонахождение. Об обстановке в Чехии нас более надежно информируют иностранные источники, начиная лишь с IX в. Сначала перед нами — страна, раздробленная на ряд небольших владений, во главе которых стоят князья — «duces». Под 845 г. сообщается о существовании 14 чешских князей, приехавших в Регенсбург к королю Людовику Немецкому. Они там крестились. В следующие десятилетия количество «чешских князей» значительно уменьшается, а под 895 г. говорится уже только о двух первых князьях — Пржемысловце Спитигневе и о каком-то Витиславе, который, видимо, правил в Восточной Чехии. Последующие события принесли победу роду Пржемысловцев¹¹.

Верно, что основные причины более быстрого развития Моравии коренились прежде всего в экономических, социальных и даже культурных условиях. Однако правомерно также спросить, не повлиял ли на первоначальное положение Чехии и Моравии различный характер заселения. Единые полосы поселений вдоль плодородных берегов моравских рек создавали прекрасные условия для более быстрого стирания племенных границ, для слияния населенных мест в единое целое, которое могли легче держать в подчинении дружины моймировских правителей. Пространство, занятое населением в Моравии, не было слишком большим, но компактным. Более сложные задачи, однако, возникали в процессе объединения Чехии. Помимо прочих препятствий, мешал и характер заселения. Как уже было сказано, население Чехии до середины X в. было расчленено на ряд различных по величине образований, которые в литературе обычно называются «территориями чешских племен». Что собой представляли эти племена или так называемые племенные княжества, таким образом произошло их образование?

В общем, если у больших полабских или русских племен наблюдаются значительные различия в материальной культуре¹², то основные критерии для разделения чешских племен не заключались, на наш взгляд, в различиях этнокультурного характера происхождения, хотя и по этому вопросу существуют разные точ-

ки зрения¹³. В Чехию славяне пришли главным образом в составе так называемой второй волны, о которой говорилось выше. Это была этнически единая группа, скорее всего — большое племя, аналогичное большим полабским или русским племенам. Славяне расположились на нескольких пригодных для поселения местах. Эти области были отделены друг от друга различными естественными преградами и ненаселенными территориями. На определенной ступени социального развития у населения таких областей начало преобладать чувство своей общности; мир за естественными границами их территории стал казаться чем-то внешним и отдаленным. Таким образом происходило вычленение населенных географических зон, которые трансформировались в догосударственные образования, неравные по площади и значению. Во главе таких территорий позднее стояли люди, называемые во франкских источниках «duces». Подобные образования — так называемые племенные княжества, — видимо, не были стабильны, их площадь колебалась, часто они существовали лишь короткий период времени. Остается пеясным, каковы были отношения этих «duces» друг с другом, не были ли они в некоторых случаях связаны между собой разветвленными отношениями подчинения и господства.

Франкские источники называют славянское население Чехии единым словом — «богемы»¹⁴. Это название относилось к этнической группе и к территории. Несомненно, что так называемые чешские племена имели и собственные названия; видимо, большинство из них до нас не дошло. Центральную территорию, особенно земли вокруг Пражской котловины, занимали чехи; на территории плотно населенного района в среднем течении р. Огрже жили лучане, на верхней Огрже располагалось маленькое племя седличан, в месте слияния Лабы и Огрже — литомержичи, а территорию вокруг Дечина занимали дечане. Область вокруг устья Лабы и Влтавы принадлежала племени пшован. Восточная часть Средней Чехии находилась под влиянием могущественного Коуржима (в источниках более позднего времени население этого района носило название «зличан»), Восточная Чехия принадлежала племени хорватов, а неплотно заселенная территория Южной Чехии — дудлебам. Во главе этих племен с конца VIII в. стояли князья, жившие в племенных градах¹⁵.

Хотя представления отдельных ученых о количестве и распространении чешских племен не всегда совпадают, в общих чертах нарисованная выше картина Чехии VIII—IX вв. более или менее одинаково передана в литературе. Количество более крупных заселенных образований в общем соответствует количеству сохранившихся племенных названий, несмотря на то, что существование некоторых из них вызывает сомнение (например, седличане, литомержичи, дечане). Как становится очевидным, некоторые племенные названия отражают скорее ситуацию X—XI вв., обозначая территорию градских округов, на которые делилось единое Чешское государство под властью Пржемысловцев¹⁶.

О конкретном процессе политического объединения Чехии мы знаем очень мало, часто нам остаются неизвестны драматические и разнообразные повороты этого процесса в деталях. Поэтому самым красноречивым свидетельством событий остается постепенно уменьшающееся число князей в Чехии. Прежде всего мы узнаем о формах постепенного политического объединения земель. Как свидетельствует рассказ Козьмы о войне чехов с лучанами, одним из способов объединения была открытая вооруженная борьба. Во времена усиливающейся экспансии более сильных племен положение мелких племен было, как видно, непростым. Они, вероятно, принуждались соперниками к военной помощи, постепенно теряя самостоятельность. Если положиться на данные Козьмы, то можно заключить, что население билинского и литомержицкого края в чешско-лучанском конфликте предпочло союз с чехами, впоследствии слившись с ними таким мирным путем. Видимо, благодаря брачным союзам, к среднечешским владениям Пржемысловцев примкнули и пшоване, которые населяли окрестности Мельника¹⁷. Таких возможных вариантов мог быть целый ряд (ср. позднейшую легенду о покорении злицкого князя). Результат, однако, остался тем же самым: территория чешского племени расширялась, расширялись владения его правителей — князей из рода Пржемысла.

Прежде чем средневековые владения Пржемысловцев окончательно получили значение центра будущего единого Чешского государства, князья рода Пржемысла должны были расправиться с основными соперниками в самой Чехии. Письменные свидетельства (однако более позднего происхождения) говорят и о могущественных лучанах на среднем течении р. Огрже, и о соперничестве Пржемыловичей с правителями Коуржима. Это подтверждают и исторические реконструкции карты поселений, которые показывают особенно сильную их концентрацию именно на территории Жатецкой и Коуржимской областей (наряду с Пражской)¹⁸. Тот факт, что правитель одной из этих трех областей должен был стать объединителем Чехии, определялся уже этим условием. Победа Средней Чехии в борьбе за гегемонию показывает, что территория Пржемыловцев была экономически наиболее сильной, наиболее стабильной, и власть князя здесь быстро укреплялась.

Объединение Чехии под жезлом Пржемыловцев — это не единовременный факт, а длительный процесс. Видимо, решающая фаза объединения с середины IX в. тянется вплоть до первых десятилетий следующего столетия, а в строгом смысле слова — и до конца X в. Самые последние исследования Д. Тржештика доказывают, что влияние Пржемыловцев значительно усилилось благодаря их близким отношениям с повелителями Великой Моравии. Когда великоморавский князь Святополк завоевал Чехию, он сделал своим наместником и заместителем Борживоя, которого и крестили в Моравии. Святополк должен был сделать его главой остальных чешских князей, таким образом Борживой еще

более укрепил бы и без того доминирующее положение, которое он занимал¹⁹. Так Пржемысловцы создали хорошую отправную базу для окончательного покорения Чехии, где они потом начали править в качестве самостоятельных, независимых от Моравии правителей.

В начале X в. ситуация, видимо, была следующей. Великая Моравия, уже с конца IX в. ослабляемая внутренними противоречиями и внешними врагами, в первые годы X в. терпит решающее поражение от венгров. Несмотря на то, что и потом на территории Моравии сохраняются определенные устойчивые формы общественной организации (заметим, что степень опустошения Моравии венграми переоценивалась в старой историографии). Великая Моравия как могущественное государство перестало существовать. Словацкие области Великой Моравии перешли под власть венгров, самостоятельное развитие Моравии остановилось²⁰. Процесс формирования великоморавской народности был прерван и уже не возобновился²¹.

С упадком общественной и культурной жизни Моравии контрастировало довольно быстрое возвышение Чехии. После смерти Святополка в 894 г. чешские князья отложились от Великой Моравии, а благодаря ее тяжелому внутреннему положению эту независимость им удалось сохранить. В это время уже проявляется преобладание двух государствообразующих центров в Чехии — центра Пржемысловцев, которому подчинялась Средняя, Северная и Северо-Западная Чехия, и Восточночешского, очевидно, с центром в Коуржиме. Остальные князья, число которых постепенно сокращалось, считались с руководящим положением обоих центров. С течением времени на первый план выдвигаются Пржемысловцы. И все же потребовалось еще несколько десятков лет, чтобы этот разнородный конгломерат превратился в раннефеодальное Пржемысловское государство. В конце X в., когда Пржемысловцы силой устранили Славниковцев, которые, по всей вероятности, являлись наследниками восточночешской династии, все государство могло быть объединено под властью одного рода. После того, как венгерская угроза миновала, держава Пржемысловцев доказала свою энергию и жизнеспособность в столкновениях с внешним противником — с Германской империей, немецкими феодалами²².

Может показаться удивительным, как Пржемыловцы, действуя в столь сложной ситуации, смогли сплотить разнородные области Чехии в единое государство без каких-либо следов старицкого племенного устройства. Все эти лучане, пшоване, дудлебы и другие племена считались отныне внутри страны «чехами», причем произошло это менее, чем за сто лет. Видимо, князья тех племен, которые были насильственным или мирным путем присоединены, сохранили (по крайней мере, в отдельных случаях) свою власть еще на некоторое время. Разумеется, они должны были теперь признать главенствующее положение Пржемыловцев. С течением времени они, однако, неизбежно отступали на

задний план, теряли влияние и, если не вымирали, превращались в дружинников князя из рода Пржемысловцев. Пржемысловцы со своей дружиной правили государством, которое в ходе событий X в. непрерывно укрепляло свою внутреннюю структуру, сплотилось и вобрало с пользой для себя ранее неподвластные Пржемысловцам территории. Старые племенные грады были заменены опорными пунктами государственной власти Пржемысловцев. Канонизация некоторых членов этого рода укрепила авторитет династии, повысила ее престиж в глазах населения, таким образом идеально укрепив государство²³. Увеличивались социальные различия древнего чешского общества, утверждался феодальный способ производства. Однако еще долго власть раннефеодальной знати опиралась главным образом на приказы и службу династии, т. е. по преимуществу не на индивидуальное владение землей и людьми. Потребностям этого «государственного феодализма»²⁴ отвечала простая, но целесообразная система управления, опиравшаяся на сеть княжеских замков и дворов²⁵.

Единый чешский народ зарождался параллельно с зарождением чешского государства, хотя языковое и культурное родство еще раньше создавало своеобразное территориально-этническое единство чешских племен, отличавшееся от славянского и германского окружения. Возникновение государства Пржемысловцев, которое с самого начала вошло в состав христианской общности, предохранило население Чехии от несчастной судьбы северных (полабских) соседей. В начале XI в. к владениям Пржемысловцев была присоединена Моравия²⁶, и с этого времени и до наших дней судьбы обеих областей были неразрывно соединены. «Народом» в политическом смысле слова, однако, являлись не все люди, населявшие территорию. К «народу» причисляли только «свободных» мужчин, особенно *primates, potentiores*, т. е. тех, кого первоначально называли «чехами». Только они пользовались определенными правами, только они составляли нечто вроде единого окружения владетельного князя²⁷. Только в позднейшие столетия, пропесшие экономические, социальные и культурные, а потому и внутриполитические перемены, понятие «народ» расширило свои границы²⁸.

¹ *Horna R.* Hranice republiky Československé ve světle historie. Br., 1924; *Dobiaš J.* Seit wann bilden die natürlichen Grenzen von Böhmen auch seine politische Landesgrenzen? — Historica, 1963, t. VI, S. 5–44; *Hosák L.* Teritoriální vývoj Českého státu a jeho zemí, I.—Historická geografie, 1971, 6, s. 133–149.

² *Zeman J.* Nejstarší slovanské osídlení Čech.—Památky archeologické, 1976, t. 67, s. 212–216.

³ *Zeman J.* Nejstarší slovanské osídlení..., s. 167–175; Přehled dějin Československa. Pr., 1980, d. I, č. 1 (do roku 1526), s. 53–55.

⁴ *Pravěké dějiny Čech.* Pr., 1978, s. 676–677.

⁵ *Pleinerová I.* Březno (Vesnice prvních Slovanů v severo-zapadních Čechách). Pr., 1975, s. 75–82.

⁶ *Bretholz B.* Geschichte Böhmens und Mährens bis zum Aussterben der Přemysliden (1306). München; Leipzig, 1912.

- ⁷ Cp.: *Novotný V.* České dějiny. Praha, 1937, d. I, c. 4. s. 475–478.
- ⁸ Přehled dějin Československa..., s. 215–216.
- ⁹ *Bubeník J.* Příspěvek k topografii slovanského osídlení středního Poohří.—AR, 1976, r. 28, s. 374–388; *Kudrnáč J.* Vývoj slovanského osídlení mezi pražským Povltavím, Labem, Sázavou a Výrovkou.—Památky archeologické, 1963, t. 54, s. 173–221; *Novotný B.* Moravské úděly a jejich raně feudální centra v 11.–13. století.—AR, 1975, r. 27, s. 516–527; *Sláma J.* Příspěvek k vnitřní kolonizaci raně středověkých Čech.—AR, 1967, r. 19, s. 433–445; *Váňa Z.* Bílina a staré Bělsko.—Památky archeologické, 1977, t. 68, s. 394–422; *Zápotocký M.* Slovanské osídlení na Děčínsku.—AR, 1977, r. 29, s. 521–553; *Zápotocký M.* Slovanské osídlení na Litoměřicku.—Památky archeologické, 1965, t. 56, s. 205–391; *Zápotocký M.* Slovanské osídlení na Ústecku.—AR, 1978, r. 30, s. 258–303.
- ¹⁰ Přehled dějin Československa..., s. 63–93; *Poulík J.* Mikulčice: Sídlo a pevnost knížat velkomoravských. Pr., 1975; *Havlík L.* Morava v 9.–10. století. Pr., 1978.
- ¹¹ *Novotný V.* České dějiny. Pr., 1912, d. I, č. 4; *Nový R.* Die Anfänge des böhmischen Staates. Pr., 1969, T. I; *Turek R.* Čechy v raném středověku. Pr., 1982.
- ¹² Die Slawen in Deutschland/Hrsg. v. J. Herrmann, 2. Aufl. B., 1972; *Cedos B. B.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.
- ¹³ *Wenskus R.* Die slavischen Stämme in Böhmen als ethnische Einheiten.—In: Siedlung und Verfassung Böhmens in der Frühzeit. Wiesbaden, 1967, S. 32–41; Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с. 120–122.
- ¹⁴ Přehled dějin Československa..., s. 100.
- ¹⁵ *Novotný V.* České dějiny..., s. 499–540; *Turek R.* Die frühmittelalterliche Stämmegebiete in Böhmen. Pr., 1957; *Łowmiański H.* Początki Polski. W-wa, 1967, t. III, s. 186–192; *Nový R.* Die Anfänge..., S. 202–207; *Schwarz E.* Die Stammesnamen in der Prager Bistumsurkunde.—In: Siedlung und Verfassung Böhmens..., S. 29–30; *Turek R.* Listina Jindřicha IV. z 29. dubna 1086 (DH IV. 390) a její teritoria.—Slavia Antiqua, 1975, t. 22, p. 69–122.
- ¹⁶ *Schwarz E.* Die Stammesnamen..., S. 29–30; *Zemlička J.* Litoměřická kastelánie a její postavení v raně středověkých Čechach.—Litoměřicko, 1979, r. 15, s. 37–38.
- ¹⁷ *Novotný V.* České dějiny..., s. 441–442.
- ¹⁸ *Sláma J.* Příspěvek..., s. 443.
- ¹⁹ *Třeštík D.* Počátky Přemyslovčů. Pr., 1981, s. 87–91; *Idem.* Počátky Prahy a českého státu.—Folia Historica Bohemica, 1983, r. 5, s. 21–23.
- ²⁰ *Kučera M.* Slovensko po pádu Vel'kej Moravy. Br., 1974; *Havlík L.* Morava..., s. 94–109.
- ²¹ Развитие этнического самосознания..., с. 82–96.
- ²² Přehled dějin Československa..., s. 104–108.
- ²³ *Nový R.* Přemyslovský stát 11. a 12. století. Pr., 1972, s. 167–178; *Třeštík D.* Kosmova kronika. Pr., 1968, s. 183–231.
- ²⁴ *Zemlička J.* Výzkum hospodářských dějin přemyslovského období (Stav, problémy, výhledy).—In: Historiografie čelem k budoucnosti. Pr., 1982, s. 246).
- ²⁵ *Krzemieńska B.*, *Třeštík D.* Přemyslovska hradiště a služebná organizace přemyslovského státu.—AR, 1965, r. 17, s. 624–655; *Krzemieńska B.*, *Třeštík D.* Hospodářské základy raně středověkého státu ve střední Evropě (Čechy, Polsko a Uhry v 10. a 11. století).—Hospodářské dějiny, 1978, r. 1, s. 149–230.
- ²⁶ *Krzemieńska B.* Wann erfolgte der Anschluss Mährens an den böhmischen Staat?—Historica, 1980, t. 19, S. 195–243.
- ²⁷ *Russocki St.* Protoparlamentaryzm Czech do początku XV wieku. W-wa, 1973, s. 24–44.
- ²⁸ См.: *Флоря Б. Н.* Формирование чешской раннефеодальной государственности и судьбы самосознания славянских племен Чешской долины.—В кн.: Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981, с. 97–130.

«СЛУЖЕБНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ» У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

При всех немалых разногласиях (о них еще пойдет речь ниже) относительно и круга лиц, входивших в состав «служебной организации», и в особенности о ее функциональном назначении кое-что следует признать на сегодняшний день совершенно бесспорным. «Служебная организация» — совокупность социальных групп населения, определенным образом и для определенных занятий организованных государственной властью,— институт, существование которого в период раннего феодализма зафиксировано во всех трех центральноевропейских государствах — Польше, Чехии, Венгерском королевстве. Тем самым перед нами явление, характерное не для одной страны, а для развития целого региона. В этих условиях весьма важно выяснить, характерен ли данный институт только для этого региона или может быть обнаружен и за его пределами, в Восточной Европе.

Утвердительный ответ на этот вопрос дал еще в 1928 г. польский историк В. Гейнош в своей монографии о «русском праве» на территории Галицкой Руси в XV в.¹ В источниках, главным образом первой половины XV в., исследователь обнаружил живущие по «русскому праву» группы населения, весьма близкие по социальному статусу к «служебному населению» Центральной Европы². Материал, собранный В. Гейношем, оказался довольно скучным, к тому же он касался лишь наиболее западной части древнерусских земель, где появление «служилого населения» могло быть результатом рецепции социальных порядков соседней Польши или Венгрии. Возможно, поэтому работа В. Гейноша не получила широкого резонанса в научной литературе. В известной работе К. Бучека о «служилом населении» Польши³ есть ряд замечаний (правда, главным образом в подстрочнике), из которых видно, что, опираясь на данные исследований, предпринятых во второй половине XIX в. Ф. И. Леонтовичем и М. К. Любавским, ученый пришел к выводу, что в Великом княжестве Литовском, в состав которого в XIV—XV вв. вошла большая часть древнерусских земель, существовало «служилое население» разных категорий. Однако развернутого сопоставления данных восточнославянских и польских источников К. Бучек не произвел и не привлекал восточнославянский материал при решении вопросов, связанных с общей оценкой «служилой организации» как социального института. Что касается еще одной части древнерусских земель — княжеств Северо-Восточной Руси (а затем — Русского государства), то вопрос о существовании здесь «служебной организации» в научной литературе пока вообще не ставился.

В настоящее время хорошо установлено, что во многих случаях «служилое население» размещалось в особых поселениях, которые и получали нередко название по наименованию той профессии, которой данная группа людей занималась. С учетом этих обстоятельств не могут не привлечь внимания некоторые названия, которые мы встречаем в грамоте князя Ростислава Мстиславича смоленской епископии (документ середины 30-х годов XII в.). Среди перечня местностей, жители которых должны были уплачивать епископии определенные суммы, встречаем такие названия, как «Бортники», «Бобровники», «Солодовники»⁴. По аналогии с тем, что мы наблюдаем в центральноевропейских странах, можно сделать вывод, что перед нами поселения, в которых живут княжеские бортники, бобровники, солодовники. Таким образом, можно предполагать, что слой «служилого населения» существовал и в Древней Руси в период раннего феодализма. Однако о его социальном статусе грамота ничего не сообщает. Данные на этот счет, сопоставимые с тем, что мы можем извлечь из центральноевропейского материала, обнаруживаются лишь в источниках гораздо более позднего времени — XV — начала XVI в. Это касается, в частности, одной из групп «служилого населения», упомянутых в грамоте князя Ростислава, а именно — «бобровников».

В польских жалованных грамотах XIII в. сохранился ряд данных о «бобровниках», внимательно проанализированных в уже упоминавшейся монографии К. Бучека⁵. Как показал исследователь, бобровники были княжескими людьми, чьей особой службой была ловля бобров и доставка их меха. Подчищались они специальному чиновнику, носившему латинское название *«dominus castorum»*, которому соответствовало польское *«rap bóbrowy»*. Важной особенностью их статуса была монополия бобровников на ловлю бобров по всей государственной территории. В соответствии с этим бобровники имели право ловли бобров не только на территории княжеского домена, но также во владениях феодалов и церкви. Население этих владений должно было обеспечивать бобровников кормом и ночлегом, а также охранять бобровые места, участвовать в транспортировке добытых мехов. Другой важной обязанностью бобровников была охрана бобровых запруд от нарушителей государственной монополии. Там, где запруды находились далеко от местожительства бобровников, обязанность охраны ложилась на местных жителей. Позднее эта повинность стала в некоторых случаях заменяться денежным платежом, носившим позывание «бобрового».

Данные о существовании в Великом княжестве Литовском второй половины XV — начала XVI в. такой группы княжеских людей, как бобровники, чьей обязанностью являлась ловля бобров, собрал уже М. К. Любавский⁶. Этот же исследователь установил и существование должности «бобровничего», аналогичной «пану бобровому» польских источников. Поскольку такой единой должности для всего государства не было, а, наоборот,

существовали отдельные бобровниче в ряде «земель», являвшихся ранее самостоятельными княжествами (например, в Витебской, Полоцкой, Волынской)⁷, то можно полагать, что этот институт возник еще до включения данных княжеств в состав Великого княжества Литовского.

Наконец, М. К. Любавский высказал предположение о наличии у великого князя права бить бобров на территории «частных имений»⁸. О том, что собой такое право представляло, ясное понятие дает грамота 1497 г.⁹, в которой пересказывается соглашение полоцких мещан и дворян с великим князем Казимиром (ум. в 1492 г.) о ловле бобров. Соглашению предшествовала их жалоба на то, что «коли шкоды деялися на березех бобровых (имеются в виду бобровые угодья на землях жалобщиков.—Б. Ф.), коли пожаром берег погорит, и теж коли хто дерево на берегу порубает, а любо лубье с дерева хто коли сыймывал, для того врядники его милости там ездоков высыпывали и вины з них бирали, и проезды великие, и в том им великие шкоды и убытки деивали». В итоге дворяне и мещане выкупили у господаря право ловли бобров в Полоцкой земле за выплату ежегодной суммы в 200 р. Из приведенного текста ясно видно, что частные владельцы не только не располагали правом охоты на бобров в своих землях, но также несли ответственность за сохранение находившихся здесь бобровых угодий. Все это трудно характеризовать иначе, чем княжескую регалию на лов бобров. Отсюда естественно вытекала монополия княжеских бобровников на этот вид промысла. Население, на территории которого производилась ловля бобров, должно было снабжать княжеских бобровников пропитанием. Так, по сообщениям игумена полоцкого монастыря Иоанна Предтечи, монастырские крестьяне великокняжеским бобровникам «вроком даивали по семи наводнев хлеба и по семи куров и по солянце соли»,— все это шло на пропитание не только самих бобровников, но также «псов их и их сторожков, которые будут в чолнех»¹⁰. Как отметил М. К. Любавский, бобровники также имели право привлекать местных крестьян к ловле бобров. Эта обязанность могла заменяться денежным платежом, носившим название «бобровничьего»¹¹.

В отличие от богатых по содержанию источников Великого княжества Литовского, русский материал гораздо более скучен. Это, по преимуществу, формулы жалованых грамот, которые, отменяя для отдельных лиц или корпораций общий порядок, сигнализируют тем самым о его существовании в прошлом и постепенном распаде. Интересующий нас материал был частично подобран А. Д. Горским¹², но рассматривался он под другим углом зрения. Изучение указанных формул показывает, что княжеские бобровники не только имели право вести ловлю бобров на частновладельческих землях, но должны были обеспечиваться почлегом, кормом и подводами (для транспортировки шкур), могли брать у местного населения проводников и мобилизовывать местных крестьян для участия в ловле¹³. При этом даже в кон-

це XV в. в ряде документов подтверждалось право бобровников на ловлю во владениях церкви. Так, например, в грамоте Ивана III 1472 г. Спасо-Евфимьеву монастырю читается: «И мои бобровники и бортники по рекам и по лесам ходят»¹⁴. Еще более выразительны в этом плане тексты грамот князя Бориса Волоцкого Иосифо-Волоколамскому монастырю: «А бобровники мои, где станут, и они корм возьмут», «А бобровники мои пошлины своей не емлют, а где начют, и они корм возьмут»¹⁵. Из этих последних формул видно, что, помимо лежавших на местном населении обязанностей, упомянутых выше, оно должно было уплачивать бобровникам еще какую-то «пошлину». Все эти свидетельства явно доказывают существование и в Северо-Восточной Руси монополии государственной власти на ловлю бобров, которая осуществлялась княжескими людьми — бобровниками. Вместе с тем институт «бобровничего» русским источникам неизвестен, и в связи с этим встает вопрос, кто же стоял во главе организации бобровников. В этом плане заслуживает внимания клаузула в одной из грамот середины XV в.: «И мои ловчие великого князя, и бобровники мои бобров у них не ловят»¹⁶. Можно полагать, что княжеский ловчий был тем лицом, в юрисдикции которого находились бобровники. Такое предположение подкрепляется свидетельством уставной грамоты князя Юрия Дмитровского 1509 г. бобровникам Каменского стана Дмитровского уезда¹⁷. Из нее видно, что административно-судебная власть над бобровниками находилась именно в руках княжеского ловчего. Таким образом, и здесь устанавливается существование особой организации данной группы служилого населения в рамках существующей системы государственного управления.

По-видимому, в Северо-Восточной Руси также имела место замена лежавших на населении повинностей в пользу бобровников денежным платежом. По аналогии с литовским бобровничим таким налогом, вероятно, следует считать «бобровое», которое упоминается уже в таком раннем документе, как грамота ярославского князя Василия Давыдовича первой половины XIV в.¹⁸

Наконец, коснемся положения в Рязанском княжестве, исторически выделившемся из состава Черниговской земли, т. е. Руси Юго-Восточной. Хотя здесь данные еще более скучные, но и тут мы встречаем бобровников и как особую группу населения, которую делят между собой князья (по договору 90-х годов XV в.)¹⁹, и в числе лиц, которым, согласно формуляру жалованных грамот, вместе с другими княжескими людьми запрещался въезд во владения иммуниста²⁰.

Рассмотренные данные о бобровниках интересны не только тем, что они говорят о близости социального статуса одной из групп «служилого населения» на древнерусских землях и в раннефеодальной Польше. Эти данные достаточно выразительно свидетельствуют и о том, что данная группа явно была фрагментом более крупного целого — «служилой организации».

Наличие определенных следов такой организации во всех ча-

стях, на которые разделилось в своем историческом развитии Древнерусское государство, позволяет ставить вопрос о появлении этого института у восточных славян в период раннего феодализма. В пользу такого положения говорят и приведенные выше данные из грамоты князя Ростислава. Вместе с тем можно говорить о существенной специфике положения в восточнославянском ареале. Если в Центральной Европе (за исключением такой области, как Мазовия) источники XII–XIII вв. дают уже явные свидетельства упадка «служебной организации», а в начале XIV в. сведения о «служебном населении» вообще прекращаются, то у восточных славян очень существенные реликты «служебной организации» сохраняются и в гораздо более поздний период — во второй половине XV — первой половине XVI в. Эта особенность восточнославянского исторического процесса дает в руки исследователей новый, подчас более точный и конкретный материал для решения тех вопросов, отсутствие обоснованного, доказательного ответа на которые затрудняет окончательную оценку «служебной организации» как исторического явления.

Из этих вопросов два представляются наиболее существенными. Это вопрос о социальном происхождении (или социальном составе) групп населения, вовлеченных в деятельность «служебной организации», и вопрос о функциональном назначении этого института. По первому вопросу разногласия можно было бы сформулировать следующим образом: принадлежало ли «служилое население» по происхождению к числу княжеских рабов, выделенных для несения определенных повинностей, или в состав «служебных» была вовлечена часть свободного населения сельских общин, на которую были возложены определенные «службы», либо оно формировалось из представителей обоих названных выше социальных групп²¹. Для решения этого вопроса исключительный интерес представляют данные о правовом положении «служебного населения», которые можем выявить в тексте I Литовского статута 1529 г. Устанавливая особую норму наказания за убийство («головщину») или ранение («навязка») «ремесленных людей», законодатель специально отметил, что соответствующая сумма должна выплачиваться и в том случае, «хотя бы тяглый або невольный был ремесником». В одном из списков памятника содержание этой краткой формулы раскрывается комментарием, характеризующим способ действий в противоположной ситуации. «И если тое роботы не будут вмети, тогда им головщина подле роду их: если кто хлоп, то ему хлопье, а если мужику, то мужицкое»²². Из этих данных достаточно ясно, что состав «служилого населения» в период составления памятника складывался из числа как свободных, так и несвободных людей, которые с получением особой «службы» — «работы» приобретали особый и одинаковый (независимо от их происхождения) социальный статус, который утрачивался с прекращением «службы».

Определенные сведения о характере этого статуса содержит служебное дело 1532 г. Оно возникло в связи с отказом витеб-

ского перевозчика от своей должности и занятия в связи с тем, в частности, что и его предки «не звечистыми (т. е. не вечными.— Б. Ф.) перевозники были». Судьи, разбиравшие спор, подтвердили юридическую законность действий перевозчика, так как выяснилось, что «перевозники не мають ниякое земли, ани местьца приданого на дом». Между тем,— разъясняли судьи,— если бы перевозчики были «вечистые» — наследственно прикрепленные к своей должности, «на заведенеи перевоза, тогда бы мели якую землю або дом приданый, як жибеньти, узварцы, псарцы и иньшие люди на службы свои особные земли приданые мають»²³. Сопоставление данных двух почти одновременных источников ясно показывает, что главным в статусе «служилого населения» была наследственная прикрепленность к «службе», за исполнение которой наделялись землей (в этом также очевидна прямая параллель центральноевропейским порядкам), но такой статус могли получать и получали люди, по происхождению принадлежавшие к различным социальным группам.

Полученный результат следует сопоставить с данными, которые извлекаем из источника, более чем на сто лет раньше,— написанного в самом начале XV в. завещания Владимира Андреевича Серпуховского — одного из князей Северо-Восточной Руси. Этот князь по завещанию передал старшему сыну целый ряд групп «служилого населения» («конюшени путь, бортницы, садовницы, псари, бобровники, барышни»), сопроводив передачу следующим распоряжением: тот из этих людей, «на которого грамоты полные не будет», если «не всхочет жити па тех землях, ин земли лишои, поиди прочь»²⁴. Из документа видно, что и в Северо-Восточной Руси «служилое население» складывалось из невольников, тех, кто продал себя в рабство по «полной грамоте» и был собственностью господина, и людей лично свободных. Однако и последние, по-видимому, были прикреплены к своему занятию, иначе распоряжение князя о том, что они могут, если хотят, уйти, оставить свою «службу», было бы излишним. Упоминание, что в этом случае они утрачивают землю, на которой живут, говорит о том, что и здесь предоставление особого «служилого» статуса сопровождалось наделением землей. Полное, как видим, совпадение порядков в Северо-Западной и Северо-Восточной Руси позволяет также возводить описанные нормы к достаточно раннему времени. Тем самым восточнославянский материал, как представляется, дает определенные аргументы в пользу той точки зрения, что уже раннефеодальное государство, создавая «служебную организацию», активно вмешивалось в жизнь широких слоев «свободного» населения, вовлекая его в орбиту своей политики. Это представляется существенным и для решения вопроса о функциональном назначении «служебной организации».

Этот вопрос в течение длительного времени был предметом дискуссии, в особенности в польской литературе. Суммируя разногласия в самой сжатой форме, можно выделить две противо-

стоящие друг другу точки зрения: согласно одной, «служебное» население представляло собой часть княжеского хозяйства, было связано с княжескими «дворами» как центрами этого хозяйства и должно было обслуживать потребности лишь правителя и его свиты; согласно другой, «служилое» население было связано прежде всего с «градами» как военно-административными центрами государства и должно было обслуживать потребности не только монарха и его окружения, но и органов государственной власти на местах, персональный состав которых совпадал практически с верхними слоями формирующегося господствующего класса в целом²⁵.

Что же дает для решения этого вопроса восточноевропейский материал? В пользу первой точки зрения можно привести подкрепленное достаточно большим количеством фактов заключение такого исследователя, как В. И. Пичета, который охарактеризовал «служилое» население, как «лиц, которые прямо или косвенно связаны с господарским двором и сделались составной, неразрывной частью последнего»²⁶. Вместе с тем даже в источниках, использованных самим В. И. Пичетой, можно обнаружить ряд фактов иного плана. Примером может здесь служить инвентарь Оршанского «замка», т. е. военно-административного центра Восточной Белоруссии, 1560 г., где фигурирует ряд лиц различных специальностей, занятых обслуживанием «замка», т. е. Оршанской крепости и пребывающих в ней представителей власти. Так, здесь фигурируют два слесаря, которые должны «ку свирнам и ку воротам замковым замки новые дати... гаковницы оправляти», гончары, которые «до кухни на потребу горшки давати винны», ковшовник, который «на каждый год на вряд ковшов деревянных черленых 30 давати винен», наконец, уже знакомые нам бобровники, которые «повинности некоторое не полнят, одно на замок короля его милости бобри гонят»²⁷.

Однако на основании этих данных было бы поспешно заключать о существовании двух слоев «служилого населения» с разным функциональным назначением. Материалы судебных дел — источник для раннего феодализма практически отсутствующий — рисуют картину, существенно иную. Имею в виду в особенности материалы двух дел, касавшихся разных категорий «слуг» господарского Илемницкого двора в Витебском повете. Одно из них касается «конюшков Илемницких». Согласно жалобе конюшков с другого, Лутосенского двора, Илемницкие конюхи отказались нести вместе с ними «службу к замку Витебскому», и в итоге по решению судей «тых конюшков Илемницких к замку привернули»²⁸. Согласно другому делу, к тому же Илемницкому двору «привернули» покинувшего было его «жибентяя» (литовский термин, означающий, по-видимому, факельщика) с мотивировкой, что он «потребнейши... для сторожи и иньшое послуги, кгъды бы господарь до замку Витебскому приехал, альбо теж и воевода, который на Витебьску будет». В самом деле это лицо именуется также «жибентяем замку Витебского»²⁹. Таким об-

разом, население господарского «двора» находится одновременно в сфере действия «замка», и обслуживание потребностей местной власти (наряду с господарем) является одной из важнейших функций и этой части «служилого населения».

К вопросу о функциях «служилого населения» можно подойти и с иной точки зрения, рассмотрев данные о конфликтах, которые были вызваны переводом на рубеже XV—XVI вв. наиболее крупных городов Великого княжества Литовского на «магдебургское право». Переход на «магдебургское право», как известно, означал объединение всего живущего на территории города торгово-ремесленного населения в единую самоуправляющуюся общину, изъятую из-под юрисдикции местных органов власти. Известно, что вслед за выдачей великим князем соответствующих «привилеев» на «магдебургское право» появляется серия жалоб городских магистратов на то, что местные власти продолжают удерживать под своей юрисдикцией целый ряд категорий ремесленников, облагая их повинностями в свою пользу. Хотя о такого рода фактах упоминалось уже давно, смысл этих конфликтов до сих пор в литературе в полной мере не раскрыт.

Между тем имеющиеся материалы позволяют достаточно ясно выяснить суть дела. Особый интерес представляют два документа, связанных с переходом на «магдебургское право» Киева. В одном из них перечисляется ряд ремесленных специальностей — «кравцы, кушнеры, шевцы, подстригачи, золотари, стрелники, винщики, лучники, ковали» и указывается — «с тых всех ремесников его милость господарь на замок свой вынял по два ремесника мети к замку». Что же касается плотников — разъясняется далее, — то «его милость господарь мещаном того не поступил», и они поэтому должны «к замку служити и городового присуда вживати»³⁰. В другом указывается, что киевские «лучники» «даивали воеводе луки к Великодню и к Божьему нароженью», а теперь, очевидно, с переходом на магдебургское право, отказались это делать. Великий князь не только потребовал восстановления старой практики, но предписал также, чтобы кузнецы и сапожники давали воеводе «топоры и чеботы подлуг давнего обычая»³¹. И употребление выражения «служити к замку», и то обстоятельство, что «служба» выражалась именно в доставке определенного количества изделий, ясно говорит о том, что конфликт был вызван включением в состав городской общины ремесленного «служилого населения», которое ранее обслуживало разнообразные потребности лиц, возглавлявших местные органы власти, и их окружения. Если в начале XVI в., когда соответствующие «урядники» уже давно являлись крупными феодалами-землевладельцами, они вели столь серьезную борьбу за сохранение за собой хотя бы части этих «служб», то какую же важность они должны были иметь в период раннего феодализма, когда наместники и другие начальствующие лица вовсе не располагали крупной земельной собственностью?

Таким образом, рассмотрение проблемы и в этом аспекте сно-

ва заставляет прийти к выводу, что важнейшей функцией «служебной организации» было обслуживание разнообразных потребностей именно верхушки господствующего класса в целом. Восточнославянский материал полностью подкрепляет взгляд на «служебную организацию», сторонником которой являются наши коллеги Б. Кшеменьска и Д. Тржештик³², как на институт общегосударственного значения, занимавший весьма важное место в системе централизованной эксплуатации населения в интересах формирующегося господствующего класса в целом.

Тем самым можно заключить, что характерная для Центральной Европы эпохи раннего феодализма (в отличие, например, от Франкской державы) система централизованной эксплуатации в ее наиболее существенных проявлениях может быть обнаружена и в восточноевропейском регионе. Для понимания отличия в общих путях развития «каролингской» и «некаролингской» Европы было бы очень важно выяснить, можно ли включать в вырисовывающийся обширный центрально-восточноевропейский ареал также и Балканы?

¹ *Hejnosz W. Jus Ruthenicale: Przełytki dawnego ustroju społecznego na Rusi Halickiej w XV wieku.* Lwów, 1928.

² *Hejnosz W. Jus Ruthenicale...*, s. 107–108.

³ *Buczek K. Księęca ludność służebna w Polsce wczesnofeudalnej.* Wrocław; Kraków, 1958.

⁴ Древнерусские пляжеские уставы XII–XV вв. М., 1976, с. 142.

⁵ *Buczek K. Księęca ludność...*, s. 42–44.

⁶ *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. М., 1892, с. 323–324.

⁷ *Любавский М. К.* Областное деление..., с. 248, 809, 865–868 и др. Об этом же говорит и тот отмеченный М. К. Любавским факт, что бобровничий, по крайней мере в Полоцке и Витебске, был членом совета «чинов», решавшего дела с местным воеводой,— явного преемника прежней боярской думы княжества.

⁸ *Любавский М. К.* Областное деление..., с. 323–324, 850–851.

⁹ Пороцкие грамоты XIII – начала XVI в. М., 1978, т. 2, № 221.

¹⁰ Беларускі архіў. Минск, 1928, т. II, № 195, с. 143–144.

¹¹ *Любавский М. К.* Областное управление..., с. 850–851.

¹² *Горский А. Д.* Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси: XIV–XV вв. М., 1960, с. 183–184.

¹³ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси (далее – АСЭИ). М., 1952, т. 1, № 393: «Бобровники в тех селах и деревнях не ставятаца, ни кормов, ни проводников у них не емлют»; АСЭИ. М., 1958, т. 2, № 466: «Й мои бобровники... в их селах в монастырских их крестьян на дело не емлют, ни кормов, ни подвод у них не емлют же».

¹⁴ АСЭИ, т. 2, № 466.

¹⁵ Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1956, т. 2, № 3–4.

¹⁶ АСЭИ, т. 1, № 254.

¹⁷ АСЭИ. М., 1964, т. 3, № 27.

¹⁸ АСЭИ, т. 3, № 190.

¹⁹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950, с. 334.

²⁰ АСЭИ, т. 3, № 328, 333, 351–356 и др.

²¹ *Krzemieńska B., Třeštík D.* Hospodářské základy raně středověkého státu ve střední Evropě (Čechy, Polsko, Uhry v 10. a 11. století).— Hospodářské dějiny, 1978, N 1, s. 175–177.

- ²² Статут Великого Княжества Литовского 1529 г. Минск, 1960, с. 114.
- ²³ Беларускі архіў, т. II, № 128, с. 97–98.
- ²⁴ Духовные и договорные грамоты..., № 17, с. 46.
- ²⁵ Krzemieńska B., Třeštík D. Hospodářské základy..., s. 171–175.
- ²⁶ Пичета В. И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. М., 1958, с. 169.
- ²⁷ Документы Московского архива Министерства юстиции. М., 1897, т. 1, с. 129–130.
- ²⁸ Беларускі архіў, т. II, № 246, с. 176–177.
- ²⁹ Там же, № 18, с. 15–16.
- ³⁰ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1863, т. 1, № 68 (1518 г.).
- ³¹ Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1846, т. 1, № 170, с. 195.
- ³² Krzemieńska B., Třeštík D. Hospodářské základy..., s. 174–175.

Е. Койчева

О ХАРАКТЕРЕ АРИСТОКРАТИИ В РАННЕФЕОДАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВАХ НА БАЛКАНАХ

Формирование аристократии в раннефеодальных государствах на Балканском полуострове является разновременным процессом, связанным с различными этапами становления и укрепления балканских государственно-политических систем. Ранее всего по билитет появился в Византии, затем в Болгарии, позднее — в Хорватии и Сербии и, наконец, в Дунайских княжествах Валахии и Молдове. Ранее, чем эта знать утвердила свое господство¹, в различных частях полуострова в VII–XI вв. существовала родовая аристократия.

Изучение социальной структуры византийского общества не оставляет сомнений в сохранении в IV–VI вв. сенаторской аристократии. Признано, однако, что аристократизация византийского общества в X–XII вв. происходила на основе сложившегося в ходе двух предшествующих веков слоя знати «нового» типа. Учитывая факт упадка городов в VI–VII вв. (а кое-где и до IX в.) и преобладание натурального характера экономики и аграрного облика населения, можно заключить о сельском характере конституирующейся после IX в. византийской элиты, сменившей господствовавшую в IV–VI и исчезавшую в ходе VII–VIII вв. «городскую провинциальную аристократию»².

Особенность византийской аристократии состояла в том, что в ее среде — при становлении нобилитета — сохранились поздние римские традиции. Так, сохранился, например, позднеримский принцип вертикальной динамики, который не исключал возможности человеку из социальных низов достигнуть высших чинов и должностей. Как известно, после Анастасия императором стал Юстин I (518–527), который, по словам Феофана, начал воином и возвысился до сенатора³, хотя, по свидетельству Прокопия

Кесарийского, происходил из иллирийских крестьян и был совершенно неграмотным⁴.

В IX в. престол Константинополя занял другой «*homo novus*» — Михаил II Балба (820–829), который также происходил из низов. Фракийский крестьянин из округи Адрианополя стал в 867 г. под именем Василия I основателем Македонской династии. Подобная «открытость элиты» была особенно характерной для раннефеодального византийского общества до конца IX в.⁵, как и для рода-племенного протоболгарского общества на раннем этапе развития (V–VII вв.). В этом смысле в болгарской исторической литературе tolkuется сообщение Эннодия о протоболгараах начала V в.: «Это народ,— пишет латинский хронист в своем панегирике королю Теодорику,— который до тебя имел все, что бы ни пожелал, народ, у которого тот добывал титулы, кто покупал благородство кровью неприятеля, и у которого поле битвы прославляет род, ибо у них без колебаний считается более благородным тот, чье оружие было больше окровавлено в сражении...»⁶. Иначе говоря, речь идет здесь о мобильности социальной структуры протоболгарского общества⁷, в котором управляла рода-племенная аристократия, представлявшая собою открытый общественный слой. Доступ в него обуславливается преимущественно личными качествами индивида, а не «благородством» крови.

Но уже на этом, раннем, этапе (конец IV – начало V в.) протоболгарская ханская власть начала превращаться в наследственную – процесс, о котором можно судить по «Именнику болгарских ханов». Из этой первой родословной болгарской летописи следует, что из пяти ханов, управлявших протоболгарским военно-племенным союзом «Древняя великая Болгария», четыре происходили из рода Дуло⁸. Власть в одном и том же роде передавалась по наследству (*ἀπὸ σεῖρας*) и в созданном Аспарухом славяно-протоболгарском государстве. Лишь о Кормисопе сказано, что он «сменил род Дуло», так как происходил из рода Вокил, к которому принадлежал и следующий хан, зять Кормисопа, Сабин⁹. Феофан и Никифор, описывая борьбу за власть в VIII в. между родами Вокил (Укил) и Угайн, употребляют выражения *ἀπὸ σεῖρας* и *ἐκ σειρᾶς*: «Болгары, восстав, убили своих государей, которые происходили из [ханского] рода (*ἀπὸ σεῖρας*)»¹⁰, «убили тех, которые обладали по наследству (*ἐκ σειρᾶς*) властью над ними»¹¹. Итак, ханская власть в раннесредневековой Болгарии передавалась по наследству, т. е. место человека стало определяться уже в зависимости от его происхождения.

Правящая династия, видимо, существовала в период между VII и IX вв. также в Сербии, где после смерти первого сербского князя, по словам Константина Багрянородного, «власть взял по наследству (*κατὰ διαδοχήν*) его сын, а после него — его внук и далее — следующие князья из его рода (*ἐκ τῆς γενεᾶς αὐτοῦ*). Через несколько лет от них произошел Воислав, от

него — Радослав, а от него — Просигой и от него — Властимир»¹². Следовательно, самые ранние известные по имени сербские князья принадлежали к одному и тому же роду, между членами которого после смерти Властимира началась борьба за власть. Нестабильность власти сербского правящего рода, как и борьба протоболгарских родов за власть, в существенной мере были обусловлены вмешательством в дела этих земель Византии и Франкской империи. Тем не менее и в X, и даже в XI в. (во время восстания Петра Деляпа) в болгарском обществе сохранилась традиция передачи царской власти по наследству, как это подчеркивал Михаил Пселл¹³. Иоанн Экзарх в «Шестодневе» в начале X в. также говорил: «И у болгар сначала князья ставились по наследству — сын на место отца, и брат на место брата. Мы знаем, что так было и у хазар»¹⁴. В житии Константина Философа сказано, что хазары даже упрекали византийцев за их дурной обычай не ставить императоров из одного рода¹⁵. В этом состояла одна из особенностей византийской монархии в отличие от других раннефеодальных государственно-политических систем на Балканах. Отсутствие твердого принципа наследования престола в Константинополе обусловило в Византии развитие института совладения: отец-император объявлял своего сына со-правителем, стремясь тем самым обеспечить ему право на престол после своей смерти.

Наследственный порядок передачи власти у протоболгар обусловил формирование наследственной аристократии, из рядов которой формировался высший государственный, военный и чиновный аппарат. В протоболгарских надписях отмечены роды Чакарар, Кувиар, Кюригир, Эрмиар, из членов которых происходили высшие военачальники болгарского войска времени Омуртага (814–831), например: копан Окорсис из рода Чакарар; зера таркан Онегавон из рода Кувиар, жупан-таркан Оксун (или Шун) из рода Кюригир, неизвестный по имени жупан из рода Эрмиар¹⁶. Лишь представители аристократии, являвшиеся высшими военными должностными лицами, имели право увековечивать свое имя, титул и имя своего рода в историко-летописной традиции (в надписях на камне). Все это свидетельствует в целом о прочности кровнородственных связей, которые выступали в новосформированном болгарском обществе как важный социальный фактор. Однако и воинская слава, видимо, также способствовала социальному продвижению по иерархической лестнице, что придавало сравнительно открытый характер господствующему слову, в котором руководство войсками считалось непременной привилегией аристократии.

Так как война в феодальном обществе являлась важным фактором образования сословий и классов¹⁷, только в условиях сильной централизованной власти, которую представляло славяно-протоболгарское государство, могла развиваться и дифференцированная военная иерархия. Это отчетливо видно по данным надписей на камне о вооружении болгарского войска: багаи-

ну было доверено 150 шлемов, тогда как сетит багаин имел 70 шлемов и 83 панциря, багатур багаин — 54 шлема и 53 панциря, а прочие более низкие военные должностные лица располагали только панцирями: юк боил — 26, юк багаин и бири багаин — 22, зиткомир — 17, а ичиргу багаин — лишь 12 панцирями¹⁸. Налицо сложный и разнородный состав военной аристократии, главное место в рядах которой занимали боилы и багаины и в среде которой быстро развивался процесс иерархизации рангов.

О военной субординации в болгарском обществе свидетельствует также надпись, согласно которой ичиргу боил имел в своем распоряжении 455 пластинчатых панцирей, 540 шлемов, 427 кольчуг и 854 шлема, тогда как вооружение туртуна шиля жупана ограничивалось 20 пластинчатыми панцирями, 40 шлемами, 1 кольчугой и 1 шлемом¹⁹. Согласно этому перечню, под военным командованием ичиргу боила находились 1394 воина, из которых 882 были тяжеловооруженными и 512 легковооруженными, а под началом жупана — 41 воин (21 тяжеловооруженный и 20 легковооруженных)²⁰. Это соотношение (3,4 : 1 между воинскими подразделениями ичиргу боила и жупана) позволяет думать, что жупан, возможно, был подчинен ичиргу боиле. Верховным военачальником созданного в первой половине IX в. отборного болгарского войска, которое приходило на смену народному ополчению, оставался хан. В сопровождении высших представителей именно этого войска в начале X в. (в 921 г.) болгарский царь Симеон встретился с императором Романом I Лакапином. Отборное войско Симеона было разделено на много отрядов; одни из них были, по словам византийских хронистов, вооружены золотыми щитами и золотыми копьями, другие — серебряными щитами и копьями, трети — оружием всех цветов, и все они были облачены в железные доспехи²¹.

Поскольку ичиргу боил считался «управителем» (топархом) «внутренних крепостей» (областей), в жупане можно усмотреть представителя военно-административной власти, компетенция которой простиралась на значительно меньшую территорию. Логично допустить, что служба данного лица была связана с военной властью над воинскими силами его области. Возможно, жупан отвечал за оборону близлежащей местности, когда требовалось собрать войска для немедленного отпора врагу. Что же касается ичиргу боила, то он скорее всего командовал крупными контингентами и руководил серьезными военными операциями.

Приведенный материал говорит о служебном характере болгарской аристократии, отраженном в ее титулатуре. Титулами «боил», «багаин», «багатур» и составными из них — «боил колобр», «кан боил колобр», «юк боил», «ичиргу багаин», «сетит багаин», «багатур багаин», «юк багаин», «бири багаин»²² — обозначались носители власти разных рангов, имевшие как определенные права, так и обязанности, чаще всего военно-административные. Титул «боил» является общим определением, кото-

рое ставилось перед всеми названными титулами и указывало на принадлежность к великому боилству (болярству), высшие члены которого были упомянуты Константином Багрянородным как «шесть великих боилов»²³, после коих следовали «остальные внутренние и внешние боляре».

Обладавшие привилегиями и наследственно-родовыми традициями представители высшего слоя боилов составляли постоянное окружение государя. С ними хан Паган явился к византийскому императору Константину Копрониму²⁴. Во время болгаро-сербского конфликта при хане Пресиане (831–836) сербы пленили его сына Владимира с 12 великими боилами²⁵. О наличии внутренних градаций в среде болгарской феодальной аристократии явствует и из данных о бунте многих болярских родов в ходе крещения болгар. Из этих боляр «более крупные (*maiores*) были перебиты мечом, а средние (*mediocres*) и мелкие (*minores*) не претерпели никакого зла»²⁶. Общим для всех разрядов болярства было то, что к нему принадлежали люди, причастные к высшей государственной власти. Из их среды подбирались должностные лица и члены правительенного совета (синклита). Боляре являлись военными людьми, но упоминание о них часто связывалось и с ролью советников²⁷.

Кроме титулов боил, багаин, багатур и составных из них, представители славяно-болгарской аристократии носили также титулы «таркан», «колобр», «комит», «челник», «жупан» и другие²⁸, тоже свидетельствующие о субординации среди привилегированных членов болгарского общества. Нет сомнений в том, что «жупан», «комит» и «таркан» относились к должностным лицам провинциального управления, олицетворявшим верховную государственную власть на местах и образовавшим военно-аристократическую элиту территориально-административных областей. В VIII–X вв. жупаны представляли правящий слой и в первых объединившихся княжествах сербских, захлумских, транувских и дуклянских племен²⁹. В пределах своих территориально-административных районов они исполняли военные и гражданские функции, входили в слой раннефеодальной титулованной аристократии³⁰.

Судя по некоторым памятникам материальной культуры (золотой сосуд из Надь Сент Миклош, принадлежавший боилу жупану³¹, серебряная чаша из Преслава великого жупана Сивина³²), а также по отрывочным данным письменных источников, носители высших титулов были обладателями определенного социально-имущественного статуса. Их богатства, несомненно, были связаны и с их социально-ранговыми привилегиями. В результате успешных войн представители знати захватывали большую часть военной добычи (плеников, коней, оружия, денег, предметов роскоши и т. п.). Согласно одной из глав памятника южнославянского права «Закона судного людем» (ЗСЛ), «шестую часть надлежит взять князю, а все остальное пусть возьмут все люди, малые и большие, и разделят поровну. А жупану пола-

гается княжеская часть, а другая добыча является долей людей»³³. Следовательно, жупан, наряду с князем, являлся высшим военачальником, который, как кажется, по своему социальному и имущественному положению не отличался от князя, так как наравне с ним являлся носителем военного опыта и получал 1/6 от приобретенной во время войны добычи. Тогда как цитированный памятник отражает более раннюю традицию, житие Марии Новой свидетельствует о практике, утвердившейся во время войн Симеона: «Поскольку упомянутый Симеон имел обычай начальников, которых он ставил во взятых им городах, через известное время отзывать к себе и посыпать других вместо них..., начальники, которые оставляли гарнизон, считая, что надлежит — по закону войны — возвращаться домой с добычей, совершили набеги на покидаемые ромейские области и, лишь взяв большую добычу, отправлялись в свои земли»³⁴.

Во время военных и дипломатических успехов Болгарского государства его правитель, возглавлявший аристократическую элиту, также оказывался обладателем огромных богатств. Хан Тервель, как сказано в словаре Суды, «положил, перевернув, свой щит, который имел во время войны, и [поставил на него] свой кнут, которым стегал своего коня, и сыпал деньги, пока они не скроют и щит, и кнут. Он поставил свое копье на землю и до верха его и в большом количестве навалили шелковые одежды. Наполнив сундуки золотыми и серебряными монетами, он раздавал их воинам, разбрасывая правой рукой золото, а левой серебро»³⁵. Выразительную картину великолепия обстановки, окружавшей Симеона, нарисовал Иоанн Экзарх в своем «Шестодневе»: «Поскольку простой народ, который жил за стенами города, не видел облеченного в мантию, прошитую золотыми нитями, князя, носящего на своей шее золотое ожерелье, опоясанного пурпурным поясом, с плечами, осыпанными бисером, и с золотым мечом [на боку], то, если бы его увидел, был бы исполнен удивления»³⁶. Одежда и дорогие украшения были также, разумеется, признаком знатности, свидетельствуя не только о материальном достатке, но и о принадлежности к одной из прослоек феодальной аристократии.

Дарения, которые государь делал в пользу своих служилых людей, были одним из источников обогащения аристократии. В Шуменской надписи сказано, что хан Маламир «дал большие дары боилам и багаинам»³⁷. Хотя в источниках не названы конкретно формы дарения государя, можно предполагать, что «все имущество» чергубиля Мостича, упомянутое в надписи из Великого Преслава (X в.), состояло, помимо движимого, также из недвижимой (поземельной) собственности, которую он получил за свое «чергубильство» от Петра и Симеона, т. е. как награду за исполнение своей должности³⁸. Разумеется, стоимость недвижимой и движимой собственности трудно поддается сравнению. Тем не менее, по законодательным памятникам, начиная с норм римского права, явствует, что наказания за посягательства на по-

земельное имущество были намного более суровы, чем за кражу движимого имущества. Поэтому и стабильный слой аристократии формировался лишь на базе наследственного землевладения; известно также, что любая аристократия стремилась превратить свои титулы и свое право собственности в наследственное достояние.

Из всего сказанного можно заключить, что период с VII по XI вв. составляет первый этап в становлении и консолидации болгарской феодальной аристократии, которая была прежде всего служилой и наследственно-родовой и лишь после этого — феодально-поземельной. Ее экономическая мощь была производной от их участия в управлении публично-правовой власти, в функционировании органов государственного управления. Как и на раннесредневековом европейском Западе, она приобретала в Болгарии феодальную собственность «в силу своего высокого общественного положения, а не наоборот»³⁹.

Поскольку в феодальном обществе высокий социальный статус достигался благодаря происхождению и службе, постольку и балканскую аристократию условно можно считать двухразрядной: наследственной по своему изначальному статусу (т. е. по происхождению) и служебной (т. е. возвысившейся благодаря своему положению). Граница между обоими разрядами была размыта, члены наследственной (родовой) аристократии также получали возможность укрепить свои общественные позиции и сократить богатства только с помощью государственной службы. В свою очередь люди, достигнувшие высокого социального престижа на государственной службе, также могли оказаться родоначальниками знатных родов, и в этом состоял один из способов обновления аристократии.

Что касается ранневизантийской аристократии, то в исторической литературе устанавливается такое деление на разряды, которое возбуждает немало вопросов. Прежде всего не указаны критерии, на основе которых разграничиваются, с одной стороны, чиновно-бюрократическая столичная служебная аристократия (ее еще называют аристократией денег), а с другой — феодализирующаяся провинциальная неслужилая землевладельческая знать. Действительно, в зависимости от того, где проживали представители различных слоев аристократии, ее можно условно разделить на столичную и провинциальную, хотя ни в одном из источников не засвидетельствована именно такая двучленная формула общественного расслоения и, в частности, — для аристократической верхушки империи. Напротив, Феофан и Никифор, рассказывая о различных событиях византийской империи, пишут о том, что в них принимали вместе участие «константинопольцы и жители фем», тагмы, императоры, императрицы и «все патрии и синклитики», селяне и горожане, ремесленники и должностные лица, патриархи и весь клир — «архиереи, иереи, монахи», «воины и бедные»⁴⁰. Социальная стратиграфия византийского общества не определялась только тем, был ли человек

жителем столицы или он проживал в провинции. Впрочем, характерным для Византийской империи был факт оформления сильной провинциальной аристократии, домогавшейся власти в Константинополе,— явление, которое не было свойственно Болгарии на этом этапе, так как болгарская аристократия оставалась тесно связанный с центральной властью.

Упомянув о вступлении на престол Льва III в 717 г., Феофан в ретроспективном плане рассказал о карьере этого императора. Уроженец Малой Азии, он был переселен вместе с родителями в Месемвию во время первого царствования Юстиниана II (685—695 гг.), а когда Юстиниан во Фракии шел к Константинополю вместе с болгарами, Лев его встретил, подарил 500 овец, а Юстиниан тотчас возвел его в ранг спафария и держал при себе как близкого человека. Завистники оклеветали Льва, обвинив его в стремлении к престолу, но в результате дознания доносчики были посрамлены. Молва о замыслах Льва не стихала⁴¹. Тогда Юстиниан II Ринотмет отправил спафария во главе посольства на Кавказ, и после исполнения военно-дипломатической миссии Лев вернулся в столицу. Когда на престол вступил Анастасий II (713—715 гг.), Лев был назначен «стратигом анатоликов»⁴². Итак, состоятельный лицо из провинции могло оказаться в кругу высших представителей столичной аристократии и исполнять последовательно важные должности и даже встать, наконец, во главе этой аристократии, заняв императорский трон. Сходной была карьера другого византийского императора — Льва V Армянина (813—820 гг.), который, попав в немилость, был пострижен в монахи при Никифоре I Генике (802—811 гг.), при Михаиле I Рангаве (811—813 гг.) был возвращен и сделан «патрикием и стратигом Анатолийской фемы»⁴³, подняв со своими войсками мятеж, он захватил трон.

Для ранневизантийского периода можно привести немало данных о могуществе провинциальной аристократии, высшие представители которой располагали и крупными военными силами в провинциях, и влиянием в столичной среде, так что были в состоянии распоряжаться порой и судьбами трона. Так, патрикий Георгий Вораф, имевший под началом опсикийские войска и пребывавший во Фракии с целью «защиты страны от нападения болгар», направился к столице и сверг Филиппика Вардана (713 г.)⁴⁴, иначе говоря, когда решался вопрос о судьбах императорского престола, провинциальная аристократия оказалась не менее деятельной, чем столичная. Уместно в этой связи напомнить о заговоре 719 г. против Льва III, организованном свергнутым и заточенным в Солуни Артемием (бывшим императором Анастасием II). Ставясь привлечь к заговору влиятельных лиц, Артемий писал видным сановникам столицы, гражданским и военным⁴⁵. Заговор был раскрыт, его участники, в том числе архиепископ Солуни, были схвачены и наказаны, их имущество было конфисковано.

В данном случае в борьбе за престол столичная и провин-

циальная, светская и духовная аристократия объединили свои силы. Деление византийской аристократии на столичную и провинциальную, возможно, справедливо для низших аристократических кругов, но для высшей знати византийского общества это разграничение нередко утрачивало значение: представители обеих группировок легко переходили из одной в другую. Нельзя, например, причислить Льва Торника только к столичной или только к провинциальной аристократии. По словам Михаила Атталиата, он происходил из Адрианополя, но отмеченный при Константине IX Мономахе (1042–1055 гг.) достоинством патрикия и веста, достиг высокого положения в столице. Будучи «стратигом Мелитины», он был обвинен как зачинщик бунта войск в Македонии, лишен поста и обречен на монашескую жизнь, но продолжал свободно проживать в столице. Затем, тайно удалясь из Константинополя, Лев Торник ушел в Адрианополь, собрал войска и в 1047 г. поднял мятеж против императора⁴⁶. Никаких намеков на существование двух обособленных разрядов аристократии (столичной и провинциальной) нет и в указе императрицы Ирины, согласно которому византийская элита состояла из духовных лиц, двух категорий служилых лиц, воинов, «состоятельных людей и тех, которые живут в благочестии».

Определяющим фактором различий в среде византийской аристократии была государственная служба и связанные с ней титулatura. Исполнение высших военных и гражданских функций как в столице, так и вне ее доверялось главным образом обладателям титула патрикия, часто в сочетании (согласно Клиторологии Филофея) с другими высокими чинами – анфипат патрикий и стратиг фемы, анфипат патрикий и комит фемы, анфипат патрикий и доместик схол, анфипат патрикий и энпарх города и др. С титулом «патрикий» в источнике упомянуто не так много высших персон; среди них находился патрикий Феодосий Саливар, упомянутый как один из высших вельмож (мегистанов) Никифора I, погибших вместе с императором в битве с болгарами в Вырбипском проходе (811 г.)⁴⁷. Феофан упоминает также о некоем патрикии, наблюдавшем при Константине V за работой по восстановлению водопроводов столицы⁴⁸.

С важным государственным поручением в Болгарию прибыл патрикий Сисиний, который впоследствии, изменив императору, командовал болгарским войском, был участником заговора против Льва III⁴⁹. В 968 г. в Сирию был послан с мирной миссией патрикий Иоанн Радин⁵⁰, а патрикий Никифор в том же году получил деликатное поручение восстановить мир с болгарами⁵¹. В 924 г. патрикий Михаил Стипиот (в источниках он обозначен и как «мегистан», т. е. вельможа, или синклитик) вместе с патриархом и парадинастом Иоанном Мистиком вели переговоры с Симеоном об установлении мирных отношений⁵². Мы привели отнюдь не все известные примеры, но и они ставят под сомнение вывод о почетном характере титула «патрикий», особенно для

VIII–IX вв., когда сословная терминология находилась в процессе быстрого оформления. Вопреки этому мнению, носитель данного титула в Византии (как и титула «боил» в Болгарии) означал вельможу, который, благодаря своим, может быть, экстраординарным поручениям, получал и большие привилегии. Чем иным можно объяснить желание стратига Херсона Иоанна Богаса получить титул патриция, обещая взамен этого императору направить печенегов против Симеона?

Титулами «боил» («болярин») в Болгарии и «патрикий», «магистр», «анфипат» – в Византии обозначались представители высшей элиты, из среды которой избирали членов такого сословно-представительного органа, каким был синклит в империи и болярский совет в Болгарии. Эти представители аристократической верхушки имели определенное место у императорского стола (были сотрапезниками государя) и располагались, как отмечено в Клиторологии, «по степени своего достоинства и службы».

Так как руководство войском было исключительной привилегией, честью и обязанностью высшей аристократии, то феодальная аристократия Византии, состоявшая из патрициев, обозначаемых также как стратиги и комиты фем, доместики схол, доместики экскувитов, друнгарии флота, протоспафарии, спафарии, протовестиарии и т. п.⁵³, имела военный характер. Даже в XI в., когда с титулами магистра и патриция в круг византийской знати были включены выходцы из различных пародов⁵⁴, эти чужеземцы вливались в среду военной аристократии. В том и состояло одно из средств византийской дипломатии, что ино-племенники из знатных родов через предоставление высоких чинов и крупных должностей и посредством брачных династических связей вливались в состав византийской аристократии; так нейтрализовались их стремления к организации враждебных империи государственно-политических объединений.

Что касается стратигов фем, то они, как известно, располагали в VIII–X вв. не только военной, но и гражданской властью в доверенных им управлению военно-административных областях. Поэтому не существовало ясного разграничения между военными и административно-фискальными функциями высших должностных лиц, поэтому и трудно разделить аристократию на чисто военную и чисто гражданскую. Выдвинув Льва Торника и почтив его достоинством патриция, а затем – веста, Константин IX Мономах доверял ему часто командование в походах и гражданские должности⁵⁵. Даже патриции-евнухи, о которых в Клиторологии Филофея сказано, что «те из них, которые на службе, предпочитаются другим», облекались, помимо гражданской, также военной властью. Во время Иоанна Цимисхия натиск арабов был отбит с помощью восточных войск во главе с патрицием Николаем, придворным евнухом императора, который «в частых походах приобрел большой опыт в сражениях»⁵⁶. Известный евнух, паракимомен Василий, участвовал вместе с императором

в организованном Иоанном Цимисхием походе против русских в 971 г. в качестве и военного предводителя⁵⁷.

Приведенные примеры не позволяют отбросить понятие «служебная аристократия» и заменить его, как это делается в некоторых новейших исследованиях, термином «имперская аристократия»⁵⁸, использовавшимся еще историками западногерманской школы Г. Телленбаха при изучении франкского и раннегерманского периода истории европейского Запада⁵⁹. Рассматривать ранневизантийскую аристократию как «имперскую», т. е. как состоявшую из лиц, сплоченных вокруг центральной власти и исполнявших те или иные функции в зависимости от степени близости к владетельной особе, можно лишь по мотивам формальной логики. Мне представляется, что о такой аристократии, тесно связанной посредством семейно-родственных отношений с императорским домом, можно говорить только для конца XI—XII в., т. е. для эпохи Комнинов, когда царские родичи наряду с членами синклита оформились в особую группу византийской аристократии. Это хорошо показано современником, Никитой Хониатом, который выделил три группы византийской элиты: родственники императора, члены «герусии» (синклита), управляющие делами государства, наконец, «люди, которым были даны блестящие достоинства и которые возвысились благодаря царской благосклонности»⁶⁰. В период же VII—XI вв. византийская аристократия поднималась отнюдь не из благородной среды и имела подчеркнуто служилый характер. Ее титулatura отражала определенную степень власти, а не ту или иную степень родства с государем, как это было во время Комнинов.

Помимо обладания чинами и должностями, важным признаком знатности было богатство, и нельзя сказать, что византийские авторы не обращали на это внимания. В источниках еще со времен Юстиниана I (527–565 гг.) (в том числе у Прокопия Кесарийского⁶¹) весьма часто говорится о богатстве и богатых, о конфискации имущества у видных представителей аристократии. Такой была участь и заговорщиков против Льва III⁶², и царедворцев (*βασιλίκοι ἀυθρώποι*) Никифора I Геника, которые готовили в 807 г. мятеж против императора. Сходной была судьба паракимомена Василия Нофа, от которого император Василий II решил избавиться, отправив его в заточение и конфисковав имущество⁶³.

Вопреки мероприятиям императорской власти, включая и новеллу Василия II против динатов от 996 г., с целью ограничения экономической мощи византийской аристократии ее движимые и недвижимые имущества в X–XI вв. росли все быстрее и приобретали статус наследственной собственности. О непомерной алчности логофета дрома Никифора (Никифорицы) специально писал Михаил Атталиат, отмечая, что Никифорица не останавливался, используя свое положение ближайшего к императору сановника, ни перед какими средствами для увеличения своих доходов и недвижимых владений⁶⁴.

Из всего сказанного выше об аристократии в раннефеодальных государствах на Балканах можно заключить, что в то время как в византийской истории период IV—VI вв. был временем постепенного заката римской сенаторской аристократии, а VIII—XI вв.—периодом нестабильности в господствующей элите, в болгарских землях оформлялась стабильная родовая аристократия, носитель государствообразующих идей и устремлений рода Дуло. С середины IX в. в Болгарском государстве начался процесс становления единой славяно-болгарской аристократии, часть которой периодически занимала государственные посты. В ее формировании государственная служба сыграла определяющую роль — служила аристократия разделила с государем власть над всей территорией страны.

Период XI—XII вв. был временем аристократии социальных верхов византийского общества, становления наследственной аристократии. В XII в. принадлежность к знатному роду уже определяла и место лица в придворной и государственной иерархии вообще, подверглась преобразованию и система византийских почетных титулов. На этом же этапе произошло экономическое укрепление феодальной аристократии, сочетавшей обладание крупной земельной собственностью с высоким служебным положением. Аристократия обрела подчеркнуто поземельный характер, так как в средние века социальное влияние привилегированного сословия опиралось прежде всего на его экономическую мощь, и для аристократии как господствующего феодального класса такой экономической базой могла быть только земля. Следовательно «служба» и «землевладение» не противостояли друг другу на Балканах; а сливались воедино. Поэтому для раннефеодальных государств на полуострове можно поставить знак равенства между аристократией и господствующим феодальным классом, ибо важнейшим критерием аристократизма было «обладание правом и властью». Иными словами, в социальном плане господствующий класс сформировался из представителей аристократии, чему способствовали следующие факторы: 1. Ее происхождение из наиболее знатных и богатых слоев балканского населения; 2. Получение ею земельных владений за государственную службу; 3. Ее близость к государю. Поскольку в основе любой социальной градации лежат общественные функции, постольку и характер раннефеодальной балканской аристократии определялся ее сопричастностью к государственной власти, а не размерами ее владений и сеньориальными правами, хотя, разумеется, всякое общество имеет, помимо юридических, и имущественные критерии для своих градаций.

¹ Мы избегаем опираться на данные от IV—VI вв., так как этот период одни авторы считают позднеантичным, а другие — переходным к феодализму (См. об этом: Курбатов Г. Л. К проблеме перехода от античности к феодализму в Византии.— В кн.: Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1980, вып. 3, с. 3–5).

Ср.: *Лебедева Г. Е.* Социальная структура византийского общества. Л., 1980, с. 11–68, 164). Мы начинаям рассмотрение проблемы с VII в. ввиду того, что VII–IX вв. являются периодом переустройства всего византийского общества, как и временем образования славяно-протоболгарского государства.

² *Yannopoulos P. A.* La société profane dans l'Empire byzantin des VIIe–VIIIe siècles. Louvain, 1975, p. 14–19, 182; *Patlagean E.* Pauvreté économique et pauvreté sociale à Byzance. 4e–7e siècles. P., 1977, p. 431; *Winkelmann F.* Zur Aristokratie.—In: *Byzanz im 7. Jahrhundert: Untersuchungen zur Herausbildung des Feudalismus*. B., 1978, S. 180–191; *Foss C.* Archaeological explorations of Sardis: Byzantine and Turkish Sardis. Harvard, 1976, p. 76.

³ *Theophanes. Chronographia/Rec. C. de Boor.* Lipsiae, 1883, t. I, p. 164.

⁴ *Procopii Caesariensis Historia arcana/Ed. J. Haury-Wirth.* Leipzig, 1963.

⁵ *Beck G.* Konstantinopel: Zur Sozialgeschichte einer frühmittelalterlichen Hauptstadt.—*Byzantinische Zeitschrift*, 1965, Bd. 58.

⁶ *Magnus Felix Ennodius. Opera.*—In: *MGH Auctores antiquissimi. Hannoverae*, 1885, t. VII, p. 25.

⁷ *Гюзелев В.* Икономическо развитие, социална структура и форми на социална и политическа организация на прабългарите до образуването на българската държава.—*Археология*, 1979, № 4, с. 18.

⁸ *Beßevliev V.* Die protobulgarischen Inschriften. B., 1963, S. 306. Ср.: Именник на българските ханове: Критично издание с коментар и обяснителни бележки от И. Богданов. С., 1981, с. 16.

⁹ Именник на българските ханове..., с. 17. Интересное новое толкование «Именника» см.: *Венедиков И.* Медното гумно на прабългарите. С., 1983, с. 24–29.

¹⁰ *Theophanes. Chronographia*, t. I, p. 432.

¹¹ ГИБИ, т. III, с. 303. В сущности это же выражение – *ἐκ τηρᾶς* употреблено Феофаном по отношению к пребывавшему около 711–712 гг. в Херсоне хазарскому сановнику Зоилу, который «был первым по роду и племени» (Ср.: Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора/Тексты, пер., коммент. М., 1980, с. 40).

¹² Византийски извори за историју народа Југославије. Београд, 1959, т. II, с. 47–50.

¹³ *Михаил Пселл.* Хронография/Пер., статья и примеч. Я. Н. Любарского. М., 1978, с. 47.

¹⁴ *Йоан Екзарх.* Шестоднев/Прев. от старобългарск., послеслов и коментар от Н. Кочев. С., 1981, с. 163; *Трифонов Ю.* Сведения за старобългарски живот в Шестоднева на Йоан Екзарх.—Списание БАН, клас ист.-фил., 1926, т. 35, с. 14 и сл.

¹⁵ Сказания о начале славянской письменности. М., 1981, с. 78.

¹⁶ *Бешевлиев В.* Първобългарски надписи. С., 1979, с. 212, 215–216, 219.

¹⁷ *Хазанов А. М.* Классообразование: факторы и механизмы.—В кн.: Исследования по общей этнографии. М., 1979, с. 125–169.

¹⁸ *Бешевлиев В.* Първобългарски надписи, с. 180–186. Ср. также таблицы о военной субординации в командном составе болгарского войска: *Гюзелев В.* Ичиргу-боилите на Първата българска държава (VII–XI вв.).—ГСУ ФИФ, 1973, т. 65, кн. III, с. 146; *Венедиков И.* Военното и административното устройство на България през IX–X век. С., 1979, с. 53–54.

¹⁹ *Бешевлиев В.* Първобългарски надписи, с. 186–189.

²⁰ *Гюзелев В.* Ичиргу-боилите..., с. 144.

²¹ ГИБИ, т. V, с. 133.

²² *Бешевлиев В.* Първобългарски надписи, с. 210–220, 180–183, 233–234, 125, 174, 224, 132–134, 186; *Венедиков И.* Военното..., с. 13–55.

²³ *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio/Ed. Gy. Moravcsik, R. H. J. Jenkins.* B., 1949, p. 154.

²⁴ *Theophanes. Chronographia*, t. I, p. 436.

²⁵ ГИБИ, т. V, т. 209.

- ²⁶ Дечев Д. Отговорите на папа Николай по запитванията на българите. С., 1922, с. 32. Ср.: Венедиков И. Военното..., с. 17–18.
- ²⁷ Трифонов Ю. Към въпроса за старобългарското болярство.— Списание БАН, класъс ист.-фил., 1923, т. 26, с. 36–39.
- ²⁸ Венедиков И. Военното..., с. 41–44, 57–60; Андреев И. Нарышская надпись князя Симеона и административное устройство государства в конце IX – начале X в.— *Etudes Balkaniques*, 1978, N 3, р. 121–131; Койчева Е. Титлата жупан и въпросите на българската държавност.— В кн.: Институции и държавна традиция. С., 1982, с. 117–124.
- ²⁹ ГИБИ, т. V, с. 206, 211–212.
- ³⁰ Бромлей Ю. В. Становление феодализма в Хорватии. М., 1964, с. 304–306; Грачев В. П. Сербская государственность в X–XIV вв. М., 1972; История српског народа. Београд, 1981, кн. 1, с. 148.
- ³¹ Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. В., 1958, т. II, р. 18.
- ³² Тотев Т. Сребърна чаша с надпис от Преслав.— Изв. на Българския археологически институт, 1964, т. XXVII, с. 11–12.
- ³³ Тихомиров М. Н. Закон судный людем (краткая редакция). М., 1961, с. 36, 38.
- ³⁴ ГИБИ, т. V, с. 79.
- ³⁵ ГИБИ, т. V, с. 310.
- ³⁶ Йоан Екзарх. Шестоднев, с. 61.
- ³⁷ Бешевлиев В. Първобългарски надписи, с. 210.
- ³⁸ Станчев Ст. Надгробният надпис на чъргубиля Мостич от Преслав.— В кн.: Надписът на чъргубиля Мостич. С., 1956, с. 8; Гюзелев В. Ичиргубоилите..., с. 160–161.
- ³⁹ Гюзелев В. Ичиргу боилите..., с. 161.
- ⁴⁰ Theophanes. Chronographia, т. I, р. 136, 157, 160, 248, 252, 289, 375, 377, 438, 449, 460, 491, 494; Nicephori archiepiscopi Constantinopolitan Opuscula historica/Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880, р. 15, 44.
- ⁴¹ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения..., с. 42.
- ⁴² Theophanes. Chronographia, т. I, р. 359.
- ⁴³ ГИБИ, т. IV, с. 17, 19.
- ⁴⁴ ГИБИ, т. III, с. 182–183, 300.
- ⁴⁵ Nicephori archiepiscopi Constantinopolitan Opuscula..., р. 55–56.
- ⁴⁶ Michaelis Attaliotae Historia/Rec. I. Bekkeri. Bonnae, 1853, р. 22.
- ⁴⁷ ГИБИ, т. IV, с. 121–124. О византийских институтах и титулах ср.: Brehier L. Le monde byzantin. Р., 1970, т. II. Les institutions de l'Empire byzantin; Lemerle P. Le monde de Byzance. Р., 1978.
- ⁴⁸ ГИБИ, т. III, с. 278, 282.
- ⁴⁹ Theophanes. Chronographia, т. I, р. 440.
- ⁵⁰ ГИБИ, т. V, с. 126, 161, 177, 249.
- ⁵¹ ГИБИ, т. VI, с. 147, 253.
- ⁵² ГИБИ, т. V, с. 127, 161, 177.
- ⁵³ ГИБИ, т. IV, с. 119, 123; т. V, с. 120, 122, 128, 130, 138, 158, 163; т. VI, с. 59.
- ⁵⁴ Guillard R. Contribution à la prosopographie de l'Empire byzantin: Les patrices.— ЗРВИ, 1971, кн. 13, с. 1–25; Božilov I. Les Bulgares dans la préséance et dans l'administration byzantine.— *Etudes Balkaniques*, 1978, N 3, р. 114–115.
- ⁵⁵ Michaelis Attaliotae Historia, р. 22.
- ⁵⁶ Leonis Diaconi Historiae libri X/Rec. B. Hasii. Bonnae, 1828, р. 102–103.
- ⁵⁷ ГИБИ, т. VI, с. 263–264.
- ⁵⁸ Лебедева Г. Е. Социальная структура..., с. 152.
- ⁵⁹ Барг М. А. Буржуазная историография о социальной структуре средневекового общества.— ВИ, 1966, № 12, с. 92.
- ⁶⁰ Nicetae Choniatae Historia/Rec. I. Bekkeri. Bonnae, 1835, р. 206, 593–594.
- ⁶¹ Прокопий. Тайната история. С., 1983, с. 51.
- ⁶² Theophanes. Chronographia, т. I, р. 482–483.
- ⁶³ ГИБИ, т. V, с. 276.
- ⁶⁴ Michaelis Attaliotae Historia, р. 21.

К ВОПРОСУ О ТОВАРООБМЕНЕ НА БАЛКАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В ПЕРИОД РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Нашествия варваров, охватившие в IV—VII вв. Европу, включая и Балканский полуостров, первоначально разстроили, а в конце этого периода окончательно уничтожили возникшую в период античности стройную экономическую систему. Несмотря на сравнительно низкий уровень экономического развития новых поселенцев создались, однако, условия для постепенного подъема производства, обеспечивавшего товарообмен. Поэтому с конца VI — начала VII в. наступил длительный период экономической и политической консолидации, создания государств и накопления «первоначального капитала» в натуральном или денежном виде, что уже предполагало и появление торговли.

Только одно из европейских государств, а именно — Византийская империя, которая постепенно перешла от античности к средневековью, сохранив немало достижений предшествующего времени, сумела одновременно с этим приспособиться к новым условиям. Византия не только продолжала заниматься торговым обменом, но и превратилась в основного посредника между Востоком и Западом, Севером и Югом, поддерживая товарно-денежные отношения на протяжении всего средневековья. Основным предметом ее экономической деятельности было снабжение продовольствием огромного рынка и не менее значительного потребительского центра, каким являлась ее столица Константинополь. Таким образом, столица относилась к своим собственным провинциям как к колониям в том смысле, что вывозила из них природное и сельскохозяйственное сырье, оставляя местным купцам и международным посредникам заботу о ввозе¹. Такую практику она проводила и в своих отношениях с новообразованными государствами Восточной и Юго-Восточной Европы.

Большую роль для процветания Константинополя сыграло и его благоприятное географическое положение. Расположенная на перекрестке морских и сухопутных коммуникаций и прежде всего — на границе двух морей, первое из которых было замкнутым и доступным лишь для проезжающих в Константинополь, а другое было открытым всему миру, столица Византии превратилась не только в основного посредника во всей средиземноморской торговле, но и обеспечивала себе продовольствие с берегов Черного моря². Эти свои функции Константинополь мог исполнять, лишь благодаря наличию значительного и хорошо организованного флота, с помощью которого он осуществлял связь и контроль над собственными территориями, охрану от врагов и международные контакты. Водный транспорт был на ранних этапах истории человеческого общества основным, поэтому, как по ха-

рактеру развития кораблестроения и судоходства, так и по разветвленности морских дорог и пристаней, можно судить и о состоянии торговли.

Балканский полуостров, который составлял часть Восточной империи до нашествия славянских племен, с VII до X в. в своей западной, юго-восточной и южной частях оставался в пределах Византии и, как в политическом, так, естественно, и в экономическом отношении тяготел к ней. Только созданная в конце VII в. в северо-восточной части полуострова Болгарская держава обладала политической, военной и экономической самостоятельностью и стала наследницей древних болгарских торговых обычая, принесенных с их родины у Азовского моря³. В скором времени новообразованное государство вступило в торговые контакты с прежней владетельницей его земель и властительницей Черноморского бассейна — Византией, отношения болгар с которой были упорядочены уже с 716 г. посредством мирного договора, куда была включена и специальная статья о том, что «торгующих с обеих сторон надо снабжать грамотами и печатями»⁴. Таким образом, торговый обмен между Болгарией и Византией существовал, видимо, еще с возникновения Болгарского государства. Он, вероятно, имел место в мирное время при вывозе традиционного для этих земель и населяющих их народов сырья и ввозе предметов роскоши для ханского двора⁵.

Этот обмен, конечно, имел натуральный характер и, очевидно, был свойствен большей части раннесредневекового мира, включая Болгарию до середины XI в.⁶ Даже в свидетельствах о торговле в Фессалонике, втором по значению городе Византии, где в начале X в. осуществлялась развернутая и разносторонняя торговля, не упоминается о наличии одного специфического товара, который представлял бы собой всеобщий эквивалент всех товаров, а именно о наличии денег (в виде золотых слитков или монет), хотя в Византии существовала монетно-денежная система, более того — в то время византийская номисма вместе с арабскими монетами играла роль международной валюты⁷. Болгарские владельцы тоже снабжались византийскими монетами в виде добычи, контрибуции или пошлин, включая коммерцию, уплачиваемый при торговом обмене. Но кажется, что деньги в Болгарском государстве в большей своей степени использовались и накапливались казнью в качестве определенного товара, тогда как массовым средством обращения они стали чуть позже, в XI—XII вв.⁸, вместе с увеличением городов и нарастанием их удельного веса в экономике в результате дальнейшего разделения труда и соответствующего ему расширения внутреннего рынка. Вот почему мы вправе говорить о существовании преимущественно натурального обмена как одного из начальных способов торговли, который осуществлялся на Балканском полуострове с начала VIII в. в международном масштабе, т. е. между Болгарией и Византией. Такую торговлю период раннего феодализма знал повсюду⁹. Известно, что обмен между Востоком и Западом никогда не пре-

кращался благодаря деятельности византийцев, сирийцев и евреев в водах Средиземного моря¹⁰. Не прекращался и товарооборот между Востоком и Севером в виде ежегодных торговых караванов варяжских и русских дружин в Константинополь с IX по XI вв., занимавшихся там, по крайней мере первоначально, натуральным обменом¹¹. Правда, на территории Древнерусского государства, на берегах Балтийского моря и даже в Дании и Англии были найдены византийские монеты VIII—X вв., но их малочисленность не позволяет считать, будто туда они попали как средство платежа¹². В русских землях, Польше, Чехии, даже в странах Скандинавии были найдены многочисленные золотые и серебряные арабские монеты — динары и дирхемы, которые находились в обращении в ту же самую эпоху (VIII—X вв.)¹³. Они являются бесспорным свидетельством того, что арабы вели торговлю в этих землях или что этими монетами пользовались международные торговые посредники. Однако, по высказыванию ал-Массуди, «болгары не знали ни динаров, ни дирхемов, а заключали все свои сделки... при помощи волов и баранов»¹⁴. Это сообщение подтверждается результатами археологических и нумизматических исследований, свидетельствующих о том, что в Болгарии существовала и поддерживалась государством собственная экономическая система, целиком натурального характера, проявлявшаяся в сделках болгарских купцов, принадлежавших к господствующему классу и строго придерживавшихся установленного государством регламента¹⁵. Не вызывает сомнения тот факт, что эквивалентом ввозимых, а может быть, и вывозимых товаров служил скот, а это указывает на животноводство как на такую сельскохозяйственную отрасль, которая играла ведущую роль в обеспечении излишков для внешнего рынка в тот период, когда земледелие удовлетворяло только потребности внутреннего спроса, и лишь небольшие количества продуктов интенсивного сельскохозяйственного производства, таких как лен и льняные изделия, мед и воск, вывозились в Константинополь¹⁶. Это положение соответствует и экономическому состоянию Византийской империи — главного потребителя тогдашнего болгарского экспорта. Она не нуждалась в хлебе, так как до середины XI в. владела Малой Азией, где получали до трех урожаев зерновых культур в год¹⁷. В таком случае Болгария, видимо, удовлетворяла константинопольский рынок мясом и мясными изделиями и являлась ближайшим к столице источником говядины и баранины¹⁸.

Скотоводство было старым традиционным промыслом болгар. Они привнесли его с собой и продолжали им заниматься и на своей новой родине у Дуная. Степной характер Добруджи и немалой части остальных земель тогдашнего Болгарского государства, разоренных варварскими нашествиями, являлся предпосылкой преимущественного развития скотоводства по сравнению с земледелием. Административная элита Болгарского государства поддерживала, насколько можно судить, и развивала эту отрасль

хозяйства. Как известно, она и заботилась преимущественно об организованной государственной торговле. Возможно, что эта деятельность также помогала ей удерживать государственную власть в своих руках на протяжении более чем трех столетий, так как содействовала обеспечению прочной экономической базы¹⁹.

Византийская талассократия, предпочтительное использование водного транспорта как для военных целей, так и для потребностей торговли²⁰, являлись решающим условием для установления центров товарообмена. На Балканском полуострове это были прежде всего портовые города: Константинополь, Фессалоника, Адрианополь, до которого доплывали большие грузовые суда вверх по Гебру (Марице²¹), Месемврия, которая была одним из важнейших таможенных пунктов империи на фракийском побережье²², Коринф, Модон, Патры и города азиатического побережья, через которые осуществлялась связь со славянским населением западной части полуострова. Пунктами обмена между Болгарией и Византией являлись прежде всего Константинополь, Фессалоника, Адрианополь и Месемврия²³. В это время Варна вряд ли имела большое хозяйственное значение, если судить по данным археологии и топонимии, согласно которым все портовые города севернее Гема были уничтожены во время нашествий и были снова отстроены (по крайней мере, Варна) лишь начиная с XI в.²⁴ За их счет в дельте Дуная в IX–X вв. развился как главный международный торг Малый Преслав, или так называемый Переяславец на Дунае русских хроник²⁵. Он был самым подходящим местом для контактов Византии с главной частью тогдашнего Болгарского государства, располагавшегося на обоих берегах реки. Он стоял на одном из рукавов Дунайской дельты, а не на берегу Черного моря, где преобладающие позиции в судоходстве сохраняла до начала XIII в. Византия. Торговля во всем бассейне этой реки, вероятно, осуществлялась болгарами с VIII по X в. вплоть до Великой Моравии, а может быть, и до Германии²⁶. Поэтому кажется, что Переяславец был создан и поддерживаем за счет Болгарского государства для целей и выгод собственного обмена²⁷. В него прибывали товары со всех земель по течению Дуная и со всего Черноморского бассейна, а благодаря Византии – и со всего цивилизованного мира.

Нам не известны нормы международного морского торгового права того времени и прежде всего те, которые относились к регулированию отношений Византии с входящими в ее сферу народами. Поэтому трудно точно определить место Переяславца на Дунае в морских торговых отношениях, но, по-видимому, запрещение купцам Святослава торговать там с целью привлечь их в Константинополь было одной из тайных причин предпринятого киевским князем похода на Болгарию.

В последнее время отождествление Переяславца на Дунае с Великим Преславом находит довольно много сторонников. Они

пересматривают эту проблему в связи с новыми археологическими открытиями²⁸ или с привлечением новых источников²⁹, не подвергая, однако, новому анализу всю существовавшую в этих местах тогдашнюю обстановку. По-моему, отождествление Переяславца с Великим Преславом неверно, потому что Болгарское государство вряд ли допустило бы в свою столицу разнородную толпу купцов и прежде всего — византийцев, принимая во внимание постоянные болгаро-византийские разногласия³⁰, и, кроме того, потому, что Преслав не был портовым городом (о судоходности Камчии все еще мало известно)³¹. Но если даже допустить, что в устье Камчии существовал второй Преслав, известный как Малый, который являлся как бы портом Великого, то он был бы известен русским купцам и мореходам³² и русская летопись не поместила бы его на Дунае. Поэтому я склонна придерживаться прежнего взгляда о существовании именно в дельте Дуная другого города, носившего то же имя, что и болгарская столица. Этот взгляд в последнее время подтверждается данными сфрагистики, опубликованными И. Йордановым³³. Он идентифицирует Преславец с Преславицей (теперь Нуфэрул), находящейся на втором рукаве дельты, считая с юга на север после не существующего сегодня первого рукава дельты у оз. Синое, где поселение с таким же названием встречается на морских картах и документах вплоть до XIX в.³⁴ В одном документе XVIII в., содержащем результаты исследования немецкими инженерами берега Дуная в 1779—1782 гг., Преслав (Preslow) локализован немного восточнее Тулчи, т. е. у д. Нуфэрул. Из замечания, сделанного при его описании, следует, что здесь проходил самый короткий путь к Черному морю, но уже во время этих исследований этот рукав был непригоден для плавания из-за наносов³⁵. Вероятно, на этом месте и надо искать самый большой торг раннефеодальной Болгарии — Переяславец на Дунае.

Итак, можно утверждать, что Византия, которая в VII—XI вв. владела большей частью Балканского полуострова, включала в свою экономическую систему и остальные государства, в первую очередь — Болгию.

Болгарская держава еще в первые десятилетия своего существования (716 г.) начала регулярный товарообмен с Византией, номенклатура которого нам не известна, но, вероятно, мало отличалась от торгового ассортимента IX—X вв., т. е. сводилась к вывозу продукции сельского хозяйства и ввозу предметов роскоши. Несмотря на то, что болгарский двор располагал значительным количеством золота и серебра, обмен осуществлялся натуральным способом в Фессалонике, Месемврии, Адрианополе и, видимо, в других торговых центрах, включая Переяславец на Дунае, тогда как в Константинополе он, как кажется, осуществлялся при помощи денег³⁶.

В IX в. Болгария обменивалась товарами уже не только с Византией, но (по течению Дуная) и с Великой Моравией,

и с Германией, а может быть, и с Сербией и Хорватией, куда ввозила преимущественно трансильванскую соль³⁷, а с X в.— и с Чехией и Венгрией. Тогда роль главного центра болгарской торговли стал играть Переяславец на Дунае. К нему, кроме болгарских речных судов, прибывали также византийские морские корабли, и здесь сбывалось множество разных товаров, произведенных в подунайских землях. Этот обмен, возможно, был натуральным. Русских, вывозивших те же самые продукты (лен, мед, воск, рыба), какие входили в состав болгарского экспорта (кроме мехов, икры, и может быть, соленой и копченой рыбы), вряд ли охотно допускали на этот рынок³⁸. Постепенно Переяславец превратился в один из трех крупнейших болгарских городов, наряду с Преславом и Дристрой, которыми в 971 г. овладел византийский император Иоанн Цимисхий. С самого начала он превратил Переяславец под именем Феодорополь в центр сформированной им византийской фемы у Нижнего Дуная. Эта фема позднее была переименована в Месопотамию Запада (972—976 гг.)³⁹.

В то же время торговый обмен между болгарами и византийцами осуществлялся, как уже было сказано, и в Константинополе — достаточно вспомнить конфликт 893—894 г. по поводу перемещения болгарского торга из столицы в Фессалонику. В этом важном торговом городе заключали свои сделки преимущественно представители болгарской знати из западной части государства⁴⁰. Большое расстояние от Преслава и вообще от восточной части Болгарии вместе с увеличением торговой пошлины оказались бы неблагоприятными для нормального развития торговли. Поэтому сопротивление этому со стороны болгарского царя Симеона было таким острым.

Что касается Месемврии, то если в VIII в. (а может быть, и в первой половине IX в.) она была одним из центров обмена между Болгарией и Византией⁴¹, то, вероятно, позднее она осталась центром обмена только для болгарского населения из области Загоры, а во время конфликтов Месемврия прекращала даже эту свою деятельность. Поэтому не исключено, что русские в X в. останавливались там и разменивали основную часть своих товаров, предназначенных для Константинополя и вообще для Византии⁴².

Не исключена возможность и сухопутного перевоза болгарских товаров до Константинополя, но на настоящем этапе изучения нельзя определить, какая часть вывоза шла по воде, а какие товары шли сухим путем. Поэтому я останавливаюсь здесь, делая конечный вывод, что не только в Византии, но и в самой Болгарии в период раннего средневековья осуществлялся интенсивный обмен значительным количеством товаров (в Болгарии обмен носил натуральный характер). Товары перевозились преимущественно водным путем, а центры самого обмена были известны всем купцам Восточной и Юго-Восточной Европы. Кроме Константинополя, Фессалоники и Месемврии, таким центром был также Переяславец на Дунае — самый главный и, может

быть, единственный международный торг, созданный болгарским феодальным государством и поддерживаемый им.

- ¹ Ahrweiler H. L'escale dans le monde byzantin.— In: Les grandes escales: Recueil de la Société Jean Bodin. P., 1974, p. 161–178.
- ² Mollat M. Les routes maritimes.— Bulletin AIESEE, 1972, X, N 2, p. 23–29; Verlinden Ch. Les routes méditerranéennes.— Ibidem, 1974, X, N 1, p. 27–42; Ahrweiler H. Istambul, carrefour des routes continentales et maritimes aux XVe–XIXe siècles.— Ibidem, p. 9–26.
- ³ Procopius. De bellis.— ГИБИ, т. II, с. 145. Болгарские племена, как кажется, принесли из Приазовья не только традицию занятий торговлей, но и практику расплачиваться скотом. Об этом сообщает Анастасий Библиотекарь (ЛИБИ, т. II, с. 227). Ср.: Гюзелев В. Икономическо развитие, социална структура и форми на социална и политическа организация на първобългарите до образуването на българската държава (IV–VII в.).— Археология, 1979, XXI, № 4, с. 12–21.
- ⁴ Гюзелев В., Петров П. Христоматия по истории на България. С., 1978, т. 1, с. 90.
- ⁵ Sakazov I. Bulgarische Wirtschaftsgeschichte. В.; Leipzig, 1929, S. 49–75; Примов Б. За икономическата и политическата роля на Първата българска държава в международните отношения на средновековна Европа.— ИП, 1961, № 2, с. 33–63; Беров Л. Икономическото развитие на България през вековете. С., 1974, с. 7–31; Стопанска история на България: 681–1981. С., 1981, с. 42–49.
- ⁶ Йорданов Й. Византийски фалшиви златни монети (VI–XI в.).— Нумизматика, 1979, № 1, с. 8–12; Он же. Паричното обръщение в Първата българска държава (681–1081 г.).— В кн.: История на финансова и кредитна система на България. Варна, 1981, с. 23–35; Гайдаров Н. «Законъ соудний людъмъ» и проблемът за монетите на Първата българска държава.— Нумизматика, 1981, № 2, с. 42–45.
- ⁷ Это известие относится к концу IX – началу X в. и сообщено Иоанином Камениатой (ГИБИ, т. V, с. 21–24). Подробный комментарий к этому источнику см. в кн.: Наследова Р. А. Ремесло и торговля Фессалоники конца IX – начала X в. по данным Иоанна Камениаты.— Византийский временник, 1956, т. 2, с. 61–84. О денежном обороте в эту эпоху см.: Pirenne H. Mahomet et Charlemagne. Р., 1961, р. 60–66; Lopez R. The Trade of Medieval Europe: the South.— In: The Cambridge Economic History of Europe. Cambridge, 1952, v. II, р. 269–303.
- ⁸ Йорданов Й. Ранни форми на монетно производство (XI–XII вв.) в българските земи.— Нумизматика, 1980, № 2, с. 4–15.
- ⁹ Курбатов Г. Л. К проблеме типологии византийского города.— В кн.: Средневековый город. Свердловск, 1981, вып. 6, с. 19–31.
- ¹⁰ Pirenne H. Mahomet..., р. 43–59; Ashtor E. A social and economic history of the Near East in the Middle Ages. L., 1976, р. 100–109; Idem. Gli ebrei nel commercio mediterraneo nell' alto medioevo.— In: Settimane di studio del Centro Italiano di studi sull'alto medioevo. Spoleto, 1980, v. 26, N 1, р. 401–464.
- ¹¹ Левченко М. очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 200 и сл.
- ¹² Lopez R. Le problème des relations Anglo-Byzantines du VIIe au Xe siècle.— Byzantion, 1948, XVIII, р. 139–162.
- ¹³ Gieysztor A. Les structures économiques en pays slaves à l'aube du Moyen Age jusqu'au XIe siècle et l'échange monétaire.— In: Settimane di studio del Centro Italiano di studi sull'alto medioevo. Spoleto, 1961, v. VIII, р. 455–484.
- ¹⁴ Эти слова арабского писателя Х. в. ал-Массуди см. в кн.: Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903, S. 205.
- ¹⁵ Об участии знати в торговле см.: Литаврин Г. Г. Темпове и специфика на социално-икономическое развитие на средновековна България в сравнение с Византия (от края на VII до края на XII в.).— ИП, 1970, № 6, с. 22–40.

- ¹⁶ Сюзюмов М. Я. Византийская книга эпарха. М., 1962, с. 58–59.
- ¹⁷ Teall J. L. The Grain Supply of the Byzantine Empire: 330–1025.– DOP, 1959, т. 13, р. 87–139. Дж. Тайлл предполагает только, что зерно было предметом вывоза также из Болгарии.
- ¹⁸ Сюзюмов М. Я. Византийская книга..., с. 225, где приведены все существующие в Византии условия для покупки и доставки скота и мяса, в том числе те, при которых торговцы и посредники покупали и сгоняли скот «из разных местностей» в столицу.
- ¹⁹ Чертты болгарского средневекового хозяйства были исследованы Г. Г. Литавриным (Темпове..., с. 22–40). Трудно согласиться с автором только в том пункте, что в VII–XI вв. в Болгарии в силу развития преимущественно земледелия сельскохозяйственные излишки шли на вывоз. В действительности, нет никаких данных ни о крупных товарных земледельческих хозяйствах, ни о животноводческих «фермах», и только исследование торговли дает основания для вывода о преобладающей роли скотоводства в поставке товаров на внешний рынок. Что же касается коней, то для IX–X вв. нам снова приходится обратиться к сообщениям ал-Массуди, согласно которым «бурджане суть язычники и не имеют священных книг. Кони их, используемые ими для войны, пасутся постоянно свободно на лугах, и никто не ездит на них верхом, как только во время войны, и если находят человека, который в мирное время сидет на военную лошадь, то его убивают» (Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, с. 126). Заслуживает внимания сообщение «Повести временных лет» о том, что Олег пошел на Византию «на конях и на кораблях». А. Н. Сахаров (За похода на Олег срещу Византия през 907 г. и за първият руско-български съюзен договор.– ИП, 1978, № 2, с. 72) интерпретирует это сообщение как заключение русскими тайного союза с болгарами, дабы они могли следовать сухим путем через Болгию. Болгары в своих военных походах также пользовались конями и кораблями (ЛИБИ, т. II, с. 42–43), которые в мирное время, вероятно, служили средствами транспорта.
- ²⁰ О византийской талассократии в Черном море вплоть до начала XIII в. см.: Brătianu G. La mer Noire: Des origines à l'époque ottomane. München, 1969, p. 101–183.
- ²¹ Leonis Diaconi Historia.– ГИБИ, т. V, с. 258.
- ²² Гюзелев В. Несебър.– В кн.: Български средновековни градове и крепости. Варна, 1981, т. 1. Градове и крепости по Дунав и Черно море, с. 328–329.
- ²³ Antoniadis-Bibicou H. Recherches sur les douanes à Byzance: L'Octava, le kommerkion et les commerciaux. Р., 1963, p. 193–215.
- ²⁴ Kuzev A. Mittelalterliche Städte an der Westküste des Schwarzen Meeres nördlich des Balkangebirges.– Byzantinobulgarica, 1981, VIII, p. 271; Димитров Д. Прабългари и славяни във Варненския край непосредствено след създаването на българската държава.– В кн.: Средновековна България и Черноморието. Варна, 1982, с. 89–98.
- ²⁵ Повесть временных лет. М., 1950, т. 1, с. 47–48.
- ²⁶ Сведения об экспорте болгарами соли в Моравию, а может быть, и в Германию содержатся в Фульдских анналах. См.: ЛИБИ, т. II, с. 47 (под 892 г.).
- ²⁷ Подобные торговые и таможенные пункты были организованы Византией на ее границах. В Причерноморье такими пунктами были Херсонес и Трапезунд (Сюзюмов М. Я. Византийская книга..., с. 158–159, 205).
- ²⁸ Diaconu P. Autour de la localisation de la Petite Preslav.– Revue des études Sud-Est européennes, 1965, т. III, N 1/2, p. 37–56; Năsturel P. S. Peut-on localiser la Petite Preslav à Pacuiul lui Soare? – Ibid., p. 17–36.
- ²⁹ Д. И. Полывянный в докладе «Исторические судьбы дунайских городов Болгарии в средние века» на Второй конференции преподавателей исторических дисциплин в Смоляне в феврале 1984 г. интерпретировал

летописное известие «...в Переяславце и на Дунаю» как упоминание столицы Болгарии – (Великого) Преслава.

- ³⁰ Все письменные свидетельства и археологические разыскания показывают, что Преслав был не только административным, стратегическим, религиозным и культурным, но и торговым центром, пользовавшимся государственной поддержкой. См.: *Очаров Д.* Възникане и оформяне на Преслав като средновековен град (IX–X в.). – В кн.: Средновековният български град. С., 1980, с. 107–116, особенно с. 112.
- ³¹ *Todorova E.* Commercial river ports in the Balkans during the Middle Ages. – *Etudes Balkaniques*, 1984, N 4.
- ³² Cp.: *Constantinus Porphyrogenitus.* De administrando imperio. Вр., 1949, р. 56, где о Камчи говорится только как о реке. См. также перевод Г. Г. Литаврина в кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, прилож., с. 273.
- ³³ *Йорданов Й.* Малък Преслав или Преславец: X–XI в. (по сфрагистически данни). – В кн.: България 1300: Институции и държавна традиция. С., 1982, т. 2, с. 335–340.
- ³⁴ *Koledarov P.* West Black Sea Coast Ports in the Late Middle Ages (14th – 16th Centuries), Listed on Nautical Charts. – *Etudes Historiques*, 1970, t. V, p. 260–261; *Todorova E.* Medieval Genoese nautical cartography on the West Black Sea Coast. – *Etudes Balkaniques*, 1981, N 2, p. 129.
- ³⁵ Archives Nationales de Paris. Marine, 3JJ228, pièce 1 (Description des côtes occidentales de la mer Noire vers 1738), f. 15.: «De cette Première Bouche du Danube à la seconde nommée Portitcha Bogasi que les grecs (appellent) aspas... on compte sept lieues, on y trouve quatre à cinq pieds d'eau: on y charge aussi des grains; c'est par ou passent ordinairement les galioles qui vont à Belgrad...»; pièce 38 (Description du cours du Danube depuis Belgrad jusqu'à la mer Noire, 1782)...: «Près de Preslow un bras du Danube se dirige à droite. Ce bras est nommée Kideralias ou St. George. Si ce bras n'étoit pas si embrassé par des bancs de sable, il seroit le chemin le plus court pour arriver au Pont Euxin». Сведения этих двух источников показывают, что историческая география дельты Дуная нуждается еще в дополнительных исследованиях. Показательно, что до XVIII в. в дельте Дуная сохранялся топоним Preslow (Proslavica). См.: *Кузев А.* За имената на средновековната крепост на дунавския остров Шъкуюл луй Соаре. – ИНМВ, 1977, XIII (XXVIII), с. 61–63. Автор склонен локализовать Преславец в д. Приславе (теперь Нуфэрул) на правом берегу Георгиевского канала, в 8 км восточнее Тулчи, в дельте Дуная. В последнее время стало известно, что «Переяславец на Дунае» не потерял свое значение торгового центра и в XI в. О моливдовулах коммерсиариев Преславца в XI в. см.: *Oikonomides N.* Presthlavita, the little Südost–Forschungen, 1983, Bd. XLII, S. 1–9.
- ³⁶ *Сюзюмов М. Я.* Византийская книга..., с. 198–201. Возможно, что в «Книге эпарха» не были предусмотрены привилегии для болгарских купцов, какими пользовались, например, русские и сирийские торговцы, поскольку болгарский торг переместился в Фессалонику.
- ³⁷ *Todorova E.* Commercial river ports in the Balkans...
- ³⁸ *Литаврин Г. Г.* Древняя Русь, Болгария и Византия в IX–X вв. – В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов: IX международный съезд славистов. М., 1983, с. 62–76.
- ³⁹ *Йорданов Й.* Кой български град е бил наречен Теодоропол? – Векове, 1983, № 1, с. 58–62.
- ⁴⁰ О конфликте и о перемещении болгарского торга из Константинополя в Фессалонику см.: *Златарски В.* История на българската държава през средните векове. С., 1971, т. 1, ч. 2, с. 285–288; *Bratianu G.* Le commerce bulgare dans l'empire Buzantin et le monopole de l'empereur Léon VI à Thessalonique. – В кн.: Сборник в памет на П. Ников. С., 1940, с. 30–36; *Лишев С.* Българският средновековен град. С., 1970, с. 31–34. С. Лишев справедливо обратил внимание на тот факт, что в Болгарии имело место районирование производства: лен и мед производились в области Струмы, скот, по-моему, в дунайских низмен-

ностях, а хлеб, овощи и фрукты, вероятно, во Фракии и Загоре (Ср.: Чолова Д. Данни за българския външнотърговски и мореплавателен обмен в Шестоднева на Иоан Екзарх.- Векове, 1979, № 4, с. 62-64).

⁴¹ Гюзелев В. Несебър, с. 328-329.

⁴² Литаврин Г. Г. Древняя Русь..., с. 66-67.

П. Ангелов

РОЛЬ ДИПЛОМАТИИ В СОЗДАНИИ И УКРЕПЛЕНИИ БОЛГАРСКОГО ГОСУДАРСТВА

У современного человека выражение «средние века» часто вызывает представление об эпохе постоянных конфликтов между государствами, эпохе, когда война была чуть ли не повседневностью для людей, а человеческая жизнь не считалась особой ценностью. Однако не редкими были случаи, когда не оружие, а умело и вовремя подготовленное дипломатическое «сражение» приносило гораздо большие и прочные результаты. Нет сомнений, что и в эпоху средневековья дипломатия оставалась важным средством внешней политики государств. Многие методы и принципы дипломатической деятельности, созданные и испытанные в период античности, нашли свое продолжение в эпоху средневековья. Появляются и новые, связанные со специфическими условиями зарождения и развития средневекового общества. Хорошо известно, что переход от античности к средневековью связан с коренными изменениями политической картины на европейском континенте. На исторической сцене появляются новые племена, формируются новые народности, создаются новые государства. Неравномерное общественно-политическое развитие отражается на формировании средневековой дипломатии. Для рассматриваемой эпохи можно говорить, с одной стороны, о формировании межгосударственных отношений, а с другой,— об отношениях между государствами и отдельными племенными союзами, княжествами, городами-республиками и пр. Это создавало известное своеобразие в средневековой дипломатической деятельности, если иметь в виду, что появившиеся на исторической сцене племена и государственные образования вносят что-то новое и специфическое в установленные ранее наиболее общие правила и принципы международных отношений.

Другая важная особенность в развитии средневековой дипломатии связана с ролью церкви. Идеи христианства, его морально-религиозные правила широко использовались в дипломатической практике христианских государств. Например, при заключении договоров, династических браков, ведении переговоров и пр. религия оказывала большое воздействие как на внешние и чисто формальные стороны дипломатической деятельности,

так и на формирование своеобразных дипломатических аргументов, используемых в переговорах между государствами.

Другим характерным моментом для средневековой дипломатии было большое значение правителя в рассматриваемую эпоху. Как известно, он был законодателем, судьей, главнокомандующим. Эти его многосторонние права были связаны с господствовавшей в средневековые самодержавно-религиозной идеей: правитель является наместником бога на земле¹. Поэтому не случайно, что в средневековых исторических источниках очень часто рассказывается о правителе как о самом активном участнике разнообразной дипломатической деятельности государства. Правитель часто лично вел переговоры, заключал договоры или принимал решение об их разрыве. В этой связи особенно важно при изучении средневековой дипломатии хорошо понимать образ мышления и чувств людей этой эпохи. Не следует забывать, что система ценностей и моральные принципы, господствовавшие в средневековье, имела свои особенности и нередко противоречила современным представлениям о мире, обществе и взаимоотношениях людей. Без понимания этого специфического мировоззрения трудно, а иногда и невозможно проникнуть в сущность того или иного события в истории средневековой дипломатии.

Из сказанного выше видно, что система средневековой дипломатии формировалась под воздействием различных факторов, которые придавали ей специфический облик. Эти общие факторы оказывали в полной мере влияние и на формирование элементов средневековой болгарской дипломатической системы. Речь идет прежде всего о целях дипломатии, средствах, методах, характере идеологических аргументов и теоретических принципах, на которых она строилась, а также об институтах дипломатии, которые, взятые в целом, образуют дипломатическую систему. Надо, однако, отметить, что болгарская дипломатия формировалась и под воздействием некоторых специфических факторов. Прежде всего следует подчеркнуть, что в период средневековья болгарские земли являлись своеобразным перекрестком путей между Азией и Европой, по которым прошло много племен и народов. Это, бесспорно, требовало интенсивных дипломатических действий. Необходимо также отметить, что болгарское государство возникло и развивалось в непосредственной близости от Византийской империи или точнее — на ее бывшей территории. Как известно, Византия восприняла, развила и усовершенствовала в условиях феодального строя и господства христианской религии ряд методов и принципов античного дипломатического искусства. Поэтому не случайно считалось, что Византия обладала самой гибкой и совершенной дипломатической системой в период средневековья, что позволяло ей выходить победителем из напряженных внешнеполитических ситуаций². Часть методов и принципов византийского дипломатического искусства, естественно, была воспринята и болгарским государством. Необходимо, однако, отметить, что речь идет прежде всего о творческом восприятии, а не о слепом

следовании традиционным византийским дипломатическим правилам, которые не всегда отвечали быстро меняющейся обстановке. Контакты с византийской дипломатией были установлены еще до создания болгарского государства, когда протоболгары и славяне совершили набеги на балканские провинции империи. Хотя война и доминировала в отношении Византии к миру варваров, можно сказать, что и дипломатия не исключалась как средство для сдерживания протоболгар и славян. Примером может служить «Стратегикон» Псевдо-Маврикия, дающий конкретные советы византийским полководцам в использовании дипломатических действий по отношению к славянам и протоболгарам. Автор подчеркивает некоторые особенности в общественной жизни двух этносов, показывает их нравы и обычаи, которые, по его мнению, могут быть использованы при ведении переговоров, заключении союзов и т. п.³

В рассматриваемый период, однако, дипломатические средства были все еще второстепенными при урегулировании отношений между Византией и многочисленными народами, подступавшими к ее границам. В ряде случаев ей было трудно найти с ними общий язык. Причинами этого были не только различия в религиях, степени общественно-экономического и политического развития, но и противоположность целей, которые преследовали те и другие.

Независимо от этого, предгосударственный период в истории протоболгар и славян был важным этапом в их постепенном утверждении в сложной политической обстановке на европейском юго-востоке, когда стало ясно, что возникающие противоречия не могут быть успешно разрешены только силой оружия. Полученный дипломатический опыт оказался особенно полезным в условиях болгарского государства, созданного в 681 г. Два этноса стали жить на постоянной территории с установленными границами, которые надо было защищать. Кочевая жизнь, характерная главным образом для протоболгар, ушла в прошлое, постоянного движения и сравнительной неопределенности границ уже не существовало, относительно постоянными становятся и внешнеполитические партнеры. Другими стали цели, которые преследовались во внешней политике, иными — и средства их достижения. Болгарская дипломатия VII — середины IX в. получает специфический облик, который определялся рядом факторов. Кроме господства языческой религии, оказывавшей влияние на контакты Болгарии с другими странами, большое значение имело постепенное создание и усовершенствование государственной организации, прошедшей путь от союзных началь до строгого централизма. Постепенно в руках болгарских ханов сосредоточивалась вся власть, они становились и главными руководителями внешней политики государства, его дипломатии. Кажется, что болгарские ханы, наследники Аспаруха, прежде всего стремились сделать договор 681 г. основой, на которой в дальнейшем строились бы болгаро-византийские отношения. Основные усилия дип-

ломатии были направлены на то, чтобы Византия признала существование нового государства, принимая во внимание его политические и экономические интересы, чтобы она не нарушила установленных границ и соблюдала свое обязательство выплачивать ежегодную дань. Другой важной задачей болгарской дипломатии было присоединение славянского населения, живущего на территории Византии, к болгарскому государству. Показательным в этом отношении является договор 815 г. хана Омуртага с Византией, в который был включен специальный пункт, касающийся судеб славянского населения, живущего в непосредственной близости от границ болгарского государства⁴.

Постепенно был получен ценный дипломатический опыт, оказавшийся весьма полезным в последующие столетия, когда Болгария стала играть важную роль на юго-востоке Европы. Большое значение имело принятие в 865 г. христианской религии. Принятие христианства вывело Болгию из той нежелательной изоляции, в которую она попала как языческое государство. Известно, что часто договоры между христианскими и языческими государствами не имели необходимой обязательной силы и легко нарушались. История болгаро-византийских отношений до середины IX в. дает немало тому примеров.

Князь Борис, утвердивший христианство несмотря на сильную оппозицию внутри страны, хорошо понимал, что новая вера дает ему ряд преимуществ и в дипломатической деятельности. Доказательством этому являются некоторые интересные вопросы, касающиеся дипломатии, которые он отправил папе Николаю I. Так, он спрашивает, как болгары, ставшие христианами, должны теперь заключать мир, в другом месте интересуется, как христианин может заключить договор с язычником или как поступить, если противная сторона, вопреки тому, что исповедует ту же веру, нарушит договорные клятвы⁵.

Интересно отметить, что Византия коренным образом изменила свое отношение к Болгарскому государству, что было важным условием ведения относительно равноправного диалога между ними. Как известно, акт крещения означал, что припявший христианство болгарский правитель символически включался в круг императорской семьи и становился «духовным сыном» василевса⁶. Вероятно, Византия стремилась включить всю болгарскую дипломатию в сферу своих политических интересов. Дальнейшее развитие, однако, показало, что этого не произошло. В период правления царя Симеона после длительного мира, сохранявшегося до 893 г., две христианские державы вступили в тяжелое единоборство, в котором скрестили не только оружие, но и дипломатическое искусство царя Симеона и патриарха Николая Мистика, а позже — и Романа Лакапина. Из дошедшей до нас их переписки среди прочего видно, что общая религия лежала в основе той специфической системы аргументов, которыми обменивались противники. Кроме доводов религиозного характера, они также использовали аргументы, основанные на истории, мо-

ральных принципах и нормах, которым необходимо следовать и т. п.⁷ Немаловажное значение продолжали иметь аргументы, выдвигаемые с позиции силы, которые часто использовались еще в языческий период развития болгарской дипломатии.

В заключение ко всему сказанному хотел бы обратить внимание и на появление очень важного и специфического аргумента, используемого в дипломатии и тесно связанного с созданием средневековых государств. Речь идет о своеобразных этнических доводах, которые, вероятно, иногда имели значение при принятии того или иного дипломатического решения. В византийских и других источниках можно найти немало примеров, которые показывают, что общее славянское происхождение болгар и сербов, например, оказывало влияние на становление определенных правил в их взаимоотношениях. В хронике попа Дуклянина, если взять только один пример, говорится, что болгары и соседние славянские народы любили друг друга и жили в мире, так как разговаривали на одном и том же языке⁸. Позже, в XIV в., Иоанн Кантакузин писал, что после войны болгары и сербы не брали друг друга в плен, так как были «блóфóлои», т. е. из одного рода⁹. В истории Георгия Акрополита можно также найти примеры, из которых видно, что очень часто поступки некоторых местных болгарских феодалов, притом совершенно независимых, были продиктованы их патриотическими чувствами. Это относится, например, к болгарскому деспоту в Родопах Алексею Славу, жившему в начале XIII в.¹⁰ Очевидно, в этих случаях этническое родство имело значение в так называемой «внутренней дипломатии», т. е. в дипломатических отношениях между отдельными независимыми феодалами в эпоху расцвета феодализма, характеризуемую наличием феодального сепаратизма.

Можно предположить, что доводы этнического характера имели особое значение в переговорах и дипломатических контактах между болгарами, сербами и русскими в трудные и напряженные моменты их истории, связанные с обороной от чужеземного нашествия.

Однако необходимо проводить различие между возможностями существования и использования доводов этнического характера и их реальной силой в действительности. Очевидно, что только конкретный исторический анализ того или иного события может показать, действительно ли доводы этнического характера имели место в дипломатических контактах. Но отрицать их существование было бы ошибкой, если иметь в виду, что в древнеславянской литературе ясно выражена и проведена идея общности славянских народов, идея, которая во всяком случае не была лишена и политического содержания.

Изложенное выше показывает, что возникновение и развитие болгарской средневековой дипломатической системы тесно связано с созданием и укреплением болгарского государства. Организация государственной жизни в значительной степени определила характер целей, которые ставила перед собой болгарская дип-

ломатия, а также содействовала выработке специфических аргументов, используемых в дипломатической деятельности. Важное значение в этом отношении имело принятие христианства, так как оно дало новые возможности болгарской дипломатии выйти из того тесного круга государств, с которыми до этого периода Болгария поддерживала активные политические отношения.

- ¹ Ангелов Д. Към въпроса за царската власт в средновековна България.— В кн.: Сборник в памет на проф. А. Бурмов. С., 1973, с. 158—162.
- ² Obolensky D. The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy.— In: XIIe Congrès International des Etudes Byzantines. Ochride, 1961, t. II, p. 57 sq.; Bréhier L. Le monde byzantin: Les institutions de l'empire byzantin. P., 1949, p. 281—324.
- ³ Mauricii Strategicon/Ed. H. Mihaescu. Buc., 1970, p. 280, 284.
- ⁴ История на България. С., 1981, т. II, с. 148—149.
- ⁵ Responsa Nicolai I/Papae ad consulta Bulgaorum.— ЛИБИ, т. II, с. 113—114.
- ⁶ Dölger F. Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953, S. 159—183.
- ⁷ Ангелов Д. Методы византийской дипломатии в отношениях с Болгарией по данным писем константинопольского патриарха Николая Мистика.— В сб.: Вопросы истории славян. Воронеж, 1963, с. 60—69.
- ⁸ Annales Anonymi presbyteri de Dioclea.— ЛИБИ, т. III, с. 171.
- ⁹ Ioannis Cantacuzeni imperatoris historiarum.— ГИБИ, т. X, с. 265.
- ¹⁰ Georgii Acropolitae opera.— ГИБИ, т. VIII, с. 183.

X. Матанов

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССОВ ОБРАЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВ НА БАЛКАНАХ В ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

Процессы образования государств характерны для всего периода балканского средневековья. В целом до конца XII столетия в большей части балканского региона доминируют крупные, но аморфные государственные объединения. Вслед за тем в формировании новых политических организмов начинает господствовать иная тенденция. Процессы складывания государств переносятся в другой план — на уровень формирования (разумеется, с различной динамикой) государственных образований типа феодальных княжеств. Это отнюдь не означает, что в этот период крупные политические формирования перестают возникать, а лишь то, что они уже начинают терять свой преобладающий характер.

При изучении этого процесса необходимо обратить внимание на два обстоятельства. Прежде всего, более оживленная торговля с городами Италии, адриатического побережья и Центральной Европы закономерно приводит к обособлению районов со специфической экономической структурой. Во-вторых, венгерская экс-

пансия на северо-западных землях Балканского полуострова, уничтожение Византии участниками Четвертого крестового похода и создание ими небольших латинских государств на территории континентальной Греции в значительной степени ограничивают географическую сферу распространения византийских форм государственной жизни и приводят к их слиянию с западноевропейскими и среднеевропейскими государственными традициями эпохи развитого феодализма. Таким образом, все эти события разделяют Балканы на три большие области, в которых господствуют различные типы феодального государственного устройства: византийского, западно- и среднеевропейского с их неизбежным взаимовлиянием. С другой стороны, формирование некоторых балканских народностей только в период развитого феодализма объясняет и возникновение государств народного типа в некоторых областях лишь в эпоху османского нашествия.

Под «периодом феодальной раздробленности» на Балканах следует понимать время, когда центробежные тенденции становятся необратимыми. Для стран Балканского полуострова это несинхронный процесс, возникающий сначала на словенских землях (XI–XII вв.), затем в Хорватии и Славонии (конец XII – начало XIII в.), а в остальных областях – в XIV столетии и особенно во второй его половине. Картина феодальной раздробленности усложняется и тем, что в некоторых областях в более позднее время более или менее успешно восстанавливается центральная власть. Однако это или носило временный характер, или было связано с действием внебалканских политических факторов.

При определении региональных черт процессов образования государств на Балканах в эпоху феодальной раздробленности наиболее приемлемой является теория региона как пространственно-географической реализации исторической типологии¹. Приемлемость этой теории обусловливается, во-первых, особенно ощутимым на Балканах проявлением регионализма, характерного для европейских феодальных общностей, и, во-вторых, как уже было сказано, оформлением на Балканах в этот период по меньшей мере трех разновидностей государственного устройства. При этом следует иметь в виду термин «регион» в данном случае не в его чисто географическом смысле, а как историко-типологическое олицетворение данного пространства, как социально-историческое явление, предполагающее подвижность и изменчивость границ. Так как специфика процессов образования государств не может быть конститутивным фактором обособления стадиально-формационных регионов (стадиально-формационный регион, по определению М. А. Барга и Е. В. Черняка, – «территория», занимаемая той или иной разновидностью данной формации, и понятие это особенно широко применимо к балканской действительности XIII–XV вв.), типологический анализ в данном случае должен выполняться на уровне несистемного или же на уровне анализа общественной структуры В². Результаты типологического анализа позволят очертировать субрегионы, или,

другими словами, здесь мы будем иметь дело с объектом частной, а не общей типологии. Вследствие этого критерием выделения субрегионов в данном случае будет служить степень отклонения несистемного и единичного от общественно необходимых отношений и от тех отношений, которые содержат элемент вероятности. Иначе говоря, критерием окажется степень отклонения общественных структур В от общественных структур А и Б³.

Понятия общественных структур А, Б и В заимствованы у советских исследователей М. А. Барга и Е. В. Черняка. Под общественными структурами А в аспекте процессов образования государств в нашем конкретном случае понимается «абстрактная материальность», или «нефактическая модель»⁴, т. е. функционирование явления в чистом виде. Под таким «чистым функционированием» понимаются две модели: диалектическая связь между феодальным землевладением и политическим обособлением, а также экономическое районирование как фактор возникновения феодальных княжеств. Под структурой Б понимают способ функционирования структуры А, или специфику проявления общественно необходимых отношений. Структура В, в свою очередь, обусловлена множеством разнообразных факторов: войнами и завоеваниями, социальными, географическими и этническими факторами и др.

В итоге всего сказанного, по нашему мнению, возможно обобщение следующих подрегионов. Первым субрегионом (субрегионом I типа) следует считать тот, в котором тенденция к образованию феодального княжества проявляется с небольшими отклонениями от общественных структур А и Б. Прежде всего, возникновение княжества может быть связано с фактором феодального землевладения. Здесь, однако, необходимо произвести дальнейшее расчленение, так как многообразие процессов не допускает однозначного типологизирования.

К типу Ia могут быть отнесены те княжества, при возникновении которых феодальное землевладение типа «гоникон», типологически сходное с аллодом и притом эндогенного характера, выступает в качестве первостепенного фактора. К этому подтипу принадлежат собственно сербские земли после распада Серского царства в третьей четверти XIV в.⁵, Добруджанское деспотство во второй четверти XIV в. (поскольку его можно считать возникшим на основе феодальной собственности рода Тертеров⁶) и феодальные княжества в Боснии, начавшие появляться в конце XIV – начале XV в.⁷ Следует, однако, отметить, что ни в одном из указанных случаев генезис феодального землевладения не может быть прослежен в пределах более двух-трех поколений феодальных владетелей, причем, по всему видно, что их владения образовывались сравнительно быстро в борьбе за подчинение более мелких феодалов. Благоприятные возможности к этому открываются обычно в периоды ослабления центральной власти. Новые феодальные владетели княжеств этого подтипа в большин-

стве случаев утверждали свои владетельские права на патримониальной основе. В некоторых же случаях наблюдается изменение целостной государственной идеологии: так, например, в Боснии корона превращается в трансперсональный символ идеального государственного единства, а в Сербии происходит возвращение к старым государственным традициям времени первых Неманичей.

Тип Iб представлен теми княжествами, в которых феодальное землевладение также играет господствующую роль, но развитие их экзогенно, т. е. они возникают и развиваются под воздействием внешних факторов, таких, как завоевания, переселение представителей феодального класса и т. п. Примеров этого подтипа можно указать немало, что, должно быть, связано со значительной политической динамикой на Балканах в период развитого феодализма. В Словении еще в XI—XIII вв. иноземные — обычно немецкого происхождения — феодальные роды: Эппенштейны, Шпангеймы, Траунгаузы, Бабенберги и другие фактически превращаются в местные династии, стремящиеся к созданию замкнутых территориальных комплексов⁸. В Хорватии и Славонии феодалы, в конце XII — начале XIII в. практически превратившиеся в независимых владетелей (Франкопаны, Шубичи, Нелипичи, Куряковичи и другие), обязаны своим возвышением королевским пожалованиям после утверждения власти венгров. При этом королевские дарения уже с самого начала представляли собой «вечные вотчины» с почти полным феодальным иммунитетом⁹. Еще более характерный пример — раздел Византии западными крестоносцами после 1204 г., в результате чего в обширных областях на юге сразу же возникло множество феодальных княжеств, объединенных в иерархическую систему вассальных связей¹⁰. К этому подтипу могут быть отнесены и возникавшие в Македонии и Северной Греции во второй половине XIV в. в результате распада Сербского царства княжества, генезис которых следует искать и в переселении сербских феодалов на юг, и в раздаче обширных земельных угодий¹¹.

Даже чисто количественное сопоставление типов Ia и Iб свидетельствует о доминировании субрегионов со сравнительно ускоренным образованием феодальных княжеств на основе столь же ускоренного, иногда «взрывообразного» развития феодальной собственности, зачастую при решающей роли внешних факторов. Необходимо отметить, что при возникновении государств подтипов Ia и Iб не всегда налицо фактор «экономической однородности», вследствие чего во многих случаях наблюдается ярко выраженная тенденция ко «вторичному распаду». Это явление можно объяснить особенностями в складывании экономических основ этих княжеств: при первом подтипе имеет место период «борьбы за господство», а при втором экономические основы возникает под воздействием внешних факторов.

К сожалению, в средневековых источниках существование княжеств II типа, возникавших в экономически обособленных

районах, в подавляющем большинстве случаев может быть прослежено лишь косвенно. Критерием здесь могут служить наличие тенденций ко «вторичной централизации» и относительная жизнеспособность возникающих политических образований. Примеры этого подтипа — Сербское княжество (несмотря на его кратковременное, в течение десяти с половиной лет, существование в третьей четверти XIV в.), отличавшееся хорошо организованным государственным устройством¹²; Валонское княжество, просуществовавшее сравнительно долгое время во второй половине XIV — начале XV в.; область князя Лазаря Хребеляновича, где находились важнейшие рудные центры Сербии, — область, ставшая объединительным ядром собственно сербских земель¹³; Морейское деспотство; Видинское царство, имевшее, несомненно, свою предысторию в обособленном существовании Видинской области в составе Болгарского государства еще с начала XIII в.¹⁴, и др.

К III типу могут быть отнесены феодальные княжества — «апанажи», наиболее характерные для Византии последнего столетия ее существования. Система апанажей возникает в Византии под влиянием заложенных в ней возможностей примирения традиций самовластия в государственной теории Византии с реальным существованием территориального партикуляризма. Именно поэтому византийский апанаж отличается от апанажа во Франции XIV—XV вв., будучи в Византии признаком не централизации, а децентрализации. Строго формально византийский апанаж после середины XIV в. не был вполне самостоятельным уделом, так как его владетели — представители правящей династии — признавали верховную власть императора, обычно имели титул «деспота», не чеканили собственной монеты и не переносили на свои владения патrimonиальных возврений. В действительности, однако, апанажи ведут самостоятельную политическую и экономическую жизнь, а их связи с центром носят скорее теоретический характер. Показательно также, что даже в период системы апанажей византийская государственная теория не отказывается от своего универсализма¹⁵. Необходимо подчеркнуть, что экономическая и социальная основа этой системы управления не отличается существенно от системы управления типов I и II. Княжества-«апанажи» — типичный продукт закономерностей тенденций, с моделюванной посредством социального действия, по причине чего на передний план выступает «династическая модель» феодального сепаратизма.

Политические формы, внешне сходные с апанажем, наблюдаются и в других балканских регионах. На западе и северо-западе это — владения «молодых королей» (Зета — в государстве Неманичей, Хорватия — в границах Венгерского королевства Арпадов¹⁶). Территории «молодых королей» напоминают византийский апанаж тем, что отражают стремление центральной власти крепче привязать их к себе, но принципиально отличаются от него тем, что представляют собой лишь этап в процессе центра-

лизации. Поэтому обычно их обособленность преодолевается впоследствии, благодаря усилию центростремительных тенденций. Сходно с византийским аpanажем и Видинское царство, поскольку оно возникает как владение члена правящей династии. Различие, однако, ясно видно в том, что Видинское царство фактически отказывалось подчиняться даже Тырнову, а местный владетель считал себя «автократором», т. е. вполне независимым¹⁷. В этой особенности находят отражение более слабые традиции автократии в Болгарском государстве по сравнению с Византией.

Выделение IV типа — княжеств, образующихся в итоге политических обстоятельств,— может оказаться временным, так как будущие исследования, вероятно, раскроют под чисто личными и политическими отношениями, отраженными в источниках, наличие более глубокого экономического и социального механизма. С этой оговоркой к IV типу могут быть причислены государственные образования, чье возникновение мы склонны пока объяснять результатом действия чисто случайных факторов, таких, как смерть владельца и последовавший за ней распад государства, династические взаимоотношения, победа той или иной феодальной группировки и т. п. Наиболее отчетливо этот тип государства выявляется при распаде крупных государственных объединений, что, в свою очередь, связывалось средневековыми авторами обычно со смертью владельца, при жизни осуществлявшего обширную экспансию (Сербия второй половины XIV в., Босния конца XIV в. и др.). Такое дробление крупных государств обычно объясняется преимущественным действием двух факторов: личные качества владельцев и разрушение связей персональной зависимости между этими владельцами и крупными феодалами. По этому поводу необходимо высказать некоторые соображения. Во-первых, большие, но гетерогенные государства могут считаться анахронизмом в эпоху развитого феодализма на Балканах, а возможные причины их распада следует искать в обстоятельствах их образования. Во-вторых, нельзя упускать из виду, что именно территориальная экспансия могла оказаться решающей для резкого повышения социального статуса феодальной аристократии, так как экспансия приносила наибольшие выгоды феодалам. В их пользу происходило обычно перераспределение феодальной собственности в завоеванных областях. Иллюстрацией этого утверждения может служить обстановка, создавшаяся в юго-западных балканских землях в середине XIV в. в результате экспансии Сербии при Стефане Душане. Кроме того, окончание экспансии влекло за собой и прекращение военной добычи, что вынуждало феодалов обращать свои взгляды на собственные земли как источник обогащения, что, естественно, подрывало устои центральной власти¹⁸.

Тип V занимает несколько обособленное положение, изолирующее его от общих тенденций в процессе образования государств на Балканах в период феодального сепаратизма. К этому

типу принадлежат государства, образовавшиеся в XIII—XV вв. на базе сформировавшихся народностей. Здесь речь идет не о восстановлении балканских средневековых государств, уничтоженных византийской экспансиеи в X—XI вв., а о государствах, сложившихся позднее из-за воздействия замедляющих факторов, такими, например, были длительный и мучительный процесс формирования народности, постоянный натиск и завоевательные стремления двух государств и т. п. Представителями государств этого типа были Молдавия и Валахия, сформировавшиеся, соответственно, в XIII и XIV вв., и албанские земли, для которых об устойчивом процессе образования государства можно говорить, имея в виду лишь начало XV в. Однако различием между албанскими землями и землями к северу от Дуная в аспекте образования государств не следует пренебрегать. Дунайские государства создавались преимущественно как государства раннефеодального типа с преобладающим свободным населением и сильной центральной властью. Албанские земли объединились под знаменем Скандербега как федерация феодальных княжеств, так как объединительным процессам предшествовал сравнительно долгий период формирования класса феодальной аристократии, владения которой имели наследственный характер и которая находила опору в архаической племенной организации горцев.

В предложенной попытке типологизации процессов образования государств на Балканах в эпоху феодальной раздробленности, как и во всякой попытке типологизации, мы имеем дело с абстрактной реальностью, свободной от ряда случайных и нетипичных явлений. Именно поэтому этот подход предоставляет нам дополнительные познавательные возможности в изучении интересующей нас проблемы. Как воплощение того или иного типа балканские феодальные княжества очень редко выступают в чистом виде. Намеченные разновидности во многом условны и обычно переходят одна в другую в вертикальном и в горизонтальном планах. Этот факт — реальное отражение важных различий в динамике и путях развития феодализма на Балканах, свидетельство относительной значимости взаимных и внешних влияний. Все эти моменты объясняют и значительное многообразие политических форм, характерное для феодального сепаратизма на Балканах.

Необходимо также обратить внимание на то, что феодальные княжества на Балканах имели собственную динамику, хотя это и не вытекает непосредственно из предложенной нами попытки типологизации. Лишь некоторые из них смогли просуществовать более или менее продолжительное время и создать собственные политические и культурные традиции. Эта особенность, объяснение которой мы сейчас оставляем в стороне, не позволяла феодальному сепаратизму выявить в полной мере заложенные в нем позитивные возможности для дальнейшего развития феодальных обществ, как это произошло в Западной Европе в XI—XIV столетиях.

- ¹ Барг М. А., Черняк Е. Б. Регион как категория внутренней типологии классово-антагонистических формаций.— В кн.: Проблемы социально-экономических формаций. М., 1975, с. 40 и сл.
- ² Там же. с. 53.
- ³ Там же. с. 60.
- ⁴ Там же, с. 44; Хвостова К. В. Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М., 1980, с. 59.
- ⁵ См.: Наумов Е. П. Господствующий класс и государственная власть в Сербии в XIII—XV вв. М., 1975, с. 127 и сл.; Михаљчић Р. Крај Српског царства. Београд, 1975, с. 40.
- ⁶ Гюзелев В. Chronicon Mesembriae: Бележки върху историята на българското Черноморие в периода 1366—1448 г.— ГСУ ИФ, 1975, т. 66, кн. III, с. 157, б. 45.
- ⁷ Ђирковић С. Историја средњовековне Босанске државе. Београд, 1964, с. 174 и сл., 183 и сл.
- ⁸ Историја народа Југославије. Београд, 1953, т. 1, с. 745 и сл.
- ⁹ Там же. с. 617 и сл.
- ¹⁰ Острогорски Г. Историја Византије. Београд, 1959, с. 396 сл.
- ¹¹ Matanov Hr. Problems of the State Structures in the South – Western Balkan Lands during the second Half of the 14-th Century.— Etudes Balkaniques, 1984, N 1.
- ¹² Острогорски Г. Сорска област после Душанове смрти. Београд, 1965.
- ¹³ См.: О кнезу Лазару. Београд, 1975.
- ¹⁴ Попъвчич Д.м. К историји Видинското деспотство в XIV в.— В кн.: Българско Средновековие: Българо-съветски сборник в чест на 70 год. на проф. Ив. Дуйчев. С., 1980, с. 93 и сл.
- ¹⁵ О византийском апанаже см.: Barker J. The Problem of Appanages in Byzantium during the Palaeologian Period.— BYZANTINA, 1971, 3, р. 103—123; Максимовић Љ. Генеза и карактер апанажа у Византији.— ЗРВИ, 1973, т. 14—15, с. 103—154.
- ¹⁶ Историја Црне горе. Титоград, 1970, т. II. Од краја XII до краја XV в. Црна гора у доба Неманића, с. 66; Историја народа Југославије, т. 1, с. 616.
- ¹⁷ Bdinski Zbornik: Ghent Slavonik Ms. 408 A. D. 1360/Facsimile edition with a presentation by Iv. Dujcev. L., 1972, F. 242.
- ¹⁸ См.: Бачковский Кш. Польское государство и Болгарское государство в XIII в.— В кн.: Първи международен конгрес по българистика: Доклади. Българската държава през вековете. С., 1982, 1, с. 52—53.

П. Соммер

РОЛЬ ЦЕРКВИ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМ ЧЕШСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Для периода формирования Чешского государства можно на основе всех видов исторических источников проследить постепенные перемены в идеологии общества, в котором складывались феодальные отношения. Если понимать идеологию как обобщение политических, правовых, этических, религиозных и философских взглядов, то не будет анахронизмом вести речь о категориях, входящих в современное понятие идеологии, при анализе источников IX—X вв. Всем известен факт, очевидный и при по-

верхностном ознакомлении с источниками, что все указанные категории в средневековой Чехии были тесно связаны с областью религии, которая как в дофеодальном, так и в раннефеодальном обществе была определяющей формой общественно-го сознания, отличающейся единством мировоззрения¹. Христианство, распространявшееся в Чехии начиная с первой половины IX в., выступало как идеологическая система, которая вносилась в общественную жизнь «сверху», правящим слоем. При этом оно исполняло одну из главных задач идеологии — объяснение и закрепление перемен, связанных со становлением нового общественного строя². Специфическое развитие Чешского государства было причиной особенностей и в эволюции института, являвшегося носителем христианизации, т. е. церкви. То, что первые контакты чешского населения с христианством опосредованы Великой Моравией в период правления Боржигова, в 70—80-х годах IX в., несомненно, значительно повлияло на первоначальный облик чешской церкви, однако едва ли можно предполагать, что и в дальнейшем этот факт оказал существенное воздействие на позицию самой церкви в раннесредневековом обществе. Исходя из западноевропейских образцов, правитель относил церковь и ее представителей к сфере своего влияния, расценивал ее как институт, укрепляющий его власть и структуру подчиненного ему общества. Внешне это отчетливо проявилось в том, что основы церковной организации были связаны с системой градов, постепенно образующей ось политического и военного управления страны³, которая сложилась (по крайней мере, в границах Центральной Чехии) примерно с конца IX в., приходя на смену системе городищ периода становления страны в конце X в.⁴ Связь церковной организации с отдельными градскими центрами однозначно подтверждает тот факт, что еще в XI в. мы встречаемся с постройкой сакральных объектов преимущественно на укрепленных градах; об этом говорят и письменные источники⁵. Необходимость связать церковную организацию с системой градов возникла, несомненно, сразу после основания Пражского епископства, когда потребовалось создать систематически действующую постоянную сеть церковных центров. Основание в 973—975 гг. этого епископства является существенным рубежом между периодом IX — начала X в., когда положение церкви определялось то воздействием Регенсбургского епископства, под церковным управлением которого находилась Чехия⁶, то князем, то, возможно, также чешским духовенством, и новым периодом, когда церковь была полностью подчинена интересам государства — следовательно, князя. Сам способ образования Пражского епископства ясно подтверждал факт полного подчинения чешской церкви князю, поскольку князь, как владелец всей земли в стране, подчинял себе церковь в экономическом отношении⁷. Таким образом, материальное обеспечение Пражского епископства было делом правителя, и зависимость чешской церкви от его особы не могла поколебать ни то, что епископство

возникло в связи с договорами с курией и императором, ни то, что в церковном отношении оно подчинялось архиепископству в Майнце. (Еще отчетливее такой характер отношений правителя и церкви проявился в 1063 г. при основании Оломоуцкого епископства)⁸. Принцип, осуществленный в центре, полностью действовал и в нижестоящих церковных сферах. Они также находились под решающим воздействием землевладельца благодаря институту патроната, делавшему основателя церковного учреждения практически его владельцем⁹. Осуществление права патроната в полном объеме можно наблюдать лишь с XI в., когда основание сакральных объектов стало делом более широких кругов, чем правящая верхушка общества. Но уже в X в., со временем основания епископства, в особенности при епископе Войтехе, можно предполагать реализацию епископских фундаторских прав¹⁰. Эта практика соответствовала отношениям, характерным для Западной Европы, она осуществлялась в Чешском государстве и тогда, когда — в контексте западных порядков — представляла собой уже анахронизм.

Но вернемся снова к периоду до основания епископства. Очевидно, христианское учение проникало в страну уже в то время, когда Чехия почти не упоминается в письменных сообщениях. Классическим аргументом здесь обычно служит тот факт, что археологические раскопки свидетельствуют о всеобщем переходе от трупосожжений к скелетным захоронениям на рубеже VIII—IX вв.¹¹ Однако, учитывая отношение широких слоев народа к введению христианства «сверху», например, в X в., это явление можно принимать скорее за выражение какого-то всеобщего культурного синкретизма, поддерживавшегося, вероятно, деятельностью миссионеров, чем за подлинно принципиальный переход массы населения к новой идеологии. Только в 845 г., как свидетельствуют Фульдские анналы, состоялось массовое крещение 14 чешских князей в Регенсбурге. Но совершенно справедливо в исторической литературе и этот шаг не рассматривается как окончательное утверждение христианства, а скорее как политический ход, преследовавший сиюминутные интересы¹². Намного более глубокий отпечаток в чешской среде остались контакты с Великой Моравией¹³. Согласно свидетельству латинской легенды Кристиана, возникшей, очевидно, в конце X в., чешский князь Борживой даже принял крещение при моравском дворе Святополка. Точная дата этого крещения неизвестна, но все возможные датировки укладываются во временной промежуток от начала 70-х до середины 80-х годов IX в.¹⁴ Представление о реально начавшейся христианизации страны подчеркивает и описываемый Кристианом мятеж язычников, вызванный крещением князя моравским архиепископом Мефодием¹⁵. Наконец, еще в период правления князя Вацлава (921—935 гг.) возникло сопротивление христианству, о чём свидетельствует упоминание общего порядка в Легенде Гумпольда о Вацлаве, написанной до 983 г.¹⁶ Как однозначно свидетельствует со-

общение в регенсбургском продолжении Фульдских анналов, кратковременная ориентация чехов на Великую Моравию в политической и церковной областях закончилась в 895 г.¹⁷ С этого времени мы наблюдаем постепенное, но неизменное нарастание количества церковных объектов, возникновение которых связано прежде всего с городищами Средней Чехии, подчиненными пражскому князю. Если в период правления Боржикоя были построены только два храма, то с начала X в. следует предполагать более обширное строительство сакральных построек в поселениях, составляющих часть системы градов, сложившейся, по крайней мере, в Средней Чехии, в период правления князя Вацлава¹⁸. Если письменные источники сообщают о том, что князь Вацлав путешествовал по градам и посещал местные храмы¹⁹, то нет причины не верить этим источникам, в особенности потому, что новые археологические раскопки приносят новые доказательства существования храмов²⁰. Маловероятно, что значительное количество построек было деревянными²¹. Возрастание количества сакральных построек предполагает рост числа духовенства в стране. Об этом, наконец, также говорят сообщения письменных и, косвенно, археологических памятников²². Все это позволяет предположить, что основы церковной организации, о которой убедительно свидетельствуют гнезненские статуты Бржетислава I 1039 г.²³, были заложены уже в период завершения среднечешской системы градов и создания ряда костелов, упоминаемых при князе Вацлаве. О наличии какой-то организации духовенства уже в то время говорит, очевидно, и титул «presbyter maior» в латинском житии Вацлава «Crescente fide christiana»²⁴. Упомянутые статуты Бржетислава уже со всей определенностью говорят о задачах так называемых архипресвитеров градских костелов. Помимо своих духовных обязанностей, они участвовали также в административных делах, связанных с центром, а свои должности занимали не по праву своего церковного положения, а как уполномоченные князя. Вероятно, содержание должности архипресвитеров менялось, подобно тому как развивался и институт архипресвитериата, заимствованный из западноевропейской среды²⁵. Эта создаваемая и направляемая государством церковная организация определяется, в соответствии с немецкой терминологией, как система больших приходов. Большие приходы, формирование которых, конечно, можно предполагать только после основания Пражского епископства, уже представляли собой административные и организационные ячейки с известной дифференциацией отдельных рангов в среде духовенства и установлением их поля деятельности. Уже само существование епископства наводит на мысль, что церковная организационная система, которая с точки зрения самой церкви формировалась, несомненно, под влиянием Майнца, переняла институты, известные в западной церкви, а следовательно, степень правомочий отдельных пожертвований зависела от степени развития системы церковной организации²⁶. Основной ячейкой был костел большого прихода,

связанный с градским центром; только он обладал всеми правами приходского костела, относящимися преимущественно в области литургии, к совершению всех видов таинств, помимо тех, что были отведены кафедральному храму. Поэтому храмы больших приходов, кроме обычного богослужения, обеспечивали совершение в должном порядке обрядов бракосочетания, крещения и похорон²⁷. Если бы принципы такого управления приходами были бы проведены последовательно, то это бы означало, что только эти храмы оборудуются для крещения и кладбища. Но археологическими раскопками доказано, что при совершении обряда похорон существовали многочисленные отклонения от предписаний, связанные с пережитками старых языческих ритуалов. Это подтверждается и письменными источниками. О не одобряемых духовенством обрядах похорон мы знаем не только в XI в. в связи с польским походом Бржетислава I²⁸, но о них сообщается и в хронике Козмы, в особенности под 1092 г., в рассказе о первых деяниях Бржетислава II, и говорится о них как о распространенном явлении также в XII в.²⁹⁻³⁰ Раскопки младогородищенских могильников, несмотря на их неполноту, подтверждают свидетельство письменных источников. Христианство, однако, все глубже проникало во все слои общества, так что элементы язычества и христианства выступали синкетично, образуя, несомненно, отнюдь не две независимые линии, а составную часть цельной культурной системы, проявляющейся, например, в существовании орденских (следовательно, типично христианских) могильников, в использовании S-образных височных колец, в S-образном завершении которых можно, очевидно, видеть аппликацию христианского символа и т. п.³¹ Очевидно, что роль и действенность управления «большими приходами» в воспитании сельского населения в христианском духе часто была ограничена. Однако сеть приходов все же постоянно уплотнялась, и этот процесс был ускорен тем, что в XI в. в ряды основателей сакральных построек вступили достаточно широкие слои светских феодалов, начавшие создавать собственные костелы, всесторонне подчинявшиеся им на основе принципа патроната. Так как совершение всех церковных обрядов приносило немалые доходы, то в интересах этих феодалов было получить для основанных ими костелов статус приходских³². Казалось бы, что, кроме епископских кафедр в Чехии второй половины X и XI вв., существовал уже только единий тип приходских (великоприходских) костелов, но письменные источники и раскопки отдельных памятников³³ указывают на то, что уже появлялись хотя бы зачатки сакральных объектов других категорий, прежде всего часовен. Часовня в нашей среде опять-таки представляет собой перенесенный из Западной Европы элемент, который встречается в наших источниках, по крайней мере в XI в., прежде всего как тип сакральной постройки и организации клириков, близкой по своему статусу к институту Hofkapelle у франков³⁴. Неразрывную часть церковной организации в Чехии составляли монастыри

ри. Первые монастыри в исследуемый нами период формирования Чешского государства были бенедиктинские и появились только после основания Пражского епископства. Хотя на территории Чехии в период принятия христианства могли действовать в числе миссионеров монахи из зарубежных монастырей, нет оснований считать, что они в Чехии создавали какие-то орденские «дома», хотя такие предположения и были высказаны в связи с территорией Великой Моравии³⁵. Одновременно с Пражским епископством возник конвент бенедиктинских монахинь при храме св. Георгия на Пражском граде, в конце X в. были основаны два мужских монастыря — в Праге-Бржевнове и на Острове близ Давле. В течение XI в. были основаны следующие два бенедиктинских аббатства — на Сазаве и в Опатовицах³⁶. Хотя знание древнейшего расположения и материальной культуры этих монастырей во многом бы помогло лучше понять основные тенденции развития чешской церкви, археологические данные пока не позволяют прийти к однозначным выводам³⁷. Подобным образом можно характеризовать состояние исследований коллегиальных капитулов, возникших до конца XI в. в Старе Болеславе, Литомержице и на Вышеграде. При их основании и организации, очевидно, значительную роль играли нормы, установленные уже Хродегангом Мецким и обработанные установлениями синода в Ахене в начале IX в.³⁸

С первой половины XI в., со временем правления князя Олдржиха, Моравия окончательно вошла в состав Чешского государства. Весьма вероятно, что церковное развитие здесь было в дальнейшем аналогично чешскому, о чем особенно свидетельствует основание в XI в. чешским князем Вратиславом II Оломоуцкого епископства. Создание моравских бенедиктинских конвентов в Райграде и на Градишти близ Оломоуца также говорит о тесных связях моравских монастырей с Пржемысловской Чехией³⁹.

Пока еще неудовлетворительно объяснен вопрос об основании монастыря на Сазаве, в особенности в контексте большой проблемы так называемой славянской литургии в Чехии. В 1032 г. на Сазаве, т. е. в центральной среднечешской области, возник бенедиктинский монастырь получастного характера, где культивировалась славянская литургия. В исторической литературе существуют различные представления о Сазаве как о нетипичном отклонении или как о скромном продолжении остатков славянской литургии с латинской ориентацией, или даже о прямой ее связи с великоморавской церковью⁴⁰. Высказывались также гипотезы о связи сазавской литургии с восточной или западной литургией, но главным образом дискутируется вопрос, существовала ли в Чехии, одновременно с латинской, славянская литургия, или же здесь с самого начала преобладал латинский ритуал.

Для объяснения данной проблемы мы располагаем весьма малым количеством источников, поэтому существующие выводы в

значительной степени неопределенны. Сам термин «славянская литургия» получает в разных работах различное истолкование. В нашем распоряжении имеются четыре варианта, если мы захотим дать этому определению конкретное содержание. Под славянской литургией можно понимать: римское богослужение на старославянском языке, так называемую литургию св. Петра, так называемую литургию киевских листков и литургию восточного обряда⁴¹. Сегодня совершенно обоснованно можно предполагать, на наш взгляд, что литургия, совершившаяся архиепископом Мефодием в Великой Моравии, не была в полном смысле слова литургией западного характера. Но в Великой Моравии нельзя предполагать какое-то индивидуальное, независимое развитие, что однозначно доказывает защита Мефодия перед папой римским, который не нашел в литургической практике Мефодия ничего неканонического, или параллельное существование старославянского и латинского богослужения при дворе Святополка⁴². В связи с раннесредневековым Чешским государством наиболее важным является вопрос, до какой степени могла великоморавская «периферийная» литургия влиять на чешскую среду и нарушать ее духовное единство. По этому поводу идут споры, в частности, между историками и лингвистами. Что касается интересующего нас вопроса о Сазаве, то только два сообщения позволяют предполагать возможность существования в Чехии второй половины XI в. разных литургий. Первое из них считается фальсификатом начала XII в.⁴³, включенным под 967 г. в хронику Козьмы. Речь идет о так называемой учредительной грамоте Пражского епископства, говорившей о запрещении римским папой «болгарского» ритуала, или русского и славянского языков, при обрядах⁴⁴. Вторым сообщением является упоминание Монаха Сазавского о том, что в 50-х годах XI в. сазавские монахи были изгнаны Спитигневом II за то, что из-за славянской письменности впали в ересь; летописец же, писавший в 70-х годах XII в., характеризует это как клевету. Сам сазавский монастырь после смерти Спитигнева в 1061 г. до 1096 г. продолжал свою деятельность⁴⁵, связанную с созданием памятников письменности на славянском языке. Прокопские легенды и сазавский летописец однозначно констатируют, что основатель монастыря и сам монастырь по собственному решению приняли устав св. Бенедикта⁴⁶ и, несмотря на то, что близкая связь бенедиктинского и василианского монашества⁴⁷ и связи Сазавы с православным монашеством⁴⁸ очевидны, нет причины полагать, что сазавское бенедиктинское монашество каким-то образом отклонялось от западноевропейской линии в вопросах литургии. Согласно прокопской легенде «Vita minor», возможно, что даже в строительной схеме Сазавы XI в. был использован принцип двойного монастыря⁴⁹, что для того времени опять-таки свидетельствует скорее о западноевропейском влиянии. Подобных, более или менее косвенных аргументов существует целый ряд. С трудом можно предположить, что пражский епископ освящал бы сазавские храмы

(в 1070 и 1095 гг.)⁵⁰, если бы местная община была еретической.

Следовательно, если ни письменные, ни материальные источники пока что не дают нам опоры для предположения о существовании в Сазаве славянской литургии, отличающейся по ритуалу от официальной римской литургии, то, учитывая существование старославянских памятников, созданных в Чехии во второй половине X–XI в., можно выдвинуть гипотезу, что конфликты относительно славянской литургии касались не ритуала, а языка. Представляется, что в 1080 г. это однозначно было подтверждено ответом Григория VII князю Вратиславу II, где запрещается использование славянского языка при богослужении, однако этот великий реорганизатор и объединитель литургии не имел ничего против самого способа ее совершения⁵¹. В грамоте, более того, говорится о всеобщем запрещении славянского языка. Поэтому представляется правдоподобным, что речь идет о запрещении распространенной литургической практики, связанной не только с одним пунктом или с малым, ограниченным кругом людей. В этом можно было бы видеть объяснение того, почему еще в XI в. в Чехии существовала славянская письменность, хотя источники не позволяют предположить существование здесь особой группы духовенства с самостоятельной литургией. Славянский язык и письменность просто использовались в единственной существующей церковной структуре. Таким образом, данные о практике совершения литургии на славянском языке в Чехии Пржемысловцев не находится в противоречии с выдвинутым в нашей статье положением, что духовенство в Чехии обладало единой организацией, строго подчиненной государству.

Итак, при рассмотрении места церкви в раннесредневековом Чешском государстве мы приходим к следующим заключениям: чешская церковь, будучи носителем феодальной идеологии, появилась в период создания раннефеодального государства как необходимая составная часть общественной структуры в условиях специфического развития чешских земель. Помимо собственно идеологической сферы, необходимость тесного симбиоза церкви и раннефеодального государства доказывается и ее участием в административной системе Чешского государства. Кроме того, церковь была единственным носителем интеллектуальной культуры в стране, распространение которой вне церковной среды наблюдается лишь в конце изучаемого периода.

¹ Filozofický slovník. Pr., 1976, s. 189, 312.

² Merhautová A., Třeštík D. Románské umění v Čechách a na Moravě. Pr., 1983, s. 59–60.

³ Novotný V. České dějiny. Pr., 1928, d. I, č. 3, s. 359–381; Fiala Z. Die Organisation der Kirche im Přemyslidestaat des 10.–13. Jh.—In: Siedlung und Verfassung Böhmens in der Frühzeit. Wiesbaden, 1967, S. 136–137; Nový R. Přemyslovský stát 11. a 12. stol. Pr., 1972.

⁴ Sláma J. Přínos archeologie k poznání počátků přemyslovského státu.—Sborník Národního muzea, Historie, 1983, sv. XXXVII/2–3, s. 165.

- ⁵ Boháč Z. K některým geografickým aspektům středověkého osídlení v našich zemích.— Historická geografie, 1973, N 10, s. 151–169.
- ⁶ Graus F. Böhmen zwischen Bayern und Sachsen. Zur böhmischen Kirchengeschichte des 10. Jh.— Historica, 1969, t. XVII, s. 5–42.
- ⁷ Třeštík D. K sociální struktuře přemyslovských Čech: Kosmas o kužecím vlastnictví půdy a lidí.— ČsČH, 1971, N 19, s. 537–567.
- ⁸ Fiala Z. Přemyslovské Čechy. Pr., 1975, s. 73–78.
- ⁹ Vaněček V. Základy právního postavení kláštera a klášterního velkostatku ve starém českém státě (12.–15. sol.). Pr., 1933–1938. T. I–III.
- ¹⁰ Codex diplomaticus et epistolaris Regni Bohemiae/Ed. G. Friedrich. Pr., 1904–1907, t. I, N 37, p. 43.
- ¹¹ Krumphanzlová Z. Die Regensburger Mission und der Sieg der lateinischen Kirche in Böhmen in Lichte der archäologischen Quellen.— In: Millennium Dioceseos Pragensis. 973–1973. Wien; Köln: Graz, 1974, S. 28.
- ¹² Třeštík D. Vznik českého přemyslovského státu.— Sborník Národního muzea, Historie, 1983, sv. XXXVII/2–3, s. 67.
- ¹³ Dvorník F. Byzantské misie u Slovanů. Pr., 1970, s. 214–236; Třeštík D. K problematice počátků českého státu.— Folia historica Bohemica, 1983, t. 5, s. 346.
- ¹⁴ Turek R. Čechy na úsvitě dějin. Pr., 1963, s. 145; Třeštík D. Počátky Přemyslovců. Pr., 1981, s. 87–88.
- ¹⁵ Fontes rerum Bohemicarum. Pr., 1873, t. I, p. 203–204.
- ¹⁶ Fontes rerum Bohemicarum, t. I, p. 156.
- ¹⁷ Novotný V. České dějiny. Pr., 1911, d. I, č. 1, s. 421.
- ¹⁸ Sláma J. Přínos archeologie..., s. 164.
- ¹⁹ Fontes rerum Bohemicarum, t. I, p. 184, 214.
- ²⁰ Solle M. Rotunda sv. Petra na Budči podle nových objevů.— Archaeologia historica, 1982, N 7, s. 443–452; Solle M., Váňa Z. Budeč – památník českého dávnověku. Kladno, 1983.
- ²¹ Sláma J. Přínos archaologie..., s. 162.
- ²² Fontes rerum Bohemicarum, t. I, p. 156, 185.
- ²³ Fontes rerum Bohemicarum. Pr., 1874, t. II, p. 72–75.
- ²⁴ Fontes rerum Bohemicarum, t. I, p. 184.
- ²⁵ Novotný V. České dějiny. Pr., 1928, d. I, c. 3, s. 379–380; Fiala Z. Die Organisation..., S. 136–137.
- ²⁶ Schmid H. F. Das Recht der Gründung und Ausstattung von Kirchen im Kolonialen-Theil der Magdeburger Kirchenprovinz während des Mittelalters.— Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Kanonistische Abteilung, 1925, Bd. 45, S. 1ff.; Schmid H. F. Die rechtlichen Grundlagen der Pfarrorganisation auf westslawischem Boden und ihre Entwicklung während des Mittelalters.— Ibid., 1926, Bd. 46, S. 41ff.; Mencl V. Panské tribuny v naší románské architektuře.— Umění, 1965, t. XIII, s. 29–58; Turek R. K problému počátku ranéfeudálních emporových kostelů u nás.— Právněhistorické studie, 1965, t. 11, s. 17–27.
- ²⁷ Novotný V. České dějiny, d. I, č. 3, s. 358–369.
- ²⁸ Fontes rerum Bohemicarum, t. II, p. 72–75.
- ^{29–30} Fontes rerum Bohemicarum, t. II, p. 136–137. Cp.: Hecht F. Das Homiliar des Bischofs von Prag.— In: Beiträge zur Geschichte Böhmens. Pr., 1863, Abt. I, Bd. 1; Miklik K. Opatovický homiliář.— Časopis katolického duchovenstva, 1931–1933, s. 72–74; Zelený R. Synodální život v pražském biskupství (973–1344).— In: Tisíc let pražského biskupství. Pr., 1973, s. 59–61.
- ³¹ Krumphanzlová Z. Die Regensburger Mission..., S. 40.
- ³² Novotný V. České dějiny, d. I, č. 3, s. 383–449; Nový R. Přemyslovský stát..., s. 78–85.
- ³³ Hejna A. Opevněná venkovská sídla doby přemyslovské v Čechách.— Archaeologia historica, 1977, N 2, s. 75.
- ³⁴ Sommer P. Postihnutelnost termínů ecclesia a capella v archeologických pramenech.— Archaeologia historica, 1982, N 7, s. 453–469.
- ³⁵ Pokorný L. Dvě liturgická pojednání. Praha, 1982, s. 36, 42.
- ³⁶ Novotný V. České dějiny, d. I, č. 1–2, passim.

- ³⁷ Sommer P. České kláštery 10.–13. století ve světle archeologických výzkumů. – Archaeologia historica, 1977, N 3, s. 337–345.
- ³⁸ Cp.: Braunfels W. Abendländische Klosterbaukunst. Köln, 1969, S. 28.
- ³⁹ Novotný V. České dějiny, d. I, č. 2, s. 57, 210.
- ⁴⁰ Cp.: Graus F. Slovanské liturgie a písemnictví v přemyslovských Čechách. – CsCH, 1966, N 14, s. 473–495; Kadlec J. Svatý Prokop. Rím, 1968; Huňáček V. Slovanská Sázava a česko-uhersko-ruské vztahy v 11. století. – Bulletin ústavu ruského jazyka a literatury, 1970, t. 14, s. 5–21; Třeštík D. Kristián a václavské legendy 13. stol. – Acta Universitatis Carolinae, Philosophica et historica 2, Studia historica, 1981, t. XXI, s. 82.
- ⁴¹ Pokorný L. Liturgie přeje slovensky. Soluňší bratři. Pr., 1962, s. 160–193.
- ⁴² Codex diplomaticus et epistolaris Regni Bohemiae, t. I, N 24, p. 18–21.
- ⁴³ Nový R. Dvojí redakce Kosmovy kroniky Čechů. – Acta Universitatis Carolinae, Philosophica et historica 2, Studia historica, 1981, t. XXI, s. 105–111.
- ⁴⁴ Codex diplomaticus et epistolaris Regni Bohemiae, t. I, N 371, s. 342–343.
- ⁴⁵ Fontes rerum Bohemicarum, t. II, p. 252–253.
- ⁴⁶ Chaloupecký V., Ryba B. Středověké legendy prokopské. Pr., 1953, s. 113, 135; Fontes rerum Bohemicarum, t. II, p. 243.
- ⁴⁷ Heufelder E. Ostkirche und benediktisches Mönchtum. Zur Frühgeschichte des Christentums bei den Slaven. – In: Cyrillo-Methodiana. Köln; Graz, 1964, Bd. 6, S. 168–177.
- ⁴⁸ Huňáček V. Slovanská Sázava a česko-uhersko-ruské vztahy..., s. 5–21.
- ⁴⁹ Chaloupecký V., Ryba B. Středověké legendy..., s. 155.
- ⁵⁰ Fontes rerum Bohemicarum, t. II, p. 246–247.
- ⁵¹ Codex diplomaticus et epistolaris Bohemiae. Pragae, 1904, t. 1, fasc. 1, N 81, p. 88.

Н. Кочев

ХРИСТИАНСТВО И ПОЛИТИКА ВИЗАНТИИ В ОТНОШЕНИИ БАЛКАНСКИХ СТРАН В ЭПОХУ ОБРАЗОВАНИЯ РАННЕФЕОДАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

Изучение проблемы связи христианства и деятельности государственной власти в Византии может содействовать уяснению особенностей внешней политики вообще и по отношению к балканским странам — в частности. Этот вопрос не сводится к формальному соотнесению христианства как культа и мировоззрения с государственными интересами империи — он состоит в раскрытии связи между политическими отношениями как формой государственной деятельности и христианством как разновидностью политической активности.

Будучи первоначально независимым, христианство со временем превращается в один из основных политических факторов государственности. Это весьма существенный момент, так как он стал играть серьезную роль в отношениях между государствами. Поиски его истоков следует вести в двух направлениях: 1. В изучении появления и распространения христианства как культа и

как мировоззрения. Если в первые столетия после появления христианства церковь не оказывала влияния на политическую жизнь империи, то только потому, что христианство, угнетаемое в силу господства язычества в официальной жизни страны, не было еще превращено в культ и мировоззрение всего общества; 2. В рассмотрении судеб язычества, которому было привержено вначале большинство общества и которое во внутренних социальных взаимоотношениях, а также на международной арене играло определенную политическую роль.

Политическая роль языческого культа и его служителей предопределялась тем обстоятельством, что его верховным жрецом являлся сам властелин государства¹. Следовательно, рубеж превращения христианства из его «чистой формы» в политическую силу составляет одновременно и рубеж в отмирании язычества и превращении христианства во всеобщий культ.

Термин «рубеж» следует, разумеется, понимать условно. Миланский эдикт 313 г. лишь фиксировал момент признания христианства как религии наравне с остальными культурами империи. Миланский эдикт не навязывал обществу христианство и не запрещал язычества. Новая религия, зародившаяся в недрах римского общества, представляла собой реальное явление, ознаменовавшее возникновение новых общественных отношений. Христианство, выходя из катакомб, исподволь вытесняло языческий культ и постепенно становилось орудием в политическом арсенале государственной власти. В этом отношении показателен тот факт, что I Вселенский собор был создан не в столице Римской империи, а в одном из провинциальных городов Малой Азии, в Никее. Языческий культ в столице все еще сохранял достаточно сильные позиции, он находился под покровительством самого императора. VII Вселенский собор (II Никейский) также был создан вне столицы. Это был период иконоборчества. Сопоставление этих двух фактов объясняет, почему в Византии христианская церковь занимала всегда подчиненное положение в политических взаимоотношениях с государством². Это положение она унаследовала в силу господствующей в Римской империи языческой традиции, согласно которой император являлся и верховным понтификом (*pontifex maximus et sol invictus*)³.

Зависимость христианской церкви от государства восходит, таким образом, к римской практике. Спор о божественной сущности Христа, который был рассмотрен на I Вселенском соборе, был разрешен Константином I, предложившим термин «единосущный» (*όμοούσιος*), несмотря на то, что из-за употребления именно этого определения в 270 г. был осужден отцами церкви Павел Самосатский. Решения всех соборов, в особенности вселенских, входили в силу после подписания их государством. Эти моменты предопределили и место, и роль главы церкви в политике государства — внутренней и внешней. Христианство оказалось необходимым элементом в системе полномочной государственной власти: деятельность церкви сопутствовала акциям политической

власти и оказывала ей помошь⁴. Это обстоятельство, как уже говорилось, было обусловлено двумя факторами: во-первых, тем, что христианство являлось сообществом верующих (это сообщество и есть церковь), интегрированным в государство в результате утверждения христианства в качестве официального культа; во-вторых, тем, что оно воспроизвело старые отношения между культом и властью, существовавшие прежде в государстве языческом. Следовательно, теократизм средневековой монархической системы имеет исторический характер.

В ходе истории утверждается и такое положение, когда христианство, став безраздельно господствующим вероисповеданием всех подданных государства, регламентирует их общую сопринадлежность. Христианство отнюдь не предполагало этнической асимиляции. И как культ, и как мировоззрение оно играет существенную политическую роль в международных отношениях. Оставаясь в границах догматического и канонического единства, оно было разделено на поместные церкви-сообщества. Церковь превращается в институт, имевший большое значение в общественной жизни. Следовательно, рассматривая политику Византии по отношению к балканским государствам, невозможно ожидать расхождений между церковной и государственной властями; они раскрывают сущность своей политики, дополняя друг друга⁵.

Самоопределение средневековых народностей ограничивало византийский ойкуменизм. Впрочем, по существу, трудно говорить о византийском ойкуменизме вообще. Не превратив в процессе христианизации греческий язык в священный язык, Византия открыла широкие возможности для обособления отдельных народностей с помощью самого же христианства. Оформление автономных и полуавтономных архиепископий и митрополий обусловило превращение константинопольского патриарха лишь в номинального церковного представителя Византии как государства. Эта церковная децентрализация облегчила появление местных, «народностных» церквей со своими самостоятельными представителями. Границы византийского ойкуменизма оказались таким образом сужены. Он продолжал оказывать периферийное влияние посредством перевода богослужебных, религиозно-философских и других сочинений на тот или иной народный язык. В этом состояло существенное отличие политики константинопольской патриархии от действий римской церкви. Рассматривая вопрос объективно, надо сказать, что римский ойкуменизм был намного сильнее византийского. Римская церковь также не сумела остановить процесс обособления народностей, но она весьма умело утверждала латинский язык в качестве богослужебного⁶. Кроме того, чтобы подкрепить политические притязания церкви, она возвела в ранг догмы представление о том, что папа — наместник Христа на земле⁷; отсюда вытекало утверждение о единстве церкви и запрещение создавать поместные церкви со своими особыми представителями. Церковь воспринималась здесь как со-

общество верующих не в локальном, а во вселенском аспекте. Перед ней ставились не частные задачи — ее предназначением объявлялось служение общим идеалам. Интересы народности представлялись как забота лишь политической власти.

Эти несколько моментов в учении римской церкви предопределяли и ее отношение к Константинополью, и ее претензии к балканским славянским государствам. Существование принципиальных различий между политикой римской и константинопольской церквей — факт, который до сих пор не нашел достаточно ясного объяснения в научной литературе. Причин этих разногласий много, поэтому здесь их можно только перечислить, но не объяснить. Однако последствия указанных церковно-политических противоречий между Римом и Константинопольем, доходивших порой до открытых конфликтов, хорошо известны. Римский первосвященник, выдвигая тезис о верховном понтификате, стремился к «денационализации», к ослаблению у христиан чувства народностной принадлежности. В церковь как сообщество верующих входил и сам государь. Он (если рассматривать вопрос с его религиозной стороны) был равен всем остальным в этом сообществе и, следовательно, зависел от церковного предстоятеля, т. е. от папы. Правитель имеет право на власть до тех пор, пока исполняет указания верховного первосвященника — римского папы. В странах Запада и единый язык (латинский) должен был употребляться не только во время богослужения, но и в дворцовой канцелярии. Священные и богослужебные тексты не переводились на разговорный язык. Государь получал право на власть, а также и свой титул от папы.

Константинопольская патриархия, противодействуя по политическим причинам претензиям папы на первенство в церкви, отрицала и все те положения папской курии, которые в политическом и церковном аспектах бросали определенную тень на деятельность Константинополя как «второго Рима». В Византии не находил практического воплощения тезис о всемирном характере церковной власти. Здесь полностью сохранилась восходящая к римскому язычеству практика, согласно которой религиозная организация находится внутри государства и власть монарха преобладает над властью церковного предстоятеля⁸. В Константинороме, правда, имели место попытки противопоставления обеих властей и даже ситуации, когда патриарх оказывался сильнее императора. Эти явления, однако, надо рассматривать конкретно, причем и причины их должны быть объяснены отдельно в каждом конкретном случае. Восточная церковь, таким образом, развивалась и строилась на внутригосударственном принципе, и ее надо рассматривать в системе государственно-политической власти. Церковный предстоятель не только не превосходил государя, но и не был равен ему. Церковь как институт была автономной в своем внутреннем религиозно-каноническом устройстве, но она не могла проводить политику, независимую от государственной власти или направленную против интересов государства.

Границы церковных диоцезов совпадали с внутренними политico-административными границами государства.

Восточная церковь развивалась как государственная церковь, чьи интересы являлись интересами ее собственного государства. Каноническое достоинство и иерархическая степень церковного предстоятеля определялись в конечном счете волей и политическими возможностями главы государства. Греческий язык не был канонизирован как сакральный язык, священные и богослужебные тексты переводились на языки других народов. Язык превращался в средство политики, которое служило церкви, содействовало обособлению народностей. Этот факт по существу не оправдывает тезиса о серьезном политическом влиянии константинопольского патриарха на соседние поместные церкви. Влияние Византии в качестве культурной, политической и церковной силы реализовывалось в заимствовании у нее форм управления и институтов. Причем это влияние не превращало соседние государства в вассальные территории империи; патриарх не являлся единственным и верховным церковным главой. Как раз здесь существовало большое различие между Римом и Константинополем, которое славянские князья использовали для достижения своих политических целей. Римский папа не упускал ни одного удобного случая, чтобы расширить зону своего церковного господства в направлении Константинона. Христианизация славянских народов и определение их места в системе христианских стран давали благоприятный повод для активизации дипломатической борьбы между Константинополем и Римом за власть и влияние на неофитов.

Для славянских народов IX в. является переломным. Это период завершения перехода от строя военной демократии к феодальному государству, в котором институты управления приобрели принципиально новую внутреннюю структуру и иное функциональное значение. Вопрос о языке письменности и проповеди у славян был выдвинут в ходе этой борьбы на передний план. Окончательная христианизация общества сама по себе есть фактор, знаменующий оформление нового типа государства, но принятие христианства не в его абстрактной форме, а христианства, которое, будучи проповедуемым на понятном массам населения языке, превращается также и в фактор оформления народности. Следовательно, христианизация балканских славянских народов и создание «национальных» церквей посредством проповеди и литературы на родном языке — это явления, обусловившие ускоренное развитие самого общества⁹.

Когда речь идет о причинах принятия христианства в Болгарском государстве при князе Борисе, обыкновенно подчеркивают ряд факторов, которые, однако, сами по себе не могли бы принудить Бориса изменить веру своего народа. Но позволительно спросить: почему христианство не было принято, например, при хане Круме? Факторы внешнего принуждения не создают объективной закономерности: они могли заставить Бориса перейти в

христианскую веру, но не могли заставить стать христианином по убеждению и способствовать процессу консолидации болгарской народности путем учреждения болгарской церкви с проповедью и письменностью на болгарском языке. IX в. явился переломным в ускорении процессов феодализации на Балканах и в Византии в той же мере, в какой IV в. являлся переломным, ознаменовав начало перехода от рабовладения к феодализму как новой общественно-экономической формации. В IX в. в Болгарском государстве и в IV в. в Римской империи происходили сходные процессы. Константин Великий, приравняв христианство к старым языческим культам и превратив Византий в столицу восточной части империи, не только разделил государство на две части, но и увидел несовместимость старого мышления с развитием новых общественных отношений, которым и как культ, и как мировоззрение, т. е. и по форме, и по содержанию, соответствовало христианство, а не язычество. Это была объективная необходимость, и ее заметили. Попытка Юлиана запретить проповедь христианства оказалась неудачной. Объективные законы общественного развития заставляют с собой считаться. Это почувствовал и Грациан, который навсегда снял с себя тогу великого понтифика¹⁰.

Болгарский правитель Борис осуществил в известном смысле то, что сделал когда-то Константин I: и при одном, и при другом преграда между язычеством и христианством постепенно рушилась. Константин принял крещение только в конце своей жизни, но он присутствовал на I Вселенском соборе и оказал большое влияние на принятие христианского определения бога («όντος»). Борис развернул усиленную дипломатическую и культурно-сози-дательную деятельность. Осознанная князем необходимость не только самому быть христианином, но и иметь в своем государстве независимую болгарскую церковь привела к столкновению папы и константинопольского патриарха. Недавний язычник, Борис понимал значение титулов «князь» или «царь» в системе государственных отношений, сознавал он и роль независимой «национальной» церкви с богослужением и проповедью на родном для народа языке.

Вопрос о болгарской церкви был не единственным среди факторов, которые обострили отношения между Римом и Константинополем, но он оказался последней каплей, переполнившей чашу их взаимного терпения. Вопрос о том, насколько тесными должны были остаться связи с Западом, стал причиной смены на патриаршем престоле в Константинополе Игнатия и Фотия. Борис проявил способность быстро и умело ориентироваться в этих взаимоотношениях, тем более что он хорошо знал свои потребности как правителя государства. Константинополь поначалу был против оформления болгарской «национальной» церкви, однако опасность распространения влияния католицизма почти до самой столицы империи заставила имперский двор и патриарха поспешить с согласием на требования Бориса. Учреждение автономной

церкви во главе с архиепископом считалось в той ситуации большим успехом. В сущности, с церковно-правовой точки зрения «автономность» означала независимость, так что провозглашение церковного предстоятеля патриархом, т. е. полное уравнение болгарской церкви с константинопольской, было лишь вопросом времени.

Другой момент, который характеризует отношение Константинона к соседним государствам и о котором, в новой связи, следует сказать еще раз,— полемика о языке. Сведения по этому вопросу имеются в Пространных житиях Константина Философа (Кирилла) и Мефодия, в так называемых Паннонских легендах. Хотя речь идет об агиографических текстах, мы тем не менее полагаем, что и они могут содержать ценные и достоверные сведения. Константин Философ исполнял ряд дипломатических функций: его посыпали и к хазарам, и к сарацинам. В житии, однако, не говорится, на каком языке он вел диспуты со своими оппонентами. О его миссии к хазарам Паннонское житие сообщает, что сразу после приезда в Херсон (Херсонес) он изучил еврейский язык и перевел все восемь частей грамматики. С миссией же Константина к сарацинам можно связать известие проложного жития о том, что он изучил греческий, латинский, «сурский» и еврейский языки. Можно, казалось бы, исходя из этого, предположить, что Константин Философ отправлялся в то или иное государство, не зная, на каком языке будет там разговаривать, или что он лишь перед отъездом начинал изучать язык, необходимый ему для данной миссии, или, наконец, что автор жития приписывает ему изучение языков, не нужных для этой конкретной миссии. Однако, когда его направляли в Моравию, Константин Философ задал вопрос: «Имеется ли у славян письменность?» Он не спросил, на каком языке ему придется говорить, а проявил заботу о письменности для составления богослужебных книг, тех самых книг, которые будут читать в Моравии, когда их (Константина и Мефодия) там уже не будет. Если верить словам императора Льва VI, мы должны согласиться с тем, что империя заботилась о повышении культурного уровня своих «варварских» соседей и живших в самой империи славян. Однако в своей «Тактике» Лев VI пишет, что его отец Василий I Македонянин «уговорил славян отказаться от своих старых обычаяв, превратил их в греков и заставил повиноваться архонтам, согласно ромейскому обычаяю». Между данными Паннонского жития Константина Философа и сообщением «Тактики» Льва VI мы не усматриваем противоречий. Внутренняя политика Василия I по отношению к славянам в составе империи не зависела от политики в отношении славян вне ее границ и наоборот. Его план эллинизации славян в империи преследовал более далекие перспективы, а именно — избежать нового восстания славян, которое могло привести к потере Византией части ее земель и переходу этих земель под власть славяно-болгарского князя Бориса. Что касается вопроса о том, будут ли иметь свою письменность

славяне за пределами империи, то, по нашему мнению, его положительное решение императором было актом большого политического значения. После того, как славяне за пределами империи образовали свои государства, добрососедские отношения Византии с ними, с одной стороны, препятствовали папским вымогательствам, а с другой — обеспечивали империи более спокойный тыл в эпоху нарастания арабо-мусульманской опасности. Утверждение Василия I в беседе с Константином Философом, будто «его дедушка и его отец, а также и другие искали такую письменность, но не нашли ее», находит известное подтверждение у патриарха Фотия, который, не отрицая права такой письменности на существование, нигде не говорит о том, что она возникла до Константина Философа (Кирилла) и Мефодия. Император Василий и патриарх вынуждены были принять и негласно утвердить славянскую письменность. Об этом говорит и то обстоятельство, что в византийских сочинениях IX в. не обнаружено никаких сведений об обоих братьях. И если Михаил III в своем послании папе Николаю I называл латинский язык «варварским» и «скифским», то вряд ли и древнеболгарский язык был им охарактеризован иным образом — однако, без огласки, во избежание межгосударственных политических осложнений.

Отношение константинопольского императорского двора и патриарха к славянским народам было сдержаным и дипломатичным. Провозглашение болгарского государя Симеона «царем болгар и ромеев» не вызвало особенно острой реакции. Не вызвало ее и провозглашение патриархом болгарского архиепископа, на соборе болгарских архиереев. Послание константинопольского патриарха сдержанно, но само по себе весьма красноречиво: политические контакты между империей и Болгарским государством осуществляются не императором, а патриархом. Большая политика требовала политического мышления, и империя не делала резкого поворота в отношении болгар после провозглашения болгарского правителя «царем болгар и ромеев», а болгарского архиепископа — патриархом. В арсенал политических контактов вошли нравственно-поучительные послания. Византия пождалась в мире и не хотела лишиться его только потому, что государь Болгарии объявил себя царем, а его архиепископ — патриархом, без благословения константинопольского патриарха. Император и патриарх отступили от утвердившейся практики рассматривать восточную церковь как единый диоцез константинопольского патриарха, венчающего светских верховых правителей короной и удостаивающего духовным званием священнослужителя. В данном случае интересы империи не позволили византийцам пойти традиционным путем. Именно это и показывает, что ни константинопольский патриарх не следовал каким-либо канонам, сформулированным вселенскими или поместными соборами, ни болгары их не нарушали. Так самодержавная власть византийского василеса и вселенский авторитет константинопольского патриарха оказались бессильными защитить свое монопольное положение.

Им не оставалось ничего другого, как согласиться на претензии их соседей-христиан. Эта новая направленность во внешней политике византийской государственной и церковной власти открыла перспективу для утверждения нового статуса взаимоотношений, который будет характеризовать политico-церковные связи империи с остальными восточнохристианскими государствами на Балканах вплоть до конца их самостоятельного существования, т. е. до установления османского владычества.

¹ Cp.: Altheim F. Römische Religionsgeschichte, s. l., 1933, Bd. III.

² Bauer A. Vom Griechentum zum Christentum. Leipzig, 1910;

Γραδίστρα Σέργ. Ὁ Ἑλληνισμὸς καὶ οἱ Βαλκανικοὶ γείτονες του. Ἀθῆναι, 1945; Ζακυνθηνός Δ. Βυζάντιον. Κράτος καὶ Κοινωνία. Ἰστορικὴ ἐπισκόπησις. Ἀθῆναι, 1951.

³ Στεφανίδου Βασ. Κ. Ἀρχιμ. Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία (ἀπ' ἀρχῆς μέχρι σήμερον). Ἀθῆναι, 1970, σ. 145—147.

⁴ Μπαλάνου Σ. Δ. Πολιτεία καὶ Ἐκκλησία. Ἀθῆναι, 1920.

⁵ Κονιδάρη Γερ. Ι. Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία τῆς Ἑλλάδος. τ. β, Ἐκδ. δευ. Ἀθῆναι, 1970.

⁶ Στεφανίδου Βασ. Κ. Ἀρχιμ. Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία..., σ. 488.

⁷ Παπαδοπούλου Χρ. Τό πρωτεῖν τοῦ Ἐπισκόπου Ῥωμῆς. Ἀθῆναι, 1964.

⁸ Сложные вопросы взаимоотношений между императором и патриархом мы оставляем в стороне, так как они заслуживают специального рассмотрения.

⁹ Подробнее о принятии христианства в Болгарии см.: Петров П. Покръстването на българите.— Исторически преглед, 1965, № 3, с. 33—60.

¹⁰ Στεφανίδου Βασ. /с. Ἀρχιμ. Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία..., σ. 147.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение представляется целесообразным акцентировать внимание на основных положениях, выдвинутых докладчиками, на наиболее интересных моментах дискуссии на симпозиуме, наконец, на его важнейших итогах — в чем он оправдал ожидания организаторов и в чем, напротив, не отвечал тем задачам, которые, в соответствии с заранее согласованным планом, ставились перед данной научной встречей.

Излагая ниже основные идеи докладов (статьй), мы отвлекаемся от того порядка, в каком они были прочитаны на симпозиуме. По-новому систематизируя их, следует оговориться, что ряд докладов, в особенности тех, которые отличались широкой постановкой проблемы, носил многоплановый характер. Поэтому предложенная ниже их группировка в известной степени условна — она произведена соответственно наиболее важным, по нашему мнению, аспектам, затронутым докладчиками.

Все доклады (статьи) можно разделить условно на три группы. К первой, самой крупной (12 статей) принадлежат статьи, посвященные разным аспектам этнического, социально-экономического и политического развития древних славян в догосударственный период их истории. Ко второй группе мы отнесли статьи, в которых трактуются вопросы формирования государственности, локальных особенностей этого процесса, а также отдельные аспекты экономического развития раннефеодальных славянских государств (эту группу составляют 8 статей). Наконец, третья, последняя группа представлена двумя докладами, касающимися проблем организации у южных и западных славян христианской церкви и ее связей с восточными и западными религиозными центрами.

Из 12-ти статей первой группы наиболее широко и многопланово вопрос поставлен в статье Д. Ангелова (НРБ) «Проблемы предгосударственного периода на территории будущего Болгарского государства». Автор рассматривает ряд кардинальных (для понимания процесса трансформации строя военной демократии в государственный) вопросов ранней истории славян и протоболгар. Указав на необходимость глубокого и всестороннего изучения эволюции славянского и протоболгарского обществ в период до поселения на Балканах и отметив ряд общих черт в развитии двух народов, Д. Ангелов вместе с тем акцентировал внимание и на их особенностях (славяне — оседлые земледельцы, протоболгары —

кочевники и полукочевники) и подчеркнул значение крупных перемен в жизни и славян и протоболгар после их поселения на Балканах не только в хозяйственной, но и в социально-политической сфере. Развитие значительно ускорилось. В связи с необходимостью удерживать в повиновении местное, автохтонное население и отстаивать независимость от Византии и аваров упрочились формы политической организации славян между Дунаем и Балканским хребтом. Приход протоболгар, возглавляемых Аспарухом, еще более содействовал этой тенденции — уже в рамках союзного политического объединения славян и протоболгар. Заключение этого союза (в 680—681 гг.), высшая власть в котором перешла к Аспаруху, и положило, по мнению автора, начало Болгарскому государству, некоторые элементы структуры которого, восходящие к догосударственной эпохе, сохранялись вплоть до середины IX в.

Один из самых трудных вопросов ранней истории славян — вопрос о времени формирования первых военно-политических союзов славян в Восточной Европе и о характере участия славян этого региона в событиях на Балканах в VI — начале VII в. Этой проблеме посвящена статья В. В. Седова (СССР) «Анты». Автор широко использует новейшие археологические и лингвистические разыскания, как и письменные источники; рассмотрев проблему расселения, этнокультурных особенностей и социально-политической организации восточнославянских племен VI—VII вв., занимавших южные, примыкающие к Черному морю между Доном и Дунаем земли и известных под именем «анты», В. В. Седов подкрепил тезис о существовании у антов крупного военно-политического объединения. Анты являлись диалектно-племенной группой восточных славян (им принадлежит обширная группа памятников типа Прага—Пеньковка), особенности которой, как и принятое ими имя, были обусловлены их расселением в местах ираноязычного (скифо-сарматского) населения. Автор считает, что антский военно-территориальный союз играл существенную роль в событиях VI — начала VII в. на Балканах и что анты не только совершали сюда походы, но и приняли участие вместе с другими группами славян в заселении полуострова (следы их пребывания фиксируются от нижнего Подунавья до Адриатики и на Среднем Дунае).

До сих пор остается крайне спорным вопрос о времени появления и расселения славян в левобережье Дуная. Письменные источники не оставили на этот счет достаточно ясных свидетельств. Тем больший интерес представлял доклад Л. А. Гиндина (СССР) «Значение лингво-филологических данных для изучения ранних этапов славянизации карпато-балканского пространства». Автор средствами лингво-филологического метода анализирует ряд топонимов, гидронимов, апеллативов и глаголов обитания, содержащихся в сочинениях Приска (V в.) и Прокопия Кесарийского (VI в.) и относящихся к бассейну Нижнего Дуная. Выводы Л. А. Гиндина чрезвычайно интересны: есть, видимо, основа-

ния для утверждения, что к середине V в. славяне уже населяли часть территорий не только в бассейне Тиссы и в левобережье Дуная, но также и район, окружающий Ниш (древний Наисос), т. е. лежащий в правобережье Дуная. Заслуживают внимания также соображения автора в пользу тезиса о расселении славян по крайней мере в конце V — самом начале VI в. также в Поморье.

Пользуясь сходной методикой, а также средствами семантико-исторического анализа, С. А. Иванов (СССР) в докладе «Терминология союза и подчинения у Прокопия Кесарийского» показал, что углубленное изучение ключевых терминов, выражающих у ранневизантийского автора характер отношений империи с «варварами» и тщательно прослеживаемых во всей совокупности его трудов, позволяет существенно уточнить наши представления о формах отношений Византии в VI в. с различными «варварскими» народами, в том числе со славянами. Автор удачно иллюстрировал этот тезис конкретными примерами, показывающими, что представляющиеся синонимичными при поверхностном чтении дипломатические термины у Прокопия соответствуют действительному разнообразию форм связей империи с «варварским» миром.

В докладе Г. Г. Литаврина (СССР) «Этносоциальная структура славянского общества в эпоху поселения на Балканах (VI—VII вв.)» была предпринята попытка проследить основные изменения в хозяйстве и социальном строе древних славян левобережья Дуная от начала заселения ими этого района до начала VII в. (по мнению автора, для разных групп славянских поселенцев в данной местности этот период занимал время от 50 до 100 лет). Особое внимание в докладе было уделено трем социальным категориям; основной массе местного славянского общества — свободным общинникам, невольникам и формирующейся племенной и союзно-племенной славянской аристократии. Ускорение развития славянского общества в этот период в результате тесных контактов с империей выразилось, по мнению автора, в устойчивом переходе от подсечно-огневого к пашенному земледелию, от родовой общины — к территориальной (земледельческой) и от большой семьи — к преобладанию малой; в укреплении права частной собственности на движимое имущество (прежде всего — воинскую добычу, в том числе рабов-пленников); в быстром возвышении знатных родов, обретавших власть над племенем и союзом племен и использовавших для усиления своего влияния и престижа находившиеся за пределами общинных связей группы — рабов и иноэтнические пришлые элементы. На взгляд докладчика, наследственность власти утверждалась сначала в рамках родственного клана или патронимии и лишь затем закрепилась за определенной семьей (вождя-князя).

Проблеме эволюции славянского общества и характера отношений славян с Византией в эпоху, последовавшую за их поселением на землях империи, посвящено две статьи: П. Петрова

(НРБ) и О. В. Ивановой (СССР). В статье П. Петрова «Военно-племенные союзы болгарских славян в VII в.» изложена цельная оригинальная концепция событий указанного столетия. По мнению автора, уже во второй половине VI в. мощный военно-племенной союз «Славиния» (или «Славинии») между Дунаем и Карпатами отстоял независимость и от аваров и от империи. Славяне этого союза первыми переселились на Балканы в начале VII в., где вступили в острый конфликт с империей. Помимо объединения в долине Нижнего Дуная, военно-племенной славянский союз сложился и в прилегающем к Солуни ареале. Okolo середины VII в. Византия восстановила свое господство на Черноморском и Эгейском побережьях и в центре полуострова — в районе от Адрианополя (включая Пловдив, Софию и Ниш) до Белграда. Оба славянских союза оказались разобщенными, и когда Византия в конце 70-х годов VII в. развернула против них наступление, обратились за поддержкой к «варварским князьям». Этими «князьями» и были, по мнению автора, на северо-востоке хан Аспарух, глава протоболгарского объединения, а в Македонии — хан Кувер, с боями ушедший из Аварского хаганата. Однако лишь союз Аспаруха с восемью славянскими племенами привел к образованию государства, в котором отдельные славинии сохраняли до начала IX в. самоуправление. Сохранялись славинии и около Солуни, вплоть до включения их части в IX в. в Болгарское государство. Согласно тезису П. Петрова, сохранение этнической индивидуальности большей частью группы болгарских славян было обусловлено, с одной стороны, их военно-политической организацией, а с другой — их включением и на северо-востоке и на юго-западе в пределы Болгарии, причем славяне предпочитали подданство этому государству подданству империи.

Доклад О. В. Ивановой (СССР) «Формы политической организации славянского общества в центральной и южной частях Балканского полуострова в VII—VIII вв.» представлял собой интересную (хотя попеволе гипотетическую в силу недостатка источников) попытку выявить, преимущественно на материале «Чудес св. Димитрия», конкретные формы организации власти в славиниях указанного региона и в союзах этих славиний в период от расселения в основном до 70-х годов VII и отчасти — до конца VIII в. Основу каждой славинии, согласно автору, составляло племя, являвшееся объединением территориальных общин. Высшая власть в союзе славиний (племен) принадлежала вождю-рексу, которому подчинялись архонты — вожди племен (славиний), располагавших, возможно, уже постоянными, хотя и немногочисленными, дружинами. Однако союзы славиний не были стабильными — они создавались лишь для осуществления конкретной военной задачи. Тем не менее славинии обнаружили большую устойчивость. Автор полагает, что их организация укрепилась в условиях усиления опасности со стороны империи: почти до конца VIII в. они сохраняли независимость. Даже пе-

реходя на статус архонтии (т. е. объединения, признавшего верховную власть византийского императора), славинии не утрачивали своей прежней структуры.

Четыре доклада были посвящены начальному периоду (VII – начало IX в.) истории народов, оформившихся впоследствии в группу западного славянства. Вопросы более точной локализации, обстоятельств возникновения и традиций так называемого Государства Само трактуются в докладе А. Авенариуса (ЧССР) «Государство Само: проблемы археологии и истории». Автор обосновывает следующие положения: независимое славянское объединение возникло не в северо-западных пределах Аварского хаганата, а вблизи этих пределов (на территории Южной Моравии) и не включало, по всей вероятности, земли Юго-Западной Словакии на левом берегу Дуная; возникновение «Государства Само» связано скорее не с восстанием против аварского господства, а с необходимостью защищаться от аварского нашествия; при своем расширении это славянское объединение могло охватывать и часть Северной Словакии, зависимой до того от аваров; факт исчезновения племенных наименований славян на Мораве и в Словакии (подобно тому, как это было в Нижней Мисии) был обусловлен, возможно, ускорением процессов централизации власти. В Моравии Моймировичей и в Нитре Прибины эти процессы реализовались, приведя в конечном итоге к оформлению подлинно раннефеодального государства на Среднем Дунае – Великой Моравии.

В важном соотношении с вопросами, поставленными А. Авенариусом, находится тема доклада З. Кланицы (ЧССР) «Падение Аварской державы в Подунавье». Автор основывается преимущественно на новейших археологических разысканиях. В пределах хаганата, который он рассматривает как этнически пестрое военно-племенное объединение, З. Кланица выделяет две этно-культурные зоны рубежа VII–VIII вв.: первая характеризуется распространением среди инвентаря погребений украшений, орудий и венцов из листового серебра и меди и находками византийских монет VI–VII вв., вторая – украшениями и инвентарем, изготовленными посредством литья металла и находками римских монет IV в. Преобладающий ритуал захоронений в этих зонах – свойственный аварам тип трупоположения. Особую, третью зону у северных пределов хаганата составляет территория, для которой характерны: трупосожжение как изначально господствующий ритуал захоронения, наличие укрепленных городищ и поселений (не свойственных аварским зонам), находки шпор, также не встречающихся в то время у кочевников. Появление в этом регионе на рубеже VIII–IX вв. захоронений по ритуалу трупоположения объясняется не проникновением аварского влияния или христианского культа, а процессами имущественной и социальной дифференциации. По мнению автора, распад Аварского хаганата был обусловлен не ударом войск Карла Великого, а внутренними процессами – центробежными тенденциями

ми укрепившейся славянской знати. В недрах хаганата возникли зародыши новых социально-политических структур, генетически связанных с возникшими позднее Великой Моравией и славянским княжеством в Посавье.

Сложный комплекс вопросов, связанных с взаимодействием внутренних и внешних факторов при зарождении государственности у западных славян, был рассмотрен в докладе В. К. Ронина (СССР) «Политическая организация славян Центральной Европы и их отношения с западными соседями в VII – начале IX в.». Используя весь известный фонд письменных источников, автор тщательно проследил в течение почти трех столетий динамику отношений славян с германцами, прежде всего с Франкским государством,— во всей их изменчивости и многообразии (от договоров о мире и ненападении до вассальных связей). Отношения с Франкским государством сами по себе вели к ускорению социального и политического развития славян, способствовали выделению и консолидации правящего слоя. Отражая внутренние процессы, эти связи, в свою очередь, воздействовали на общественную эволюцию славянского мира. Важным рубежом здесь В. К. Ронин считает вторую половину VIII – начало IX в., когда стали изживаться традиции военной демократии, упрочилась власть военачальника-князя, складывались органы управления на подвластных ему землях и создались предпосылки оформления раннефеодальной государственности.

Сходные в конечном счете процессы у полабских славян прошли на примере сорбов в статье Г. Э. Санчука (СССР) «Формирование государственности и раннефеодальной народности у сорбов». Автор показал, что к началу X в., когда сорбы были подчинены Германским государством, они вплотную подошли к стадии оформления независимого устойчивого государства. Становлению государственности и формированию сорбской народности препятствовали такие факторы, как длительное соперничество с соседними славянскими объединениями (оно стимулировалось различиями языческого культа сорбов сравнительно с культурами других полабских славян) и в особенности напряженной и неравной борьбой племенного союза сорбов, начиная с VII в., а затем и племенного княжения сорбов с Франкской, а с 40-х годов IX в.— с Восточно-Франкской державой. Процесс образования особой сорбской народности был также прерван иноземным завоеванием, хотя диалектно-этнографические особенности сорбов и после этого сохранялись в течение длительного времени.

Особое место на симпозиуме принадлежало докладу Е. П. Наумова (СССР) «К вопросу о разных уровнях этнического самосознания у южных славян (эпоха раннего средневековья)». Автор поставил несколько актуальных в теоретическом и методологическом плане вопросов о неравномерности процессов этнической консолидации, о различных ее уровнях у южных славян в VI–IX вв. на одновременных хронологически этапах их истории и о важности более глубокой разработки проблемы иерархичности

этнического самосознания. Докладчик обратил внимание на недостаточную четкость, разнобой и нередко противоречивость в употреблении различных этнических терминов, которые используются в современной научной литературе для характеристики истории эволюции этносов и этнических общностей в раннефеодальную эпоху.

Следующие ниже краткие замечания о ходе дискуссии сделаны не столько ради того, чтобы перечислить положения, выводы, наблюдения и концепции, нашедшие одобрение и согласие участвовавших в работе симпозиума специалистов, сколько для того, чтобы обозначить те вопросы и те моменты в заслушанных докладах, по которым обнаружились разногласия, которые были признаны спорными или — по крайней мере — нуждающимися в дополнительной аргументации.

В ходе дискуссии по аннотированным выше 12 докладам первой группы в вопросах к докладчикам и в выступлениях были высказаны следующие замечания. Было выражено пожелание в еще более тщательной выработке археологами критериев этнической атрибуции элементов материальной культуры (в частности, пражско-пеньковской, атрибуируемой антам). Было признано плодотворным пристальное изучение характера расселения и типов славянских поселений как одного из наиболее достоверных показателей и основных видов хозяйственной деятельности древних славян и уровня их общественного развития, поскольку структура сел, хуторов, городищ, несомненно, отражает разные стадии развития славянского общества. При некоторых конкретных разногласиях в понимании содержания ряда этнических категорий (понятий «субэтнос», «протонародность», «семья народов») общее одобрение нашло положение о безотлагательной потребности в содружестве с этнологами уточнить (и, видимо, расширить за счет введения новых понятий) употребляемую ныне этническую терминологию применительно к феодальной эпохе вообще и к раннефеодальному периоду, в частности.

Признавая бесспорным земледельческий характер славянского общества в период пребывания славян в долине Дуная и в эпоху расселения на Балканах, выступавшие в дискуссии отмечали, что мнение об оседлости славян и о земледельческом по преимуществу профиле их производственной деятельности на всей территории славянства к началу VII в. еще не может считаться вполне доказанным. В числе вопросов, конкретное, аргументированное изучение которых лишь удачно намечено, но еще далеко от убедительной и исчерпывающей трактовки, были названы в ходе обсуждения такие проблемы, как: характер и значение так называемого народного ополчения у славян в эпоху их вторжений на Балканы и в Центральную Европу, оформление и эволюция дружины вождя (князя) в догосударственный и раннегосударственный периоды истории славян, роль рабства и иноплеменных групп в процессе социального расслоения славянского общества, социально-политическая структура славиний. Как одна из наибо-

лее актуальных проблем современной медиевистики была признана проблема тесного взаимодействия этнических и этносоциальных общностей, принадлежавших к разным хозяйствственно-культурным типам (а именно — оседлому, земледельческому и кочевому или полукочевому), в частности — проблема симбиоза аваров и славян, протоболгар и славян, венгров и славян.

Ко второй группе докладов, в которых в целом трактовались вопросы раннегосударственной истории славян, мы отнесли, как упоминалось, 8 докладов. Наиболее общий, теоретический характер отличал постановку проблемы в докладах В. Тыпковой-Заимовой (НРБ), Д. Тржештика (ЧССР) и И. Жемлички (ЧССР). Доклад В. Тыпковой-Заимовой «Формы власти в Византии и балканских государствах (до X в.)» имел при этом в определенном смысле программное значение для изучения совместно разрабатываемой тематики. В широком историко-сравнительном плане докладчица рассмотрела вопросы о сходстве и отличиях в системе организации власти в раннефеодальных государствах всего Балканского полуострова. В. Тыпкова-Заимова указала на необходимость более детального и точного определения места позднеантичных традиций и внешних влияний в процессе развития южнославянской государственности, а также выяснения значения феноменов, восходивших к догосударственному устройству славянского и протоболгарского общества. Особо докладчица отметила важность учета воздействия Франкского государства на ход политической эволюции славян (прежде всего — хорватов и словенцев) на северо-западе полуострова, а также пережитков аварского господства — на развитие славян в Центральноевропейском регионе. Как специфический, важнейший по своим последствиям фактор развития славян в границах Болгарии В. Тыпкова-Заимова отметила факт осуществления на этой территории двойного синтеза (славяно-византийского и славяно-протоболгарского). Как проблему, ждущую своего решения, докладчица поставила вопрос об изучении влияния Болгарии на становление и развитие других южнославянских государств.

Методологически сходное значение имел и доклад Д. Тржештика «Среднеевропейская модель государства периода раннего средневековья». Отметив значительные черты сходства в организации власти, системе эксплуатации, носившей в X—XI вв. в Чехии, Польше и Венгрии почти исключительно централизованный характер, а также указав на ведущую роль центральной власти в формировании крупного феодального, светского и церковно-монастырского землевладения в этих государствах, докладчик определил в качестве основной причины однотипности развития названных стран прежде всего близость их социально-экономической структуры, а именно — чрезвычайно высокие прерогативы власти государя на все земли государства и на самих непосредственных производителей — крестьян и ремесленников. Государство выступало здесь в раннефеодальный период в качестве коллективного господствующего класса, который утвердил, по мнению автора, свои права на собственность юридически свободных непо-

средственных производителей и, взимая с них ренту через аппарат государства, распределял ее (в лице государя) между представителями феодального класса. Эта форма структуры власти (в особенности — система «градов» и «служебные организации») и принципы централизованной эксплуатации восходят генетически, по убеждению Д. Тржештика, к периоду существования Великой Моравии.

В докладе И. Жемлички «Характер славянского заселения и возникновение раннефеодальной народности (на примере Чехии и Моравии)» был прежде всего обоснован вывод о том, что в числе причин, обусловивших опережающие темпы развития государственности в бассейнах Моравы, Дыи и Свратки, следует назвать более плотное и компактное заселение славянами именно этих мест в VII—IX вв. Автор показал также, что Великая Моравия, несмотря на краткость ее существования, сыграла крупную роль в процессе консолидации славянских племен в долине Моравы и в Среднечешской области; великоморавские этнокультурные и политические традиции сохранились в Чешском государстве Пржемысловичей, в пределах которого на рубеже X—XI вв. завершилось формирование древнечешской раннефеодальной народности.

Доклад Б. Н. Флори (СССР) «Служебная организация» у восточных славян был посвящен изучению специальной категории эксплуатируемого населения, на которую центральная власть возложила специфические повинности (по обеспечению двора государя, вельмож и крупных светских и духовных феодалов ремесленной продукцией разного рода, дичью, мехами, а также по обслуживанию усадеб, уходу за скотом и т. п.). Рассмотрение в докладе этой социальной прослойки на материале источников Великого княжества Литовского и Великого княжества Московского (хотя эти источники относятся к XV — началу XVI вв.) позволило уточнить важные вопросы, связанные с происхождением «служебных организаций» и не поддающиеся уяснению на материале центральноевропейских славянских стран, где эти организации играли крупную роль в X—XII вв. Выводы докладчика представляют большой интерес и в плане типологизации феодальных отношений в Восточной и Центральной Европе: установлено существование еще одного феодального института, позволяющего судить о чертах сходства в развитии феодальных отношений у восточных и западных славян.

Е. Койчева (НРБ) посвятила свой доклад «О характере аристократии в раннефеодальных государствах на Балканах» рассмотрению путей и специфики формирования господствующего класса раннефеодальных государств на полуострове. По мнению докладчицы, использовавшей широкий круг источников, несмотря на существенное значение византийского влияния большую роль в этом процессе играли этносоциальные, этнокультурные и политические традиции каждого народа (болгар, сербов, хорватов

и др.). Е. Койчева считает несостоятельным встречающееся в литературе и представляющееся упрощенным деление высшего слоя в раннефеодальных государствах на Балканах на столичную и провинциальную, на гражданскую и военную знать, в особенности — у славян, в государствах которых сферы гражданского и военного управления долго оставались не разграниченными. Весьма большое значение докладчица придает так называемому «принципу вертикальной подвижности», заключающемуся, в частности, в открытости слоя высшей знати в Византии и государствах славян для отличившихся на службе государю и приближенных к нему выходцев из низших слоев населения. Аристократизация господствующего класса, оформление его в замкнутое сословие отчетливо обозначились в Болгарии в эпоху Симеона, а позднее — при Комнинах — и в империи.

Доклад Е. Тодоровой (НРБ) «К вопросу о товарообмене на Балканском полуострове в период раннего средневековья» был посвящен проблеме возрождения на Балканах после «варварских» нашествий внутренних торговых связей и развития внешней торговли балканских стран, находившей юридическое оформление в межгосударственных договорах. Докладчица показала важную роль торговли в эту эпоху в укреплении экономического потенциала центральной власти славянских стран (прежде всего Болгарии) и в усилении господствующего слоя. Важнейшую роль играла торговля с Византией, осуществлявшаяся не только по морским и водным путям, но и по сухопутным дорогам, использовавшимся с античных времен. Особо остановилась Е. Тодорова на вопросе о торговом значении болгарских городских центров на Дунае.

В докладе П. Ангелова «Роль дипломатии в создании и укреплении Болгарского государства» был поставлен вопрос об основных методах и целях дипломатической деятельности болгарского двора в VIII—X вв. Методы и цели дипломатии как средства внешней политики определялись, как показал автор, феодальным характером общества и господством христианского мировоззрения. Существенным фактором, определившим направленность дипломатической деятельности Болгарского государства, было то обстоятельство, что оно находилось в опасном соседстве с Византийской империей и лежало на перекрестье путей из Азии в страны Центральной Европы. Болгарские земли, кроме того, являлись объектом соперничества за церковно-политическое влияние в этом регионе между Византией и римской курией. Помимо целей обеспечения безопасности государства и защиты его интересов в определявшейся названными внешними факторами ситуации, одной из важнейших задач болгарской дипломатии, по мнению автора, особенно в раннефеодальную эпоху, была борьба за включение в состав Первого Болгарского царства территории, населенных славянами болгарской группы.

Наконец, несколько особое место среди докладов этой второй группы занимал доклад Х. Матанова (НРБ) «Региональные осо-

бенности процессов образования государств на Балканах в период феодальной раздробленности» (тема доклада, как видно из его названия, выходила за рамки эпохи, которой был посвящен симпозиум). Докладчик рассмотрел типы государственных образований в XIV в. в соответствии с типологией феодальных обществ и государств, предложенной советскими исследователями М. А. Баргом и Е. Б. Черняком. Среди этих типов автор специально отмечает тот, который представлял собой продолжение процесса оформления новых государств на Балканах, хотя, на первый взгляд, они возникли лишь в результате распада крупных государств, включавших разные народности (например, образование албанских княжеств после распада Сербского царства). Не говоря о прочих важных наблюдениях докладчика, следует отметить в связи с темой симпозиума, что Х. Матанов отстаивает тезис, согласно которому среди факторов, обусловивших различия между балканскими государствами эпохи зрелого феодализма, при внимательном рассмотрении выявляются и те, возникновение которых восходит к раннефеодальному периоду.

Дискуссия по данной группе докладов коснулась ряда важнейших проблем раннефеодальной государственности у южных и западных славян. В частности, был поднят вопрос об основных критериях типологизации государственно-политических структур этой эпохи. Были высказаны пожелания специально изучить вопрос о возможности заимствования извне в «готовом» виде господствующими кругами одного общества модели организации государственной власти другого общества. В связи с этим была также отмечена важность тщательного исследования проблемы внешнеполитического влияния (и его вероятных пределов) на процесс становления новых государств и формирования их центрального и провинциального аппарата управления. Недостаточно ясным, по мнению выступавших в дискуссии, остается конкретный процесс изменений в общественном и служебном положении славянской и протоболгарской знати в VIII—IX вв., в особенности в период ликвидации административного дуализма в Болгарии в первой трети IX в. (важным следствием этой реорганизации была потеря сохранившихся в рамках государства славиниями своей автономии). Несмотря на ряд уже существующих концепций, объясняющих социально-экономические причины установления во многих раннефеодальных государствах по преимуществу централизованных форм эксплуатации, и несмотря на четко изложенную по этому вопросу позицию (в докладе Д. Тржештика) на симпозиуме, не все представлялось ясным отдельным участникам обсуждения в уяснении правовых основ введения регулярно функционирующей налоговой системы. В частности, был поднят вопрос о недостаточно изученных отличиях прав государя в централизованных раннефеодальных славянских странах на земли короны, с одной стороны, и на земли свободного крестьянства — с другой.

Наконец, о третьей, последней группе докладов. Проблеме

оформления и упрочения тесного союза между центральной властью раннефеодального государства и христианской церковью был посвящен доклад пражского археолога П. Соммера (ЧССР) «Роль церкви в раннефеодальном Чешском государстве». Используя материалы новейших археологических исследований, а также письменные источники, докладчик обосновал следующие положения: церковь в Чешском государстве была с самого начала превращена в послужное орудие центральной власти, став фактически частью государственной административной системы. Утверждение в Чехии западного культурного влияния совершалось в несколько этапов: оно было существенным уже в период подчинения церкви Регенсбургской епархии, усилилось после организации Пражского епископства в 70-х годах X в. и еще более упрочилось после схизмы 1054 г. (раскола между римской и восточнохристианской церквями). Оказывая постоянные важные услуги центральной власти, духовные феодалы ко времени утверждения зрелых форм феодализма сравнялись с крупными светскими магнатами и в экономическом могуществе и в политическом влиянии.

В докладе Н. Кочева (НРБ) «Христианство и политика Византии в отношении балканских стран в эпоху образования раннефеодальных государств» был рассмотрен сложный и еще недостаточно изученный вопрос об организации болгарской церкви в IX–X вв. и об основных этапах оформления ее юридического (канонического) статуса. Поставив в центре внимания проблему превращения христианской церкви в Болгарии (и отчасти в Сербии) в средство политической борьбы как внутри страны, так и вне ее, докладчик рассматривает этот процесс в тесной связи, с одной стороны, с острым соперничеством между Константинополем и Римом за влияние на славянские государства на Балканах, а с другой стороны – с упорным стремлением этих государств к упрочению своей независимости и этнокультурному обособлению.

Оба доклада, посвященные сходной проблематике, были с удовлетворением встречены присутствовавшими на симпозиуме. Было высказано, однако, пожелание: еще более тщательно, на основе скрупулезного анализа всех наличных источников уяснить последовательность конкретных фактов и событий, которые были связаны с этапами организации церкви в Болгарии.

В целом для обмена мнений и дискуссий на симпозиуме были характерны взаимная заинтересованность в поисках наиболее убедительного решения поставленных в докладах вопросов, корректность и доброжелательность при возникавших разногласиях. Отмеченные выше некоторые спорные моменты в данном заключении акцентированы специально более отчетливо, чем они звучали в выступлениях и в вопросах к докладчикам. Нам представлялось это необходимым, имея в виду конечную цель выполнения совместно разрабатываемой темы, а именно: синтезировать и обобщить выводы, напедшие в целом признание участников кол-

лективного исследования, четко фиксировать дискуссионные проблемы и сущность возникших по ним разногласий, наметить, на конец, наиболее актуальные и перспективные направления дальнейшей работы.

С этой же целью, по всей вероятности, целесообразно указать здесь и на то, в чем конкретная программа прочитанных на симпозиуме докладов не вполне соответствовала задачам, вытекавшим из совместно разработанного и согласованного плана. Есть все основания для утверждения, что подавляющее большинство представленных на симпозиум докладов соответствовало его программе. В постановке и методологических и конкретно-исторических вопросов авторы стремились, учитывая состояние современной историографии, внести свой вклад в разработку именно слабо изученных аспектов темы, придерживаться при этом возможно более строго той тематики, которая была рекомендована в качестве первого этапа выполнения всего плана совместной работы. Часть прочитанных на симпозиуме докладов, при их, несомненно, высоком научном уровне, не отвечала или не вполне отвечала указанным задачам. Во-первых, они предвосхищали по тематике следующие два этапа работы, для которых предусмотрены планом очередные научные встречи и дискуссии. Во-вторых, частично выходили за пределы хронологических рамок темы.

Главная причина этого состояла, вне всякого сомнения, в том, что при составлении совместного плана и организации работы на первом этапе (как и в определении проблематики первого симпозиума) организаторами — и прежде всего медиевистами-славистами Института славяноведения и балканстики АН СССР — не были заранее (начиная с проспекта плана) детально разработаны и четко обозначены циклы важнейших проблем для каждого из трех этапов исследования. Обозначенные в плане работы темы для трех симпозиумов оказались, по-видимому, сформулированными слишком общо.

Разумеется, нельзя было ожидать, что относительно небольшой коллектив специалистов из трех стран в состоянии в течение трех лет поднять и решить все аспекты столь обширной и трудной темы, как «Образование и развитие славянских раннефеодальных государств и народностей в Центральной и Юго-Восточной Европе». Еще до начала совместной работы было совершенно ясно, что на последнем этапе, когда в повестке дня окажется задача подведения итогов и теоретического осмысливания центральных проблем темы, авторам соответствующих разделов последнего выпуска придется опираться не только на материалы симпозиумов, но и на обширную новейшую специальную литературу вопроса. Тем не менее нельзя не пожалеть, что ряд крупнейших проблем первого цикла не был подвергнут на симпозиуме обсуждению. В числе таких проблем можно было бы назвать такие вопросы, как причины неравномерности общественно-политического развития славянских народов, значение кочевых и полукочевых народов (аваров, протоболгар, венгров) в государственно-

политической и этнической истории славян в раннем средневековье, формирование феодальной земельной собственности и класса зависимого крестьянства, специфика развития города у славян и ее влияние на особенности социальной и этнической структуры славянского общества в VII—X вв. в разных ареалах южного и западного славянства и т. п.

Но, несмотря на все сказанное выше о недостатках, имевших, по нашему мнению, место на первом этапе выполнения намеченной планом совместной работы, мы имеем, видимо, право сказать, что в целом начало работы является обнадеживающим, и мартовский симпозиум 1984 г. был в основном успешным, как это было отмечено в заключительных выступлениях его организаторов — И. Жемлички, Г. Г. Литаврина, В. Тыпковой-Заимовой. Публикуемые в настоящем выпуске доклады являются надежной основой для продолжения работы и дают достаточно материала, который может быть использован в теоретическом обобщении итогов изучения проблемы на заключительном этапе выполнения плана сотрудничества медиевистов-славистов четырех академических институтов НРБ, СССР и ЧССР.

Г. Г. Литаврин

**СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ СОТРУДНИКОВ
СЕКТОРА ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ
О ВОЗНИКОВЕНИИ И РАЗВИТИИ
РАННЕФЕОДАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ И НАРОДНОСТЕЙ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ,
ВЫШЕДШИХ В 1980—1985 гг.**

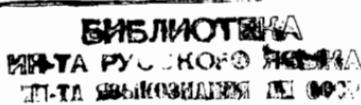
- Литаврин Г. Г. Славяне Мисии и Малой Скифии до прихода протоболгар Аспаруха (тезисы).— В кн.: Античная балканистика: М., 1980, с. 36—37.
- Литаврин Г. Г. По поводу нового исследования об образовании Второго Болгарского царства.— Византийский временник, 1980, т. 41, с. 92—112.
- Литаврин Г. Г. Народы Балканского полуострова в составе Византийской империи в XI—XII вв.— В кн.: Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981, с. 170—185.
- Литаврин Г. Г. К проблеме образования Болгарского государства.— Сов. славяноведение, 1981, № 4, с. 29—48.
- Литаврин Г. Г. Славяне Нижнего Подунавья во время образования Болгарского государства.— В кн.: Първи Международен конгрес по българистика. Българска държава през вековете: Доклади. С., 1982, т. 1, с. 36—47.
- Литаврин Г. Г. О соответствии между византийскими и османскими формами организации экономики города в XV—XVI вв.— В кн.: Балканские исследования. М., 1982, т. 7, с. 30—41.
- Литаврин Г. Г. Формирование этнического самосознания болгарской народности (VII — первая четверть X в.).— В кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с. 49—82.
- Литаврин Г. Г., Королюк В. Д. Формирование этнического самосознания славян в эпоху раннего средневековья.— Общественные науки, 1983, № 1, с. 184—191.
- Литаврин Г. Г., Наумов Е. П. Особенности становления раннефеодальных славянских государств.— В кн.: Балканские исследования. М., 1984, т. 9, с. 15—28.
- Литаврин Г. Г. Формирование и развитие Болгарского раннефеодального государства (конец VII — начало XI в.).— В кн.: Раннефеодальные государства на Балканах. М., 1985, с. 132—188.
- Литаврин Г. Г., Наумов Е. П. Межэтнические связи и межгосударственные отношения на Балканах в VII—XII вв.— Там же, с. 285—313.
- Наумов Е. П., Королюк В. Д. Перемещение славян в Юго-Восточной и Центральной Европе и формирование народностей.— В кн.: Славянские древности. Киев, 1980, с. 5—11.
- Наумов Е. П. Советская историография о возникновении и развитии Первого Болгарского царства.— В кн.: История и культура Болгарии. М., 1981, с. 40—53.
- Наумов Е. П. Процессы формирования средневековой сербской народности и балканские влахи.— В кн.: Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981, с. 186—203.
- Наумов Е. П. Возникновение этнического самосознания раннефеодальной хорватской народности.— В кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с. 167—181.
- Наумов Е. П. Формирование этнического самосознания древнесербской народности.— Там же, с. 181—195.

- Наумов Е. П.** Славянская знать и церковь в византийских провинциях и соседних раннефеодальных государствах (западная часть Балканского полуострова, XI в.).— В кн.: *Jahrbuch für die Geschichte des Feudalismus*. B., 1982, Bd. VI, S. 109–116.
- Наумов Е. П.** Советские историки о проблемах становления Первого Болгарского царства.— В кн.: Советская болгаристика. М., 1983, с. 25–30.
- Наумов Е. П.** Становление и развитие сербской раннефеодальной государственности.— В кн.: Раннефеодальные государства на Балканах. М., 1985, с. 189–218.
- Флоря Б. Н.** Моравское посольство в Константинополе (начало 60-х годов IX в.).— В кн.: Славянские древности. Киев, 1980, с. 107–117.
- Флоря Б. Н.** Формирование чешского раннефеодального государства и судьбы самосознания славянских племен Чешской долины.— В кн.: Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981, с. 97–130.
- Флоря Б. Н.** Сказания о начале славянской письменности и современная им эпоха.— В кн.: Сказания о начале славянской письменности. М., 1981, с. 5–69.
- Флоря Б. Н.** О самосознании великоморавской народности.— В кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с. 82–96.
- Флоря Б. Н.** Формирование этнического самосознания раннефеодальной чешской народности.— Там же, с. 120–143.
- Флоря Б. Н.** К оценке исторического значения славянской письменности в Великой Моравии.— В кн.: Великая Моравия, ее международное и культурное значение. М., 1985, с. 195–217.
- Санчук Г. Э.** Особенности формирования этнического самосознания у полабских славян (VI–X вв.).— В кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с. 195–212.
- Санчук Г. Э.** Некоторые итоги и перспективы изучения Великой Моравии.— В кн.: Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985, с. 6–28.
- Рогов А. И.** О понятии «Русь» и «Русская земля» (по памятникам письменности XI – начала XII в.).— В кн.: Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981, с. 51–56.
- Рогов А. И., Флоря Б. Н.** Формирование самосознания древнерусской народности (по памятникам древнерусской письменности X–XII вв.).— В кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с. 96–120.
- Ронин В. К.** Международно-правовые формы взаимоотношений славян и империи Карла Великого (союз и вассалитет).— Сов. славяноведение, 1982, № 6, с. 36–48.
- Ронин В. К.** Франко-хорватские отношения в трактате Константина VII Багрянородного «Об управлении империей».— В кн.: Византийский временнонник. М., 1983, т. 44, с. 60–68.
- Ронин В. К.** О « власти » Карла Великого над славянами.— Сов. славяноведение, 1984, № 1, с. 33–45.
- Ронин В. К.** Каартанское княжество: проблемы этнополитической истории ранних словенцев.— В кн.: Этногенез, ранняя этническая история и культура славян. М., 1985, с. 18–20.
- Ронин В. К.** Славянская политика Людовика Благочестивого: 814–829.— В кн.: Из истории, языка и культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1985, с. 5–33.
- Ронин В. К.** Славяне в латинской литературе VII – начала IX века.— Сов. славяноведение, 1986, № 3, с. 43–54.
- Ronin V. K.** The Franks on the Balkans in the early Ninth Century.— *Etudes Balkaniques*, 1985, N 1, p. 39–57.
- Иванов С. А.** Болгары и русские в изображении Льва Диакона.— В кн.: Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981, с. 203–215.

- Иванов С. А.* Оборона Византии и география проникновения «варваров» через Дунай в первой половине VI в.– В кн.: Византийский временник. М., 1983, т. 44, с. 27–47.
- Иванов С. А.* Оборона балканских провинций Византии и проникновение «варваров» на Балканы в первой половине VI в.– Там же, 1984, т. 45, с. 35–53.
- Иванов С. А.* Прокопий о славянском «образе жизни».– В кн.: Античная балканистика. М., 1984, с. 14–15.
- Иванов С. А.* Псевдо-Кесарий, Прокопий и проблемы информированности о славянах в середине VI в.– В кн.: Этногенез, ранняя этническая история и культура славян. М., 1985, с. 14–16.
- Иванова О. В.* Славяне и Фессалоника во второй половине VII в. по данным «Чудес св. Димитрия»: постановка вопроса.– В кн.: Славянские древности. Киев, 1980, с. 81–107.
- Иванова О. В.* Некоторые вопросы экономического развития славян в долинах Струма и Вардара в VII–VIII вв.– В кн.: Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981, с. 215–231.
- Иванова О. В., Литаврин Г. Г.* Славяне и Византия.– В кн.: Раннефеодальные государства на Балканах. М., 1985, с. 34–98.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БАН – Българска академия на науките. С.
- БЕ – Балканско езикознание
- БИ – Балканские исследования
- ВДИ – Вестник древней истории
- ВИ – Вопросы истории
- ГИБИ – Гръцки извори за българската история. С., 1958–1980. Т. II–Х
- ГСУ ИФ – Годишник на Софийския университет. Исторически факултет
- ГСУ ФИФ – Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факультет
- ЗРВИ – Зборник радова Византолошког института. Београд
- ИНМВ – Известия на Народния музей. Варна
- ИП – Исторически преглед. С.
- КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
- ЛИБИ – Латински извори за българската история. С., 1960, 1965. Т. II–III.
- СА – Советская археология
- СЭ – Советская этнография
- AIESEE – Association internationale des études Sud-Est européennes. Buc.
- AR – Archeologické rozhledy. Pr.
- BZ – Byzantinische Zeitschrift. München
- CCH – Český časopis historický. Pr.
- CsCH – Československý časopis historický. Pr.
- DOP – Dumbarton Oaks Papers
- HC – Historický časopis. Br.
- KH – Kwartalnik Historyczny. Kraków
- KHKM – Kwartalnik historii kultury materjalnej. W-wa
- MGH – Monumenta Germaniae Historica. Hannoverae
- MGH SS rer. germ. – Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum. B.
- PH – Przegląd Historyczny. W-wa
- RH – Roczniki Historyczne. Poznań

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Ангелов Д. Проблемы предгосударственного периода на территории будущего Болгарского государства	7
Седов В. В. Акты	16
Гиндин Л. А. Значение лингво-филологических данных для изучения ранних этапов славянизации карпато-балканского пространства	22
Иванов С. А. Понятия «союза» и «подчинения» у Прокопия Кесарийского	27
Литаврин Г. Г. Этносоциальная структура славянского общества в эпоху поселения на Балканах (VI–VII вв.)	33
Петров П. Военно-племенные союзы болгарских славян в VII в.	44
Иванова О. В. Формы политической организации славянского общества в центральной и южной частях Балканского полуострова в VII–VIII вв.	56
Авенариус А. «Государство Само»: проблемы археологии и истории	66
Кланица З. Падение Аварской державы в Подунавье	74
Ронин В. К. Политическая организация славян Центральной Европы и их отношения с западными соседями в VII – начале IX в.	83
Санчук Г. Э. Формирование государственности и раннефеодальной народности у сорбов	97
Наумов Е. П. К вопросу о разных уровнях этнического самосознания у южных славян (эпоха раннего средневековья)	107
Тылкова-Заимова В. Формы власти в Византии и балканских государствах (до X в.)	116
Тржештик Д. Среднеевропейская модель государства периода раннего средневековья	124
Жемличка Й. Характер славянского заселения и возникновение раннефеодальной народности (на примере Чехии и Моравии)	134
Флоря Б. Н. «Служебная организация» у восточных славян	142
Койчева Е. О характере аристократии в раннефеодальных государствах на Балканах	151
Тодорова Е. К вопросу о товарообмене на Балканском полуострове в период раннего средневековья	165
Ангелов П. Роль дипломатии в создании и укреплении Болгарского государства	174

<i>Матанов Х.</i> Региональные особенности процессов образования государств на Балканах в период феодальной раздробленности	179
<i>Соммер П.</i> Роль церкви в раннесредневековом Чешском государстве	186
<i>Кочев Н.</i> Христианство и политика Византии в отношении балканских стран в эпоху образования раннефеодальных государств	195
Заключение	204
Список основных работ сотрудников сектора древней и средневековой истории о возникновении и развитии раннефеодальных государств и народностей Центральной и Юго-Восточной Европы, вышедших в 1980–1985 гг.	218
Список сокращений	221

ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ
и
ПОЛИТИЧЕСКАЯ
СТРУКТУРА
РАННЕФЕОДАЛЬНЫХ
СЛАВЯНСКИХ
ГОСУДАРСТВ
и
НАРОДНОСТЕЙ

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики
АН СССР

Редактор издательства С. Н. Романова

Художник И. А. Козик

Художественный редактор Н. Н. Власик

Технический редактор Т. С. Жарикова

Корректоры Р. С. Алимова, Т. И. Чернышова

ИБ № 31910

Сдано в набор 30.10.86.

Подписано к печати 23.03.87.

А-04682. Формат 60×90^{1/16}

Бумага книжно-журнальная. Импортная

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 14 Усл. кр. отт. 14,3

Уч.-изд. л. 16,7

Тираж 1900 экз. Тип. зак. 73

Цена 2 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени

издательство «Наука»

117864, ГСП-7, Москва, В-485,

Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

2 р. 50 к.

ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛАВЯНСКИХ ГОСУДАРСТВ